COBEN

ХАРЛАН

КОБЕН

Его прошлое возвращается
и становится
ЕГО КОШМАРОМ!

НЕ ГОВОРИ НИКОМУ

The International Bestseller

Не говори никому
Харлан Кобен

Аннотация
Харлан Кобен. Не говори никому
1. ВОСЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

21
22
23
24
25
26
27
28
24
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46

Аннотация

Гибель жены стала для него трагедией. Восемь лет не может он забыть ужас пережитого. Восемь лет вспоминает ту ночь, когда видел ее живой в последний раз. Но теперь на его электронный адрес стали приходить письма, подписанные именем погибшей жены, – и он понимает: возможно, все, что он считал истиной все эти годы, – чудовищная ложь.

Он намерен раскрыть тайну случившегося, какой бы страшной она ни была. Но кто-то снова и снова пытается остановить его…

Харлан Кобен
Не говори никому

Маленький спросил: «А куда исчезает любовь, когда мы умираем и уходим на небо? Ты будешь любить меня, когда меня не станет?»

Большой взял Маленького на руки, и они вместе смотрели на сверкающие звезды, на плывущую по небу луну. «Взгляни, Маленький. Видишь, как ярко горят звезды? А ведь многие из них давным-давно погасли… Но свет их все летит к нам в ночной темноте. Вот и любовь, как звездный свет, не умирает никогда…»

Деби Глиори. Не важно что

Посвящается памяти моей племянницы Габи Кобен (1997–2000), нашей маленькой Мышки…

* * *

Я просто обязан был что-то почувствовать. Что-то такое, о чем обычно пишут в книгах: мороз по коже, застывшее напряжение в воздухе, зловещие нотки в завывании ветра… Какой-нибудь тайный знак, понятный лишь мне и Элизабет. Есть несчастья, которых мы почти ожидаем (пример тому — случай с моими родителями); другие же сваливаются на нас внезапно, сокрушая все, что составляло смысл нашего существования. Вот моя жизнь до трагедии. Вот — после. Ничего общего.

В день годовщины Элизабет казалась понурой. Я не придал этому значения: моя жена с детства имела склонность к меланхолии и частенько погружалась в глубокую задумчивость. Однако в тот вечер мне впервые показалось, что между нами возникла некая отчужденность. А может быть, я все это выдумал позже? К тому моменту наши отношения выдержали многое, и я размышлял, выдержат ли они еще и *эту* правду. Или, в случае, если я решу промолчать, эту ложь.

Кондиционер рычал, будучи включен на максимум, снаружи было жарко и влажно — типичный для этих мест август. По мосту Милфорд мы пересекли Делавэрское ущелье[1] и, заплатив дружелюбному служащему, въехали в Пенсильванию. Еще через десять миль, увидев надпись на камне, гласившую: «Озеро Шармэйн — частное владение», я свернул на проселочную дорогу.

Пыль захрустела под шинами, как под копытами арабского скакуна. Элизабет приглушила радио. Краешком глаза я заметил, что она изучает мой профиль, и у меня екнуло сердце. Справа промелькнули два оленя, щиплющих листья. Звери было встревожились, однако, осознав, что мы не представляем никакой опасности, вернулись к прерванной трапезе. И вот озеро. Солнце уже садилось. Его умирающий свет окрашивал небо в оранжевый и пурпурный; верхушки деревьев будто охвачены огнем.

— Не могу поверить, что мы снова здесь, — сказал я.

— Ты же сам все это придумал.

— Да, но тогда мне было двенадцать!

---

[1] Примечания: 1

Делавэрское ущелье — национальная зона отдыха «Делавэрское ущелье» — заповедник дикой природы в штатах Нью-Джерси и Пенсильвания, на берегах р. Делавэр. — Здесь и далее примеч. пер.

Элизабет сдержанно улыбнулась. Редкий подарок, каждая ее улыбка надолго оставалась в моей душе.

— Это романтично, — заявила она.

— Это ерунда.

— А я люблю романтику.

— Ты любишь ерунду.

— Ты ведь сам заводишься каждый раз, когда мы сюда приезжаем.

— Ну, тогда мое имя мистер Романтик.

Жена засмеялась и взяла меня за руку.

— Пойдем, мистер Романтик, а то темнеет.

Озеро Шармэйн. Это название придумал мой дед, и оно буквально выводило бабушку из себя. Бабушке, видите ли, хотелось, чтобы озеро назвали в ее честь — озеро Берты. А дед сделал вид, что не понял. Два очка в его пользу.

Пятьдесят с лишним лет назад здесь располагался летний лагерь для богатеньких детишек. Видно, дети порядком допекли владельца озера, потому что он буквально за гроши продал и его, и всю окружающую территорию моему деду. Дед снес большую часть строений, оставив и подремонтировав только директорский домик. Правда, в глубине леса, куда он не имел привычки заглядывать, сохранилось несколько

полуразрушенных домишек. Я вместе с сестрой Линдой обожал играть там в прятки, разыскивать пыльные сокровища, выслеживать Лешего, в существовании которого мы были уверены, как в своем собственном. Элизабет редко присоединялась к нашим походам. Она любила обжитые места, а загадки ее пугали.

Как только мы вышли из машины, меня окружили духи прошлого. Полным-полно духов, кружащихся вокруг и настойчиво требующих внимания. Выиграл, как всегда, отец. Тишина на озере стояла оглушительная, и все-таки я бы мог поклясться, что слышу, как он с радостным воплем летит с мостков — колени прижаты к груди; на лице — сияющая улыбка; упоение от восторга, светящегося в глазах его единственного сына, — и с оглушительным плеском падает в воду возле загорающей на плоту мамы. Она ругает отца и смеется.

Я моргнул, и видения отступили. Но смех мамы, крик отца, плеск воды все еще слышались в тишине озера, и я подумал, что, возможно, отзвуки тех дней не затихли навсегда, что где-то в верхушках деревьев до сих пор звучат голоса моих родителей. Мысль, согласен, не самая мудрая.

Воспоминания, знаете ли, ранят. А приятные

— особенно.

— Все в порядке, Бек? — окликнула меня Элизабет.

Я повернулся к ней.

— Если не ошибаюсь, мне пора начинать заводиться?

— Извращенец.

Элизабет двинулась вперед по тропинке — подбородок поднят, спина прямая, — и я вспомнил, как впервые увидел эту походку. Я ехал по крутой и ветреной Гудхарт-роуд на велосипеде с банановo-желтым сиденьем и изображением Бэтмена на раме. Ехал без рук, как и подобает крутому семилетнему парню. Ветер откидывал назад волосы и выжимал слезы из глаз, я пропустил фургон, проезжавший мимо старого дома Раскинов, повернул за угол, и — вот моя Элизабет! Она шла там с самодельным браслетом на руке, прямая, надменная и невероятно веснушчатая.

Две недели спустя мы встретились в школе, во втором классе, у мисс Собел, и с тех пор — только не улыбайтесь, — с тех пор были неразлучны. Взрослые и посмеивались над нами, и недоумевали; детская дружба переросла сначала в первую любовь, потом в подростковую увлеченность, а вскоре и в юношескую страсть. Все ждали, когда

же мы наконец перерастем наши отношения. Все, даже мы сами. Мы были неглупыми ребятками, особенно Элизабет, — первые ученики в классе и так далее, — поэтому прекрасно сознавали странность ситуации.

Только вот мы здесь, уже двадцатипятилетние, семь месяцев как женатые, на том самом месте, где впервые по-настоящему поцеловались.

Слащаво звучит, я знаю.

Ветви деревьев загораживали узкую сырую тропинку, приходилось все время отводить их в сторону. Воздух был напоен смолистым ароматом сосен, из густой травы позади нас с жужжанием поднимались тучи москитов и другой летучей мелочи. Тени деревьев сплетались в невероятные фигуры, которые можно было толковать так же свободно, как плывущие в небе облака или пятна в тесте Роршаха.[2]

Мы свернули в гущу кустарника и начали про-

---

[2] Примечания: 2

Психодиагностический тест для исследования личности, созданный в 1921 году швейцарским психиатром и психологом Германом Роршахом. Испытуемому предлагается дать интерпретацию десяти симметричных относительно вертикальной оси чернильных клякс. Каждая такая фигура служит стимулом для свободных ассоциаций — испытуемый должен назвать любые возникающие у него слово, образ или идею. Тест основан на предположении, согласно которому то, что индивид «видит» в кляксе, определяется особенностями его собственной личности.

дираться к заветной цели. Элизабет по-прежнему шла впереди, я в двух шагах за ней. Теперь это кажется почти символичным, а тогда я считал, будто ничто не может нас разлучить, и доказательство тому — долгая история нашей любви. И я виноват в том, что так беззаботно отпустил ее от себя.

Виноват.

Элизабет свернула вправо, к большому продолговатому камню, возле которого и росло то самое дерево. Наши инициалы были глубоко врезаны в кору.

Э.П. + Д.Б.

Ну и, конечно, сердечко вокруг. Под всем этим недоразумением было процарапано двенадцать линий, по числу лет, прошедших со дня нашего первого поцелуя. Я чуть было не ляпнул что-то о сентиментальных недоумках, однако, посмотрев на лицо Элизабет, потерявшее к тому времени значительную часть веснушек, на линию подбородка, на длинную, грациозную шею, спокойные зеленые глаза, темные, заплетенные в густую косу волосы, промолчал. В тот момент я чуть было не рассказал ей все, но что-то меня остановило.

— Я тебя люблю, — сказал я.

— Уже прослезился?

— А как же!

— Я тоже тебя люблю.

— Ага! — злорадно парировал я. — Сама не лучше!

Элизабет улыбнулась, как мне показалось, не очень уверенно. Я обнял ее. Когда двенадцать лет назад мы наконец-то набрались смелости поцеловаться по-настоящему, от нее пахло чисто вымытыми волосами и клубничными конфетами. Тогда я был ошеломлен новизной ощущений. Теперь от моей жены пахло сиренью и корицей, а я почувствовал, как поцелуй, подобно теплому светящемуся облачку, поднимается из самых глубин сердца. Я до сих пор испытывал шок, когда ее язык касался моего. Элизабет отстранилась и перевела дыхание.

— Уступаю тебе почетное право, — сказала она и отдала ножик, чтобы я вырезал на дереве тринадцатую линию. Тринадцать. Теперь это кажется предзнаменованием.

* * *

Когда мы вернулись к озеру, уже стемнело, луна плыла по небу одиноким маячком. Было очень тихо, даже сверчки почему-то молчали. Мы быстро разделись, я взглянул на Элизабет в

лунном свете и почувствовал комок в горле. Она нырнула первой, почти беззвучно, я неуклюже прыгнул за ней. Вода оказалась неожиданно теплой. Элизабет плыла, делая четкие, уверенные гребки, волны будто расступались перед ней, я с плеском двигался следом. Звуки разлетались по поверхности озера, как брошенные ловкой рукой камешки. Элизабет повернулась ко мне, мы обнялись. Я всегда любил прикасаться к ее коже. Она прижалась всем телом, я слышал ее дыхание и чувствовал биение сердца. Такие живые звуки. Мы поцеловались. Мои руки скользнули по ее спине…

После — а прошло все просто замечательно — я подтянул к себе плот и рухнул на него, переводя дух. Ноги свободно болтались в воде. Элизабет нахмурилась.

— Ты что, собираешься отвернуться и уснуть?

— И даже захрапеть.

— Ох уж эти мужчины!

Я улегся на спину, закинув руки за голову. Тучи закрыли луну, ночь стала еще чернее. Воздух был неподвижен, я отчетливо слышал, как Элизабет выходит из воды на мостки, и даже разглядел ее обнаженный силуэт. Стоит ли говорить, что она была сногсшибательна. Я наблюдал, как жена,

наклонившись, выжимает волосы и, выпрямившись, откидывает их назад.

На меня опять нахлынули мысли о недавнем происшествии, я все еще не верил в него до конца. Плот сносило течением, он отплывал все дальше и дальше от пристани, я начал терять Элизабет из виду. В тот момент, когда ее силуэт окончательно пропал в темноте, я вдруг решился: расскажу ей все! На меня нахлынуло невероятное облегчение. Волны с тихим шорохом бились о плот.

И тут хлопнула дверца машины.

Я рывком сел.

— Элизабет?

Тишина, слышно лишь мое прерывистое дыхание.

Я попытался разглядеть, что происходит. Тьма стояла непроглядная, но на какое-то мгновение показалось, что я увидел жену. Она стояла, молча рассматривая меня. И вдруг исчезла.

Я поморгал и снова вгляделся в темноту. Тщетно.

Сердце ушло у меня в пятки.

— Элизабет!

Нет ответа.

Я запаниковал. Нырнул с плота и поплыл к берегу. Казалось, что я чересчур шумно гребу

руками. Так шумно, что не слышу происходящего на берегу. Я остановился.

— Элизабет!

Ни звука. Тучи все еще закрывали луну. Может, Элизабет зашла в купальню? Или просто решила достать что-то из машины? Я открыл рот, чтобы позвать еще раз.

И тут услышал ее крик.

Я опустил голову и поплыл. Поплыл так быстро, как только мог, руки и ноги лихорадочно колотили воду. К несчастью, до мостков было слишком далеко. Я попытался хоть что-нибудь разглядеть, но луна все не показывалась.

Послышались звуки борьбы, вскрики, будто кого-то тащили силком.

Наконец я увидел причал. До него оставалось шагов двадцать, не больше. Я начал грести еще быстрее. Легкие горели, я наглотался воды, руки рывками двигали тело вперед. Вот она, лестница! Я вцепился в нее и рывком выдернул себя из воды. После Элизабет мостки еще оставались влажными. Я вгляделся в сторону купальни и ничего не увидел.

— Элизабет!

Что-то вроде бейсбольной биты воткнулось мне в солнечное сплетение. Я разинул рот и согнулся

пополам, пытаясь вздохнуть. И опять удар, теперь по затылку. В череп будто забили огромный гвоздь. Колени подломились, я упал и, ничего не соображая, схватился руками за голову, пытаясь унять боль. И тут меня ударили прямо в лицо.

Теряя сознание, я рухнул обратно в озеро. Элизабет закричала снова — на этот раз мое имя, — но все звуки затихли, и я ушел под воду.

1
ВОСЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Очередная малолетка разрывает мне сердце.

Карие глаза, курчавые волосы, белозубая улыбка. Ей четырнадцать, и…

— Ты беременна?

— Да, доктор Бек.

Я старался не зажмуриться. Это далеко не первая девочка, пришедшая на прием с подобной новостью. Не первая даже за сегодня. Я работаю педиатром в клинике Вашингтон-Хэйтс с тех пор, как пять лет назад окончил ординатуру в находящемся поблизости Колумбийском пресвитерианском медицинском центре. Согласно программе «Медикэйд»,[3] мы помогаем нуждающемуся (читай: бедному) населению: терапия, гинекология и, конечно, педиатрия. Потому многие и считают меня добреньким благотворителем. Они ошибаются. Я люблю свою работу, и мне скучно быть педиатром в каком-нибудь

[3] Примечания: 3

«Медикэйд» — программа медицинской помощи неимущим, осуществляемая на уровне штатов при финансовой поддержке федеральных властей. Для оказания медицинской помощи по этой программе существуют особые клиники.

богатом пригороде, общаться со спортивными мамочками и наманикюренными папочками, в общем, с людьми вроде меня.

— И что ты собираешься делать? — спросил я.

— Не я, а мы с Тереллом. Мы очень счастливы, доктор Бек.

— А сколько Тереллу лет?

— Шестнадцать.

Она глядела на меня, радостно улыбаясь. Мне опять захотелось зажмуриться.

Самое шокирующее, что большая часть подобных беременностей не случайна. Дети хотят иметь детей, и никто не принимает это в расчет. Да, с ними говорят о контроле рождаемости, предохранении, воздержании и тому подобном. Однако у их крутых друзей уже есть дети, и к ним привлечено всеобщее внимание. «Эй, Терелл, а почему бы и нам не…»

— Он меня любит, — сообщила четырнадцатилетка.

— Ты говорила с мамой?

— Нет еще. — Она сконфузилась и сразу стала выглядеть на свои четырнадцать. — Я думала, вы поможете.

— Разумеется, — кивнул я.

Я уже давно не осуждал их. Я слушал. Впиты-

вал. Несколько лет назад я бы прочел девочке лекцию. Тогда я свысока глядел на своих бестолковых пациентов и обрушивал на их головы горы сведений о саморазрушении и деградации. Но вот однажды, холодным манхэттенским утром, одна из них, изможденная семнадцатилетняя женщина, ожидавшая третьего ребенка от третьего отца, посмотрела мне прямо в глаза и сказала сущую правду: «Вы не знаете, как я живу».

Меня здорово встряхнула эта фраза. Я перестал разыгрывать белого миссионера и стал просто хорошим доктором. Я окружу девочку и ее ребенка всевозможной заботой и не стану объяснять маленькой дурочке, что Терелл скоро исчезнет из ее жизни, что она уже испортила себе будущее и, вероятно, родит еще парочку детей от других отцов до того, как ей исполнится двадцать.

Если думать об этом слишком много, начнешь сходить с ума.

Мы поговорили еще несколько минут. Вернее, говорила девочка, а я слушал. Моя смотровая, исполняющая также роль офиса, была размером с тюремную камеру (только не подумайте, что я знаю это по собственному опыту), со стенами, выкрашенными в веселенький зеленый цвет, каким красят душевые в школах. Таблица зрения (та,

где вы должны называть буквы) висела напротив двери, выцветшие картинки из диснеевских мультиков — на левой стене, огромный плакат с пирамидой питания — на правой. Моя четырнадцатилетняя пациентка сидела на смотровом столе с рулоном специальной бумаги, который выдавался в ходе осмотра каждому посетителю. Непонятно почему, бумага напомнила мне обертку сандвича из закусочной «Карнеги Дели».

Радиатор жарил на полную мощность, потому что в месте, где постоянно раздеваются дети, это просто необходимо. Я был одет в рабочий «костюм»: джинсы, рубашка и яркий галстук с эмблемой благотворительного фонда «Спасение детей» и датой «1994». Я не ношу белый халат. Мне кажется, он пугает малышей.

Моя четырнадцатилетка — я никак не мог отвлечься от ее возраста — была неплохой девочкой. Смешно, но большинство из них именно такие. Я выписал направление к хорошему гинекологу, потом поговорил с ее матерью. Ничего нового или необычного. Как я уже сказал, приходится заниматься такими вещами почти каждый день. Мы даже обнялись, перед тем как мать с дочкой вышли. За спиной девочки мы с матерью обменялись взглядами. Ко мне ежедневно

приводят своих детей примерно двадцать пять женщин — правда, к концу недели я могу на пальцах сосчитать тех, кто замужем.

Как я уже говорил, я никого не осуждаю. Я лишь наблюдатель.

Проводив посетителей, я взял медицинскую карту беременной и просмотрел несколько страниц. Я вел девочку с тех пор, как был еще ординатором, а ей исполнилось всего-навсего восемь. Она взрослела у меня на глазах. Я попытался вспомнить, как шесть лет назад выглядела моя пациентка, и понял, что девочка мало изменилась. Наконец-то можно зажмуриться и изо всех сил потереть глаза.

И тут истошно заорал Гомер Симпсон: «Почта! Почта пришла! О-о-о-о!»

Пришлось открыть глаза и повернуться к монитору. Гомера Симпсона — одного из героев мультика «Симпсоны» — кто-то встроил в систему оповещения компьютерной почты, а я и не возражал. Мне даже нравилось.

Только собрался проверить входящие, заквакал интерком, и Ванда, секретарь, неуверенно проговорила:

— Вас… кхм… вас… просит… Шона.

Я понял ее смятение, поблагодарил и нажал

мигающую кнопку.

— Привет, солнышко.

— Не надо любезностей, — отозвались на том конце трубки. — Я уже иду.

Я поднялся и прошел по коридору к приемной, куда с улицы входила Шона. Она вошла в маленькое помещение так, будто делала нам одолжение. Шона — топ-модель, все знают ее по имени так же, как Шер или, скажем, Наоми. При росте 185 сантиметров она весит 76 кило и выглядит, как вы и сами догадались, головокружительно. Все в приемной, повернув головы в ее сторону, невольно подтвердили этот эпитет.

Шона даже не подумала остановиться около секретаря, а секретарю и в голову не пришло ее окликнуть. Кивнув в сторону входной двери, она заявила:

— Ленч. Немедленно.

— Я же говорил, что буду занят.

— Надень пальто, там холодно.

— Слушай, у меня все нормально. В конце концов, годовщина только завтра.

— Столик заказан.

Я заколебался, и Шона это почувствовала.

— Пойдем, Бек! Будет весело. Совсем как в старые добрые времена, в колледже. Помнишь, когда

мы с тобой кадрили цыпочек?..

— Я никогда не кадрил цыпочек.

— Хорошо, я кадрила без тебя. Надевай пальто, и идем.

Я сдался и пошел одеваться. Около моего кабинета одна из мамаш хитро улыбнулась мне и шепнула:

— В жизни она даже лучше, чем на экране.

— Точно, — согласился я.

— А вы с ней… — Мамашка сложила ладони вместе.

— Нет, у нее уже есть кое-кто.

— Правда? И кто же?

— Моя сестра.

* * *

Мы сидели в облезлом китайском ресторанчике. Официант-китаец, как оказалось, понимал только по-испански. Шона, одетая в безупречный синий костюм, нахмурилась:

— Это что, мясо Му-шу[4] в черепашьем панцире?

— А ты попробуй, — посоветовал я.

---

[4] Примечания: 4

Му-шу — маленький дракончик, герой мультфильма «Мулан», снятого на студии У. Диснея.

Мы познакомились в первый день учебы в колледже. При составлении списков куда-то пропала буква «а», и вместо Шоны появился Шон. В итоге нас поселили в одну комнату в общежитии. Мы сначала хотели сообщить об ошибке в администрацию, но разговорились и неожиданно почувствовали растущую симпатию. Шона поставила мне пиво, и через час мы решили оставить все как есть. А то еще неизвестно, каких придурков могут к нам подселить.

Я поступил в Амхерст, знаменитый частный колледж в западном Массачусетсе. И если есть на свете место, где собирается больше маменькиных сынков, чем там, то я его не знаю. Элизабет, наша школьная звезда, выбрала Йель.[5] Конечно, мы могли поступить куда-то вместе, однако, обсудив все «за» и «против», решили, что надо вести себя по-взрослому и серьезно проверить наши отношения. Вы спрашиваете, что из этого вышло? Мы дико скучали друг без друга, разлука лишь укрепила чувства, придав им налет романтического страдания.

Слащаво, я знаю.

— Посидишь сегодня с Марком? — спросила

[5] Примечания: 5

Йель — Йельский университет — частный университет в г. Нью-Хейвен. Старейший университет в США, основан в 1701 г.

Шона с набитым ртом.

Марк был моим пятилетним племянником. Незадолго до окончания института Шона начала встречаться с Линдой. Семь лет назад они поженились, продуктом этой так называемой любви и стал Марк. Ну, конечно, не без помощи искусственного осеменения. Линда выносила ребенка, а Шона усыновила. Будучи несколько старомодными, они надеялись, что сын вырастет настоящим мужчиной, и я был призван олицетворять мужское влияние.

Короче, если вспомнить, что творится на работе, моя жизнь явно напоминает шоу «Семейка Осборн».

— Без проблем, — отозвался я. — Как раз хотел посмотреть новый диснеевский мультик.

— Ой, он замечательный! Не хуже «Покахонтас».

— Вот и отлично. А куда вы собрались, если не секрет?

— Очередное дурацкое мероприятие. Теперь лесбиянки в моде, и наша общественная жизнь стала чересчур бурной. Порой я даже жалею о временах, когда приходилось прятаться по туалетам.

Я заказал себе пиво. Не надо бы… а, ну ладно,

одно — не страшно. Шона последовала моему примеру.

— Итак, ты расплевался с этой, как ее там…

— Бренди.

— Точно. Классное имечко! У нее, случайно, нет сестренки по имени Виски?

— Мы всего лишь пару раз встретились.

— Я рада, она мне совсем не нравилась — ни кожи ни рожи. У меня для тебя есть кое-кто получше.

— Нет, спасибо.

— У нее потрясная фигура!

— Перестань сватать мне своих подружек, Шона. Пожалуйста.

— Объясни, почему?

— Помнишь ту, последнюю?

— Кассандру?

— Ее.

— И что с ней не так?

— Все так, кроме одной маленькой проблемы — она лесбиянка.

— О Господи. Бек, ты просто шовинист какой-то!

Зазвонил мобильник Шоны. Она откинулась в кресле и, разговаривая, изучала мое лицо. Затем, рявкнув что-то резкое, отключилась.

— Мне пора бежать, — вздохнула она.

Я махнул официанту.

— Заходи завтра вечером, — предложила Шона.

— Что, у лесбиянок нет никаких планов? — притворно удивился я.

— У меня нет. Зато твоя сестра приглашена на официальный прием в доме Брэндона Скоупа.

— А ты почему не идешь?

— Мы не хотим бросать Марка две ночи подряд. Линда не может не пойти, она руководит фондом. А я взяла отгул. Приходи, ладно? Закажем чего-нибудь поесть, посмотрим с Марком видео.

Завтра — годовщина. Будь Элизабет жива, мы бы процарапали на нашем дереве двадцать первую линию. Возможно, это прозвучит странно, но «особые дни» — годовщины, праздники, дни рождения Элизабет — пролетали для меня незаметно. Я загружал себя на полную катушку и просто не успевал страдать. Будни — вот что было самым страшным. Когда я щелкал пультом телевизора и натыкался на «Шоу Мэри Тайлер Мор» или «Ваше здоровье!». Когда рылся на полках книжного магазина и замечал новый роман Эллис Хоффман или Энн Тайлер. Когда слушал «Фор топс» или Нину Симонс…

— Я обещал зайти к матери Элизабет, — сказал я.

— О, Бек… — Шона была готова возразить и все же сдержалась. — А послезавтра?

— Непременно.

Шона схватила мою руку.

— Ты не пропадешь опять?

Я не ответил.

— Я люблю тебя, сам знаешь! В смысле, если бы мне вообще нравились мужчины, ты был бы первый на очереди.

— Я тронут, — ответил я. — Честно.

— Не убегай, не замыкайся в своей скорлупе! Говори со мной хоть иногда. Будешь?

— Буду, — сказал я.

И это была неправда.

* * *

Подумать только, я чуть не стер это сообщение!

Мне приходит столько всякого мусора, ну, вы знаете, того, что называют спамом, что рука почти машинально нажимает клавишу «Удалить». Обычно я читаю адрес, и если сообщение от кого-то из знакомых или из больницы — прекрасно. Нет — до свидания.

Я сел за стол и просмотрел расписание. Не продохнуть. Впрочем, как и всегда. Крутанулся на стуле и занес над клавиатурой «удаляющий» палец. Всего лишь одно сообщение, то самое, о котором оповещал Симпсон. Я кинул беглый взгляд на адрес, и мои глаза остановились на первых двух буквах темы.

Что за черт…

Экран был отформатирован таким образом, что я видел только эти две буквы и адрес отправителя. Совершенно незнакомый адрес: какие-то цифры и @comparama.com.

Я прищурился и нажал кнопку, сдвинув окно вправо. Каждое нажатие кнопки выводило на экран всего одну букву, в такт нажатиям бухал мой пульс, сбивалось дыхание. Я ждал, не отрывая пальца.

Когда все буквы появились на экране, я снова прочел тему — и в груди похолодело.

* * *

— Доктор Бек?

Я не мог разлепить губы.

— Доктор Бек?

— Минуточку.

Ванда заколебалась. Несколько секунд я еще

слышал в интеркоме ее дыхание, потом она отключилась. Я не мог оторвать глаз от экрана.

От: 13943928@comparama.com
Кому: dbeckmd@nyhosp.com
Тема: Э. П. + Д. Б.//////////////////////

Двадцать одна линия. Я уже четыре раза сосчитал.

Чья-то дурная, жестокая шутка. Я почувствовал, как пальцы сжимаются в кулаки. Знать бы, что за сволочной сукин сын прислал это идиотское сообщение. В Интернете невероятно легко сохранить анонимность; для подлеца, которому посчастливилось жить в наш технический век, нет лучшего укрытия. Но вот какая штука: не так уж много народу знает о нашем дереве и о годовщине. Журналисты и то не докопались. Знают, конечно, Шона и Линда. Элизабет могла поделиться с родителями и дядей. А кроме них…

Что же все это значит?

Нужно было немедленно прочесть само сообщение, однако что-то меня удерживало. Дело в том, что я думаю об Элизабет гораздо больше, чем кажется со стороны. Я никогда не говорю о ней или о случившемся. Люди, наверное, считают меня очень сдержанным и суровым; они уверены,

будто я не желаю принимать соболезнований, переживаю горе, как настоящий мужчина. Ерунда, дело совсем в другом. Разговоры об Элизабет ранят, и очень сильно. Я словно опять слышу ее последний крик, вновь передо мной встают вопросы, на которые никто не знает ответа, вновь одолевают мысли о том, что было бы, если бы не… Мало вещей на свете ранят так же больно, как это «если бы не…». Возвращается и чувство вины, и мысли о том, что кто-то другой — сильнее, смелее, — возможно, смог бы ее спасти.

Говорят, горе осознается не сразу. Первый шок мешает адекватно воспринимать реальность. И это тоже ерунда. По крайней мере, в моем случае. Я понимал все совершенно четко с того момента, как нашлось тело Элизабет. Я знал, что никогда не увижу ее снова, что никогда больше не обниму, что у нас не будет детей и счастливой старости. Знал, что это конец, что возврата к прошлому нет и ничего нельзя исправить или изменить.

Я тогда сразу начал плакать. Я плакал, не замечая этого, почти неделю без остановки. Я никому не давал до себя дотронуться, даже Линде или Шоне. Я спал на нашей с Элизабет кровати, зарывшись с головой в ее подушку, вдыхая ее запах. Я открывал платяной шкаф и прижимался лицом

к ее одежде. Это не утешало, даже наоборот. Но запах Элизабет был частью ее самой, и я продолжал терзать себя.

Умудренные опытом друзья — самые противные из всех — произносили затасканные слова о том, что я еще молод, что время лечит. Мне хотелось крикнуть им: «Выразите свое глубокое соболезнование и заткнитесь! Не надо говорить, что она теперь в лучшем мире. Не надо говорить, что так решила судьба. Не надо объяснять мне, что я — счастливец, потому что узнал такую любовь». Все эти банальности только бесили. Я смотрел на произносивших подобные слова идиотов и думал — не очень-то гуманно — о том, почему они все еще ходят по земле, в то время как моя Элизабет гниет в могиле.

Тем не менее, приходилось покорно выслушивать бредни про то, что «лучше узнать любовь и потерять ее, чем не любить вообще». Да нисколько не лучше. Мне показали рай, а потом отняли. И это еще не все. Хуже то, что Элизабет продолжала незримо присутствовать в моей обыденной жизни. Сколько раз я видел или делал нечто, что непременно бы ей понравилось, столько раз и возвращалась боль. Меня спрашивали: сожалею ли я о чем-нибудь? Если бы я удосужился отве-

тить, то сказал бы, что сожалею лишь об одном — что не потратил каждый миг своей жизни на то, чтобы сделать Элизабет счастливее.

— Доктор Бек?

— Секундочку.

Я положил руку на мышку и кликнул по клавише «Читать». Письмо появилось целиком.

> От: 13943928@comparama.com
> Кому: dbeckmd@nyhosp.com
> Тема: Э.П + Д.Б.//////////////////////
> Кликните по этой ссылке. День годовщины, час поцелуя.

В груди у меня похолодело.

«Час поцелуя»?

Все-таки розыгрыш, не иначе. Я никогда не любил шарады и не умел долго ждать.

Я снова схватил мышку и подвел стрелку курсора к ссылке. Щелкнул по ней и услышал, как нехотя заверещал старенький модем. У клиники не было средств на современное оборудование, и, открывая новую страницу, приходилось подолгу ждать. «Час поцелуя»… Как они узнали про час поцелуя?

На экране появилась надпись: «Ошибка».

Я нахмурился. Что же это, черт возьми, такое? Я

попробовал соединиться еще раз. Опять ошибка. Ссылка не работала.

Кто, дьявол его забери, мог знать о часе поцелуя?

Я никому не говорил. Мы даже с Элизабет это особо не обсуждали. Да и что тут обсуждать? Мы были сентиментальны, как Полианна,[6] и старались держать такие вещи в секрете. Вы спросите: какие? Дело в том, что, когда мы двадцать один год назад впервые поцеловались, я засек время. Просто так, для смеху. Глянул на часы и сказал: «Пятнадцать минут седьмого».

А Элизабет ответила: «Час поцелуя».

Я опять прочел сообщение. Это было совсем не весело, а, пожалуй, даже страшновато. Одно дело — сыграть жестокую шутку, и совсем другое…

Час поцелуя.

Он наступит завтра, в 18.15. Мне остается только ждать.

Больше ничего.

Я сохранил сообщение на дискете, просто на всякий случай. Потом полностью распечатал его на принтере. Я мало что понимаю в компьютерах, но говорят, будто по всей этой адресной

---

[6] Примечания: 6

Полианна — героиня одноименной детской книги (1913) американской писательницы Э. Портер, неисправимая оптимистка.

абракадабре можно вычислить, откуда пришло письмо. Принтер заворчал. Я снова перечитал тему и пересчитал линии. Точно, двадцать одна.

Я вспомнил наше дерево, первый поцелуй, и в моем тесном, душном кабинете вдруг запахло клубничными леденцами.

2

Дома я обнаружил еще один привет из прошлого.

Я живу вместе с дедушкой, на противоположной от Манхэттена стороне моста Джорджа Вашингтона, в типичном американском пригороде. Грин-Ривер, штат Нью-Джерси, — райончик, где, несмотря на название,[7] нет и не было никакой реки и почти не наблюдается зелени. Я переехал к деду и его постоянно меняющемуся штату наемных сиделок три года назад, после смерти бабушки.

Дедушка страдает болезнью Альцгеймера. Его мозг напоминает старый черно-белый телевизор. (Помните, тот, с ушастой антенной?) Он работает то хуже, то лучше. Иногда вдруг так хорошо, что вы пытаетесь зафиксировать антенну в этом положении и больше ее не трогать. Правда, и в этом случае по экрану бегут вертикальные полосы. Во всяком случае, до сих пор было именно так. Но в последние дни — если уж придерживаться сравнений — телевизор сломался окончательно.

---

[7] Примечания: 7
Грин-Ривер (Green River) — зеленая река (англ.).

Я никогда по-настоящему не любил деда. Он был старомодным человеком, очень жестким и авторитарным, его отношение к вам оказывалось прямо пропорционально вашим успехам. Суровый и принципиальный, дед и любил так же требовательно, как жил. Эмоциональный, впечатлительный, да еще и физически хилый внук не заслуживал особых чувств с его стороны.

Только я все равно переехал к нему. Потому что, если бы этого не сделал я, это бы сделала Линда. Подобные решения в ее стиле. Когда в летнем лагере мы пели псалмы, сестра принимала их содержание чересчур близко к сердцу. Однако у Линды есть сын и «вторая половина», можно сказать, семья. А у меня — никого. Поэтому я взял ответственность на себя, и не жалею об этом. Мне даже нравится здесь. По крайней мере тихо.

Хлоя, моя собака, подскочила, радостно виляя хвостом. Я потрепал ее мягкие, висячие уши, она недвусмысленно посмотрела на поводок.

— Подожди минутку, — попросил я.

Мой ответ Хлое явно не понравился. Она укоризненно поглядела на меня, что не так-то легко, когда твои глаза почти полностью закрыты шерстью. Хлоя — бородатый колли, порода, которая выглядит самой «пастушеской» среди всех раз-

новидностей колли, которых я когда-либо видел. Мы с Элизабет купили ее сразу после свадьбы. В те годы Элизабет любила собак, я — нет. Теперь люблю.

Хлоя рухнула около входной двери, настойчиво поглядывая то на нее, то на меня.

Дед сидел перед телевизором. Когда я вошел, он не повернул головы, хотя за происходящим на экране тоже не следил. Лицо его напоминало гипсовую посмертную маску. Единственной процедурой, которая немного оживляла маску, была смена памперса. В эти моменты губы деда разжимались, лицо становилось мягче, даже глаза наполнялись слезами. Похоже, что в этот момент его сознание ненадолго прояснялось.

У Господа своеобразное чувство юмора.

Сиделка оставила на кухонном столе записку: «Позвоните шерифу Лоуэллу». И номер телефона.

Я почувствовал, как в грудной клетке заколотилось сердце. После избиения на озере у меня начались мигрени, череп будто молнии пронзали. Пришлось даже лечь на обследование, и один специалист, мой студенческий приятель, сказал, что боли имеют скорее психологический, чем физиологический характер. Наверное, он прав. Вот и сейчас боль и чувство вины проснулись

одновременно. Надо было увернуться от удара. Надо было отбиваться, а не терять сознание и не падать в озеро. И — самое главное — я ведь как-то собрал силы и спасся. Значит, надо было сделать то же самое и для Элизабет.

Глупо рассуждать об этом теперь, я знаю.

Я перечитал записку. Хлоя начала повизгивать. Я поднял палец — она умолкла и все же продолжала перебегать глазами с двери на меня и обратно.

Я не слышал о шерифе Лоуэлле восемь лет, но до сих пор помню его сидящим около моей больничной койки с лицом, где отражались недоверие и насмешка.

Что ему понадобилось?

Я набрал номер. Трубку сняли после первого же звонка.

— Спасибо, что перезвонили, доктор Бек.

Я не очень люблю беседовать с полицией — в таких разговорах, на мой вкус, слишком много официальщины. Однако пришлось откашляться и любезно произнести:

— Чем могу быть полезен, шериф?

— Я на дежурстве, — ответил тот, — и хотел бы, если нет возражений, заскочить к вам.

— Это какая-то формальность?

— Нет, не совсем.

Лоуэлл подождал ответной реакции. Не дождался.

— Может, прямо сейчас? — спросил он.

— А по какому поводу визит?

— Я бы хотел подождать с объяснениями до…

— А я бы лучше узнал обо всем немедленно.

Я почувствовал, как мои пальцы крепче стиснули телефонную трубку.

— Хорошо, доктор Бек. Понимаю вас.

Он прочистил горло, явно пытаясь выиграть время.

— Может быть, вы уже слышали в новостях, что возле озера Шармэйн были обнаружены два тела?

Делать мне больше нечего, новости смотреть.

— И что из этого?

— Они найдены на территории, которая является вашей собственностью.

— Не моей, а моего деда.

— Но вы ведь его официальный наследник, разве нет?

— Ошибаетесь. Наследство получит моя сестра.

— В таком случае не могли бы вы ей позвонить? Я бы поговорил с вами обоими.

— Надеюсь, тела найдены не на самом берегу

озера?

— Нет, западнее. Фактически это уже не ваша земля, а округа.

— Тогда чего же вы хотите от нас?

Пауза.

— Слушайте, я буду через час. Попробуйте вызвать Линду, идет?

Шериф повесил трубку.

* * *

Восемь лет не прошли даром для шерифа Лоуэлла, хотя, по чести говоря, он никогда не был похож на Мела Гибсона. Паршивый такой мужичонка, ему бы с президентом Никсоном в красоте состязаться. Шериф имел привычку доставать из кармана потрепанный носовой платок, медленно, с достоинством разворачивать его, вытирать нос, так же не спеша складывать и запихивать обратно в задний карман брюк.

Линда приехала сразу же после моего звонка. Она сидела, напряженно подавшись вперед, готовая защищать меня до конца. Сестра часто сидела в такой позе. Линда принадлежала к породе людей, которые полностью завладевают вашим вниманием. Она устремляла на вас взгляд больших, блестящих карих глаз так, что вы были

просто не в состоянии смотреть куда-то еще. Я, конечно, необъективен, и тем не менее Линда — лучший человек из всех, кто встречался мне в жизни. Возможно, это прозвучит сентиментально, но тот факт, что она есть на земле, дает мне силы для существования, а ее любовь — практически единственное, что у меня осталось в этом мире.

Мы устроились в гостиной деда — месте, которое я обычно обхожу стороной. Это мрачная, душная комната, где стоит неистребимый запах старой мебели. Мне всегда трудно там дышать. Шериф потратил несколько минут на подготовку к разговору: основательно высморкался, достал из кармана блокнот, натянул на лицо самую приветливую из своих улыбок и обратился к нам с вопросом:

— Не будете ли вы так добры сказать мне, когда в последний раз были на озере?

— В прошлом месяце, — ответила Линда.

Лоуэлл перевел взгляд на меня.

— Восемь лет назад.

Он кивнул, будто ожидал чего-то подобного.

— Как я сказал вам по телефону, мы обнаружили два тела неподалеку от озера Шармэйн.

— Их уже опознали? — спросила Линда.

— Нет.

— Странно.

Лоуэлл опять потянулся за платком, давая себе время сформулировать очередную фразу.

— Мы выяснили, что оба покойных мужского пола, взрослые, белые. Сейчас проверяем базы данных по пропавшим. Тела достаточно давние.

— Насколько давние? — спросил я.

Шериф внимательно посмотрел мне в глаза.

— Трудно сказать. Данные экспертизы еще не готовы, но, по приблизительным прикидкам, им как минимум пять лет. Они были на редкость тщательно спрятаны. Если бы не недавний ливень, который размыл место захоронения, мы бы никогда их не нашли. Нам помог медведь.

Мы с сестрой озадаченно переглянулись.

— Извините, кто? — переспросила Линда.

— Охотник подстрелил медведя и обнаружил во рту у зверя человеческую кость. Руку, если быть точнее. Мы начали розыски, они, конечно, заняли некоторое время и, честно говоря, до сих пор не закончены.

— Думаете найти что-нибудь еще?

— Посмотрим.

Я откинулся назад, Линда сидела все так же напряженно.

— Значит, вы у нас, чтобы получить разрешение на раскопки возле озера?

— Частично.

Мы ждали продолжения. Лоуэлл прокашлялся и снова уставился на меня:

— Доктор Бек, у вас ведь третья группа крови, резус положительный?

Я уже открыл рот, но Линда предостерегающе положила руку мне на колено.

— А при чем тут это? — осведомилась она.

— Мы нашли еще кое-что. Рядом с телами.

— Что же?

— Извините, это конфиденциальная информация.

— Тогда уходите, — резюмировал я.

Шериф, казалось, не обиделся и не удивился.

— Я лишь пытаюсь выяснить…

— Я сказал: выметайтесь!

Он даже не двинулся.

— Я знаю, что убийца вашей жены сидит в тюрьме. И понимаю, что мои расспросы ужасно вас травмируют.

— Не надо меня утешать.

— Я и не собирался.

— Восемь лет назад вы считали, что это я ее убил.

— Не совсем так. Вы были ее мужем, и в таких случаях подозреваются все члены семьи.

— Если бы вы не тратили время на этот бред, то, возможно, нашли бы ее до того, как... — Я осекся, задохнувшись. Отвернулся. Черт! Черт побери все! Линда попыталась взять меня за руку, я отодвинулся.

— Это часть моей работы — принимать во внимание любую версию, — гнул свое шериф. — Начальство было в курсе. Даже ваш тесть и его брат были в курсе. Мы сделали все возможное.

Я больше не мог этого выносить.

— Что вы хотите от нас, Лоуэлл?

Шериф встал, подтянув брюки. Казалось, он старается выглядеть выше, внушительнее.

— Анализ крови, — ответил он. — Ваш.

— Зачем?

— Когда вашу жену похитили, вас избили.

— И что из этого?

— Вас ударили тупым предметом.

— Это всем известно.

— Да.

Лоуэлл опять вытер нос, аккуратно убрал платок и заходил туда-сюда по комнате.

— Непосредственно рядом с трупами мы обнаружили бейсбольную биту.

Я почувствовал, как в голове привычно запульсировало.

— Биту?

Лоуэлл кивнул.

— Захоронена вместе с телами. Деревянная.

— Не понимаю, какое отношение к этому имеет мой брат? — спросила Линда.

— Видите ли, на бите обнаружена засохшая кровь. Третьей группы. — Шериф повернулся ко мне. — Вашей группы.

* * *

Мы стали пережевывать все сначала. Годовщину, дерево, вырезанную линию, купание в озере, хлопок дверцы, мой неистовый заплыв обратно к берегу.

— Вы помните, как упали в воду? — спросил шериф.

— Да.

— Вы слышали, как кричала ваша жена?

— Да.

— Затем вы потеряли сознание? В воде?

Я кивнул.

— Вы сказали, что у берега было глубоко? Насколько глубоко?

— А вы не измерили восемь лет назад? — поин-

тересовался я.

— Ответьте на вопрос, доктор Бек.

— Не знаю. Глубоко, и все.

— Выше головы?

— Да.

— Прекрасно. Что вы помните дальше?

— Больницу.

— И больше ничего? Между падением в воду и больницей?

— Ничего.

— Вы не помните, как вылезли из воды? Как добрались до купальни? Как вызвали «скорую»? Вы ведь проделали все это, знаете ли. Мы нашли вас на полу с телефонной трубкой в руке.

— Знаю, но не помню.

Тут в разговор вмешалась Линда.

— Вы думаете, что эти два человека тоже жертвы, — она поколебалась, — Киллроя?

Последнее слово сестра произнесла шепотом. Киллрой. Одно его имя леденило.

Лоуэлл кашлянул в кулак.

— Мы не уверены, мадам. Все известные нам жертвы Киллроя были женщинами. И он никогда не прятал тела. Во всяком случае, нам об этом ничего не известно. Кроме того, кожа на телах уже разложилась, и мы не можем сказать, было

ли на ней клеймо.

Клеймо. У меня закружилась голова. Я закрыл глаза и перестал слушать.

3

На следующий день я ворвался в офис рано утром, часа за два до начала работы. Хлопнулся на стул у компьютера, вызвал загадочное сообщение и кликнул по ссылке. Опять ошибка. Впрочем, ничего удивительного. Я уставился на текст, пытаясь найти в нем какой-нибудь новый, более глубокий смысл. Не нашел.

Вчера вечером мне пришлось сдать кровь на ДНК. Полный тест займет несколько недель, но предварительные результаты будут гораздо раньше. Я пытался разговорить Лоуэлла и не смог, хотя он явно что-то скрывал. Что — не имею ни малейшего понятия.

Сидя в кабинете и дожидаясь первого пациента, я снова и снова прокручивал в голове подробности беседы с шерифом. Думал о найденных телах, об окровавленной бите. Позволил себе даже вспомнить о клейме.

Тело Элизабет нашли на Восьмидесятой автостраде через пять дней после похищения и через два дня после смерти. Во всяком случае, так

решил коронер.[8] Это означало, что она провела три дня своей жизни с Элроем Келлертоном, известным под кличкой Киллрой. Три дня. Наедине с монстром. Три рассвета и три заката, перепуганная, истерзанная. Я всегда запрещал себе думать об этом. О некоторых вещах размышлять просто невозможно, подсознание защищается.

Киллроя схватили через три недели. Он сознался в убийствах четырнадцати женщин (начиная с молоденькой студентки и заканчивая проституткой из Бронкса), совершенных им без всякой видимой причины, по чистой прихоти. Все жертвы были найдены брошенными у дороги, как отслужившие свой срок вещи. Все заклеймены буквой «К». Этот маньяк клеймил их, как скотину! Элизабет — тоже. Взял железку, сунул в огонь, предварительно надев на руку рукавицу-прихватку, подождал, пока клеймо не раскалится докрасна, и с отвратительным шипением прижег нежную кожу моей жены.

Я позволил мыслям забрести в запретную зону, и фантазия услужливо нарисовала мне картины одну страшнее другой. Я крепко зажмурился,

[8] Примечания: 8

Коронер — должностное лицо округа с медицинским образованием, свидетельствующее смерть человека (часто также выполняет функции судмедэксперта).

прогоняя их. Это не помогло. Кстати, он все еще жив, Киллрой. Наша судебная система дала этому монстру возможность дышать, читать, разговаривать, давать интервью, встречаться с благотворителями, улыбаться, в конце концов. А его жертвы гниют под землей. Как я уже говорил, у Господа оригинальное чувство юмора.

Я плеснул в лицо холодной водой, глянул на себя в зеркало. Видок тот еще. С девяти потянулись пациенты; признаюсь, я слушал их вполуха. Стенные часы как магнитом притягивали мой взгляд, стрелки, казалось, завязли в густом желе. Я ждал «часа поцелуя», четверти седьмого вечера.

В итоге мне удалось взять себя в руки и погрузиться в работу. Я это умею, еще в детстве мог часами просиживать над уроками. Когда погибла Элизабет, меня только работа и спасала. Кое-кто даже говорил, что за работой я прячусь от жизни. Я не задумываясь отвечал: «Не ваше дело».

В обед я проглотил сандвич с ветчиной, запил все бутылкой диет-колы и продолжил принимать пациентов. Один из них, восьмилетний мальчик с жалобами на сколиоз, посетил мануального терапевта восемьдесят раз за прошедший год! Причем спина у него в полном порядке, просто местные эскулапы подобным образом подхалту-

ривают. Они предлагают родителям бесплатный телевизор или видеомагнитофон, если те будут водить к ним детей. Затем выставляют «Медикэйду» счета за визиты. Не поймите меня превратно, программа «Медикэйд» — отличная штука, но народ ею откровенно злоупотребляет. Однажды «скорая» привезла ко мне шестнадцатилетнего парня, с чем бы вы думали? С банальным солнечным ожогом. Когда я спросил мать, почему они не доехали городским транспортом, та объяснила, что за метро ей бы пришлось платить самой, а потом неизвестно, сколько ждать возврата денег от государства. А «скорая» и так довезет.

В пять часов я распрощался с последним пациентом. Младший медперсонал потянулся к выходу около половины шестого. Когда офис окончательно опустел, я прочно устроился на стуле и начал пожирать глазами компьютер. В кабинете звонили телефоны. После окончания рабочего дня звонки принимал автоответчик, диктующий номера других клиник. Правда, по непонятной причине он включался только после десятого звонка, что доводило меня до белого каления.

Я вышел в Сеть, вызвал таинственное сообщение и попытался пойти по ссылке. Бесполезно.

Итак, мое сообщение и шерифовы трупы. Между ними должна быть какая-то связь. Какая же?

Версия первая: два убитых человека — тоже жертвы Киллроя. Тот факт, что в остальных случаях он убивал лишь женщин и бросал тела на виду, не дает нам права полностью исключить такую возможность.

Версия вторая: Киллрой нанял этих людей, чтобы они помогли ему похитить Элизабет. Это объясняет многое. Например, удар по голове, если, конечно, кровь на бите действительно моя. Я всегда задавался вопросом: как Киллрой, будучи маньяком-одиночкой, ухитрился втолкнуть Элизабет в машину и одновременно подкараулить меня на берегу с битой в руке? До того, как нашли тело, полиция выдвигала версию о нескольких похитителях, но, когда обнаружили заклейменный труп моей жены, от этой идеи отказались. Предположили, что Киллрой обездвижил Элизабет — оглушил или вроде того, — а потом вернулся к пристани, чтобы встретить меня. Да, притянуто за уши, и все же других объяснений не было.

Теперь есть. У него были сообщники. И он их убрал.

Версия третья, самая простая: кровь на бите не

моя. Третья группа не самая распространенная, однако и не редкая. Тогда эти трупы не имеют ничего общего со мной и Элизабет.

Не знаю, как вы, а я не мог в это поверить.

В углу экрана всегда светится самое точное время, компьютер получает данные через спутник.

18.04.42.

Всего десять минут восемнадцать секунд до…

До чего?

Телефоны надрывались. Я приглушил звонки и побарабанил пальцами по столу. Меньше десяти минут. А вдруг ссылка заработала уже сейчас? Судорожно вздохнув, я положил ладонь на мышь.

И тут запищал пейджер.

Странно, сегодня я не дежурю. Это либо ошибка операторов — что случается не так уж редко, — либо личный звонок. Сигнал повторился — двойной, знак особой важности вызова. Я взглянул на дисплей.

Шериф Лоуэлл. Вызов с пометкой «Срочно».

Восемь минут.

Надо перезвонить. Любая новость будет лучше очередных догадок.

Шериф не сомневался, что это я.

— Извините за беспокойство, док.

С недавних пор он называл меня «док». Будто

кто-то давал ему такое право!

— У меня к вам маленький вопрос.

Я снова взял мышь и щелкнул по ссылке.

— Слушаю.

В этот раз надпись об ошибке не появилась.

— Вам знакомо такое имя: Сара Гудхарт?

Я чуть не уронил телефон.

— Док?

Я отшатнулся от аппарата, уставившись на него в немом изумлении. Затем попытался взять себя в руки, опять прижал трубку к уху и, стараясь, чтобы голос не дрожал, спросил:

— А что, собственно, случилось?

Параллельно я косился на экран. На нем что-то засветилось. Судя по всему, одна из тех уличных камер, которые теперь повсюду. Они снимают определенный участок улицы и передают картинку в Интернет. Я сам иногда ими пользуюсь — перед выходом на работу просматриваю дорогу, чтобы объехать пробки.

— Долго объяснять, — ответил Лоуэлл.

— Тогда я перезвоню, — сказал я и повесил трубку.

Сара Гудхарт. Имя было мне знакомо. Даже слишком.

Что же, черт побери, происходит?

На экране окончательно загрузилось черно-белое изображение какой-то улицы. Верх страницы был пустым — ни названия, ни комментария. Я слышал, что можно настроить сайт таким образом. Теперь вот и увидел.

Взгляд на часы.

18.12.19.

Камера находилась на оживленном углу улицы, метрах в четырех от земли. Я понятия не имел, что это за улица, но город, судя по всему, был большой. Толпы уставших после рабочего дня людей — поникшие головы, опущенные плечи, портфели в руках — тянулись слева направо, наверное, на трамвай или автобус. Пешеходы накатывали волнами, видимо, неподалеку был светофор.

Я нахмурился. Кто и зачем решил мне это показать?

На часах было 18.14.21. Осталось меньше минуты.

Я прилип взглядом к экрану и начал отсчитывать секунды, как перед боем часов в новогоднюю ночь. Пульс участился. Десять, девять, восемь…

Накатила и отхлынула новая волна пешеходов. Я перестал смотреть на часы.

Четыре, три, два… Я затаил дыхание. Когда

снова взглянул на время, было уже 18.15.02.

Ничего не произошло… Хотя, с другой стороны, чего я ожидал?

Еще одна толпа пронеслась мимо, на несколько секунд улица опустела. Я откинулся назад, тяжело дыша. Выходит, все-таки шутка. И довольно злая. В любом случае…

Какая-то фигура показалась прямо из-под камеры. Будто человек прятался там все время.

Я рывком нагнулся к экрану.

Что это женщина, я понял сразу: хоть она стояла ко мне спиной и стрижка была короткая, но силуэт не оставлял сомнений. Камера давала общий план, я почти не мог разглядеть лиц, в том числе и ее. Поначалу.

Незнакомка остановилась. Я уставился на нее, гадая, повернет ли она голову. Женщина сделала еще шаг и находилась теперь прямо посередине экрана. Кто-то прошел мимо. Незнакомка стояла неподвижно. Затем, наконец-то обернувшись, медленно подняла лицо и взглянула прямо в камеру.

У меня оборвалось сердце.

Я зажал рот рукой, чтобы подавить крик. Я не мог дышать. Я ничего не соображал. Из глаз текли слезы, я не вытирал их.

Я смотрел на нее, а она — на меня.

Очередной наплыв пешеходов. Некоторые врезались в неподвижно стоящую женщину, и все-таки ее взгляд не отрывался от камеры. Она протянула руку, будто желая коснуться меня. Я почувствовал, что почти теряю сознание, как если бы все, что связывало мою жизнь с реальностью, неожиданно испарилось.

Я не понимал, на каком свете нахожусь.

Женщина не опускала ладонь. Я поднял свою и потрогал пальцами теплую поверхность экрана, будто здороваясь. Слезы полились ручьем. Я ласково гладил знакомое лицо и чувствовал, как мое сердце поет и разрывается одновременно.

— Элизабет, — простонал я.

Она смотрела в камеру еще пару секунд, а потом что-то сказала. Я не мог ее слышать, но прочел слово по движению губ.

— Прости, — шепнула моя погибшая жена.

И ушла.

4

Вик Летти внимательно посмотрел по сторонам, прежде чем скользнуть внутрь помещения почты, к ящикам «до востребования». Войдя, он снова воровато огляделся. Его никто не заметил. Чудесно. Вик не смог сдержать улыбки: план превосходен, к нему никто никогда не подкопается, и сейчас он наконец-то получит хорошие денежки.

Вся соль в прекрасной подготовке, думал Вик. Вот что отличает хороший план от великолепного. Спрячь концы в воду и предусмотри любую неожиданность.

Первым делом Вик с помощью своего бестолкового кузена Тони выправил себе фальшивые документы. Затем, используя их, арендовал ячейку под псевдонимом «ЮИС энтерпрайзес». Улавливаете? И фальшивые документы, и псевдоним. Теперь, даже если какой-нибудь умник подкупит работника почты, чтобы выяснить, кто снял ячейку для фирмы «ЮИС энтерпрайзес», он услышит имя Роско Тэйлор, значившееся на одном из фальшивых удостоверений Вика.

И никаких следов самого Вика Летти.

Через всю комнату Вик попытался разглядеть — белеет ли что-нибудь в крохотном окошке ячейки номер 417. Похоже, что-то есть. Прекрасно. Вик принимал только наличность, в крайнем случае почтовые переводы. Никаких чеков, разумеется. Ничего такого, что могло бы послужить хоть тоненькой ниточкой к его персоне. А еще, приходя за деньгами, он маскировался. Вот сейчас, например, натянул бейсболку, приклеил фальшивые усы и хромал, так как прочел где-то, что хромоту люди замечают первым делом. Теперь, если свидетеля спросят, кто использовал ячейку номер 417, тот не долго думая опишет хромого усатого парня в бейсболке. И подкупленный клерк подтвердит, что некто Роско Тэйлор носит усы и хромает.

А Вик Летти — нет!

И это еще не все предосторожности. Вик не открывал ячейку, если рядом были люди. Никогда. Пока кто-то доставал свою почту или просто находился поблизости, он копался возле первой попавшейся дверцы или делал вид, что заполняет какой-то документ. Когда же на горизонте становилось чисто, тогда (и только тогда!) он открывал заветную ячейку номер 417.

Вик знал, что осторожность никогда не бывает чрезмерной.

Даже путь сюда был продуман до мелочей. Вик оставлял свой грузовик — он развозил запчасти для компании «Кэбл ай», крупнейшего кабельного канала Восточного побережья, — в четырех кварталах от почты и добирался до места, петляя по тенистым аллеям. Чтобы скрыть рабочую форму с вышитым на правом кармане именем «Вик», накидывал сверху черную ветровку.

И вот он здесь, всего в десяти шагах от «упитанного тельца», возможно, ожидающего в ячейке номер 417. Пальцы Вика нервно зашевелились, он опять оглядел помещение.

Неподалеку две женщины проверяли ячейки. Одна перехватила его взор и вежливо улыбнулась в ответ. Вик двинулся к своей цели по противоположной стороне комнаты, старательно отворачиваясь от женщин и делая вид, будто ищет нужный ключ в связке, свисающей с ремня на специальной цепочке.

Предосторожность.

Две минуты спустя посетительницы забрали почту и вышли. Путь был свободен. Вик торопливо пересек комнату и открыл ячейку.

Вот это да!

Пакет из оберточной бумаги, адресованный «ЮИС энтерпрайзес». Без обратного адреса. И, судя по толщине, внутри — нехилая пачка зелененьких.

Вик ухмыльнулся. Неужели вот так и выглядят пятьдесят штук?

Дрожащими руками он вытащил пакет. Тот лег в ладонь приятной тяжестью. Сердце Вика заколотилось. Господи милосердный, прошло уже четыре месяца с тех пор, как план вступил в действие, с тех пор, как он раскинул сети и наловил немало рыбешки. Но теперь, Бог свидетель, теперь он поймал настоящего кита!

Снова осмотревшись, Вик спрятал пакет в карман ветровки и поспешил наружу. Кружным путем вернулся к грузовику и поехал в контору. Всю дорогу пальцы ласкали спрятанный конверт. Пятьдесят штук. Пятьдесят тысяч долларов. От этой цифры голова шла кругом.

Вернувшись к конторе «Кэбл ай», Вик припарковал грузовик на заднем дворе и пошел на стоянку к машине. Смеркалось. Увидев свою, девяносто первого года, «хонду-цивик», Вик скривился. Ну ничего. Недолго осталось.

Стоянка была пуста. Темнота настораживала: шаги казались слишком громкими, ботинки

щелкали по бетонной дорожке, холод забирался под куртку. Пятьдесят штук. У него в кармане пятьдесят штук.

Вик передернул плечами и ускорил шаг.

Надо признаться, в этот раз он боялся. Пора завязывать. Да, план был хорош, без всяких сомнений. Просто великолепен. Только сейчас Вик замахнулся на слишком серьезных людей. Впрочем, взвесив «за» и «против», он решил, что истинно великие — те, кто круто меняет собственную судьбу, — всегда рискуют.

А Вик жаждал быть великим.

При всей своей экстраординарности план его был невероятно прост. Каждому оплатившему кабельное телевидение представитель компании подсоединял к телефонной линии маленькую коробочку с переключателем. Когда хозяева заказывали дополнительные программы, вежливый работник появлялся вновь и нажимал только ему известные кнопки. Вот эта-то коробочка и ведала тележизнью семьи. А телевизионная жизнь семьи хранит в себе множество секретов.

Кабельные каналы и отели, в которых стоит внутреннее телевидение, всегда обещают, что не укажут в счете названия заказанных вами фильмов. Однако сие не значит, что работники

канала этих названий не знают. Попробуйте-ка оспорить счет, и они швырнут их вам прямо в покрасневшее лицо.

Первым делом Вик выяснил — и это не составило особого труда, — что коды выбранных хозяевами программ передаются через пресловутый переключатель прямо в главный компьютер компании. Вик влезал на телефонный столб, открывал коробочку и списывал коды. Потом возвращался на работу, вводил украденные цифры в компьютер и узнавал остальное.

Например, в шесть часов пополудни второго февраля ваша семья заказывала «Короля Льва». Или, что было гораздо более ценной информацией, в половине одиннадцатого вечера седьмого февраля кто-то смотрел «Охоту на Мисс Октябрь» и «Золотую блондинку».

Улавливаете?

Сначала Вик бомбил отдельные дома. Он писал главе семьи короткое, но леденящее душу письмо. Перечислялись просмотренные порнофильмы с указанием даты и времени просмотра. Затем делалась приписка о том, что копии письма могут быть отправлены членам семьи, соседям и шефу адресата. За молчание Вик просил скромную сумму в 500 долларов. Немного, и все же

Вику казалось, что это наиболее разумная цифра — достаточно высокая, чтобы приносить ему приличный доход, и достаточно низкая, чтобы адресат заплатил, не кочевряжась.

Оказалось — и Вик был страшно удивлен, — что только десять процентов корреспондентов шли навстречу его требованиям. Он не понимал — почему? Наверное, интерес к порнофильмам перестал быть такой уж зазорной привычкой. Возможно, жены знали об увлечениях мужей или даже смотрели «клубничку» вместе с ними. Но главным недостатком плана оказалась неопределенность цели.

Необходимо было тщательнее выбирать достойную мишень.

Тут-то Вик и решил сконцентрировать усилия на людях, которым было что терять, выплыви его информация наружу. И компьютеры компании опять любезно предоставили ему всю необходимую информацию. Он принялся шантажировать учителей. Нянь и гувернанток. Гинекологов. Представителей профессий, предполагающих высокий моральный облик работников. Больше всех паниковали учителя (жаль, денег у них было не много). Вик сделал письма более личными: называл по имени жену адресата, его работодателя.

Учителям обещал предоставить «свидетельства извращений» (словосочетание, выдуманное им лично) в министерство образования и родителям учеников. Докторам — в министерство здравоохранения, а также пациентам, соседям и в местные газеты.

Денежки потекли рекой.

На данный момент план Вика принес ему уже около сорока тысяч долларов. И теперь он закинул сеть на самую крупную рыбу — такую крупную, что Вик подумывал было бросить все, даже не начав. Однако не смог удержаться от соблазна сорвать самый крупный куш в жизни.

Да, он был пойман с поличным — Рэнделл Скоуп: молодой, красивый, богатый, женатый на сексапильной красотке, имеющий двоих детей и политические амбиции, прямой наследник империи Скоупов. И при этом заказал он отнюдь не парочку фильмов.

Нет, в течение месяца наш наследничек просмотрел ровно двадцать три отборных порнографических шедевра.

Вот так.

Вик потратил две ночи, составляя письмо, но в результате остановился на своем старом, добром, коротком и леденящем душу варианте. Он потре-

бовал, чтобы Скоуп в назначенный день положил пятьдесят тысяч в определенную ячейку «до востребования». И если Вик не ошибался, именно эти пятьдесят тысяч лежали теперь в кармане его ветровки.

Ах, как Вику хотелось это проверить! Ему не терпелось вскрыть пакет прямо сейчас. Только Вик не был бы Виком, если бы поддался слабости. Надо доехать до дома. Сесть на пол. Разорвать пакет и увидеть, как зелененькие дождем разлетаются по коридору.

Этот момент он запомнит на всю жизнь.

Вик припарковал машину у края дороги и пошел вверх по улице к своему жилищу — квартирке над обшарпанным гаражом, один вид которой приводил его в уныние. Ладно, уже совсем скоро. Возьмет он свои пятьдесят штук и те сорок, что хранит дома в потайном месте, да еще десять штук сбережений…

Вик даже споткнулся. Сто тысяч долларов. У него сто тысяч долларов наличными. Черт побери.

Он тут же уедет. Возьмет денежки и махнет в Аризону, к старому дружку Сэмми Виоле. Вместе они откроют собственное дельце — ресторан или ночной клуб. Вику порядком надоел Нью-

Джерси.

Пришло время начать новую жизнь.

Вик поднимался вверх по лестнице к квартире. Кстати говоря, он никогда не выполнял свои обещания. Не рассылал никаких новых писем. Если корреспондент не платил, игра была окончена. Какой смысл вредить тому, кто все равно не боится? Вик был артистом шантажа, можно сказать, интеллектуалом; он использовал угрозы, но не приводил их в исполнение. Кроме того, разозли шантажист кого-нибудь из адресатов по-настоящему, тот, чего доброго, напал бы на его след.

Поэтому Вик с чистой совестью мог сказать, что никому не принес вреда. Да и зачем?

Он добрался до своего этажа и остановился перед дверью квартиры. Темно, хоть глаз выколи, проклятая лампочка опять не горит. Вик вздохнул и начал перебирать ключи на цепочке в поисках нужного. Нащупав, долго скреб им по замку, не попадая в отверстие. Наконец удалось отпереть дверь. Вик ступил внутрь и тут же почувствовал: что-то не так.

Под ногой хрустнуло.

Вик нахмурился. Пластик, подумал он. Он стоит на пластиковой пленке, будто подстеленной каким-то маляром, чтобы защитить полы от

краски. Вик потянулся к выключателю и в тот же миг увидел человека с пистолетом.

— Привет, Вик.

Вик вскрикнул и попятился. Мужчина лет сорока, сидевший напротив, был высок и толст, рубашка так туго обтягивала живот, что пуговицы трещали, а одна и вовсе отвалилась. Галстук свободно болтался на жирной шее, на голове красовалась самая отвратительная прическа в мире — три волосины, зачесанные через всю макушку, от уха до уха. Черты лица мягкие, незапоминающиеся, если не считать огромного тройного подбородка. Незваный гость задрал ноги на чемодан, который Вик обычно использовал вместо кофейного столика, и, будь в его руке вместо пистолета пульт от телевизора, он бы запросто сошел за доброго дядюшку, только что пришедшего с работы.

Второй незнакомец оказался полной противоположностью первому — приземистый качок лет двадцати, с азиатскими чертами лица, выбеленными волосами, сережкой в носу и желтыми наушниками от плейера на голове.

Подобных типов можно встретить вместе только в метро: толстого — склонившимся над тщательно сложенной газетой, а качка — бездум-

но кивающим головой в такт слишком громкой музыке, доносящейся из наушников.

Мысли Вика запрыгали. Немедленно выяснить, что они хотят. Договориться с ними. Он — артист своего дела, у него получится. Он хитрый. Он найдет выход даже из такой пиковой ситуации. Вик выпрямился.

— Что вам угодно? — спросил он.

Плешивый толстяк нажал на курок.

Сперва Вик услышал щелчок и лишь потом почувствовал, как правое колено буквально взорвалось. Глаза полезли на лоб от боли. Вик закричал и упал на пол, сжимая раненую ногу. Из-под пальцев заструилась кровь.

— Двадцать второй калибр, — сообщил толстяк, кивая на пистолет. — Милая штучка. Знаешь, чем она хороша? Я могу превратить тебя в решето, а ты все еще будешь жив.

Так же развалившись и не снимая ног с чемодана, незнакомец выстрелил вновь, на этот раз в плечо. Вик даже услышал, как треснула кость. Рука отлетела в сторону, будто дверь на сорванных петлях. Вик упал на спину, часто дыша. Невероятный коктейль из боли и страха наполнил его тело, глаза расширились и перестали видеть. И тут он понял.

Пленка на полу.

Вик лежал на ней. Более того, именно на нее стекала кровь. Так вот кому она понадобилась! Незнакомцы застелили пол, чтобы избавить себя от лишних хлопот с уборкой.

— Хочешь рассказать мне что-нибудь интересненькое, — спросил толстяк, — или я пальну еще разочек?

Вик заговорил. Он рассказал, где остальные деньги, где собранные им сведения, абсолютно все. Толстяк спросил, были ли у него сообщники, Вик ответил, что не было. Тогда толстяк прострелил ему второе колено и повторил вопрос.

Вик поклялся, что сообщников не было, и получил пулю в правую лодыжку.

Через час Вик умолял толстяка пристрелить его.

Через два толстяк выполнил просьбу.

5

Я не мигая смотрел на экран компьютера.

Я был оглушен, не мог двигаться, тело казалось чужим.

Этого не может быть. Никогда. Элизабет не упала с борта яхты и не считалась пропавшей без вести. Она не обгорела до неузнаваемости. Ее тело было найдено в канаве у Восьмидесятой автострады. Возможно, обезображенное, и тем не менее вполне узнаваемое и опознанное безо всяких проблем.

Правда, не мной…

Не мной, но двумя близкими: отцом и дядей. Хойт Паркер, мой тесть, был первым, кто сообщил мне о смерти Элизабет. Он и его брат Кен навестили меня в больнице, едва я пришел в сознание. Оба огромные, неуклюжие, каменнолицые; оба — старые служаки, один — нью-йоркский полисмен, другой — федеральный агент. Сняв шляпы, они попытались сообщить о случившемся с профессиональным состраданием служителей закона. Только я на это не купился, да и они, честно говоря, не больно старались продать.

Тогда кого же, позвольте спросить, я сейчас видел?

Толпы пешеходов по-прежнему мельтешили на экране. Я всматривался в них, надеясь еще раз увидеть знакомое лицо. Тщетно. И все-таки где находится камера? Судя по количеству людей, город большой. Может быть, это даже Нью-Йорк.

Надо искать подсказки, идиот!

Постараемся сосредоточиться. Одежда. Давайте присмотримся к ней. Большинство людей одеты в куртки и пальто. Вывод: мы где-то на севере или по крайней мере в городе, где сегодня не очень тепло. Например, не в Майами.

Что еще? Я уставился на людей. Прически? Не поможет. Я внимательно рассмотрел угол кирпичного здания: нет ли там вывесок или чего-то отличающего этот дом от всех остальных на свете? Ничего. Я скрупулезно исследовал экран в поисках хоть какого-нибудь ключа к загадке.

Пакеты.

Несколько пешеходов несли одинаковые пакеты. Я попытался прочесть надпись, но люди шли слишком быстро. Как жаль, что нельзя попросить их остановиться. Я чуть не сломал глаза, приблизившись к экрану так, что почувствовал исходящее от него тепло. К несчастью, камера

висела слишком высоко, а пакеты болтались у самых колен пешеходов.

Заглавная «Р».

Первая буква на одном из пакетов. Разобрать остальные не удалось, они были напечатаны каким-то чересчур уж оригинальным шрифтом. Так, что еще?

Экран побелел.

Черт. Я попытался перезагрузить картинку. Появилась знакомая надпись: «Ошибка». Вернувшись к первоначальному сообщению, я кликнул по ссылке. Опять ошибка.

Вот и все.

Я тупо смотрел на белый экран, в голове билась одна-единственная мысль: «Я только что видел Элизабет».

Я пытался отогнать эту мысль и не мог. Увиденное не казалось сном. Мне снились сны, в которых Элизабет возвращалась. Мне снилось их слишком много. В большинстве из них я просто с благодарностью принимал ее явление с того света, не задавая лишних вопросов. Помню один, особенно жестокий, — мы были вместе, не важно, где и когда, и я вдруг осознал, что сплю. Что еще несколько секунд, и я снова потеряю Элизабет. Я обнял ее так крепко, как только мог, пытаясь

удержать возле себя, вернуть обратно.

Поэтому знаю я такие сны. И сцена перед камерой не походила ни на один из них. И на явление призрака тоже. Не то чтобы я верил в потустороннее, хотя в таких ситуациях начинаешь задумываться и о подобных вещах. Но духи и призраки с годами не меняются, а «компьютерная» Элизабет была старше той, что я помнил, примерно на восемь лет. Привидения не стригутся. Я вспомнил длинную косу, струившуюся по спине Элизабет в лунном свете, и мысленно сравнил ее со стильной прической, увиденной только что. И глаза. Те самые глаза, в которые я смотрел не отрываясь, с тех пор как мне исполнилось семь.

Элизабет жива.

Глотком загнав назад подступившие слезы, я подумал, что в юности был очень чувствителен и даже слезлив, а вот после кончины Элизабет будто окаменел. Не то чтобы я выплакал все глаза или очерствел от горя, как обычно говорят люди. Нет, просто смерть жены сорвала психологические барьеры, боль была невероятно жестокой, и я прочувствовал ее до конца. После этого кошмара ничто уже не могло расстроить меня слишком сильно.

Я не знаю, как долго просидел перед ком-

пьютером, пытаясь успокоиться и мыслить рационально. Полчаса, может, чуть больше. Дыхание медленно приходило в норму. Я попытался представить, как встречусь сейчас с родителями Элизабет (я уже должен был быть у них дома!), и не смог.

И тут мне вспомнилось еще одно потрясение.

Сара Гудхарт.

Шериф Лоуэлл спрашивал, знакомо ли мне имя Сары Гудхарт. Да уж, знакомо.

В детстве мы увлекались несложной словесной игрой: берешь свое второе имя и делаешь его первым, а фамилию производишь от названия улицы, на которой живешь. Например, мое полное имя — Дэвид Крейг Бек, а жил я на Дерби-роуд. Значит, согласно правилам игры меня будут звать Крейг Дерби. А Элизабет станет…

Сарой Гудхарт.

Что же, черт возьми, происходит?

Я схватил телефонную трубку. Сперва позвонил родителям Элизабет, на Гудхарт-роуд. Трубку взяла теща, я предупредил, что буду поздно. Одна из выгод профессии врача — люди легко прощают нам подобные вещи.

Затем перезвонил Лоуэллу и нарвался на автоответчик. Пришлось попросить шерифа

отправить сообщение мне на пейджер при первой же возможности. У меня нет мобильника, что порой неудобно, но в большинстве случаев позволяет выбирать: с кем я хочу поговорить, а с кем — нет.

Я снова задумался, пока из размышлений меня не вырвал бодрый голос Гомера Симпсона: «Почта пришла!» Я рванулся вперед и схватил мышь. Обратный адрес казался незнакомым, зато тема гласила: «Уличная камера». Сердце опять упало.

Я щелкнул по письму, и оно появилось целиком:

> Завтра. В то же время плюс еще два часа на Bigfoot.com. Сообщение будет оставлено для:
> Имя: «Бэт Стрит»
> Пароль: «Тинейджер»

А под этим, в самом низу экрана, еще пять слов:

> Они следят. Не говори никому.

* * *

Ларри Гэндл, человек с зачесанными на лыси-

ну волосами, смотрел, как Эрик Ву занимается уборкой.

Ву, двадцатишестилетний кореец, весь испещренный странной смесью татуировок и пирсинга, был самым страшным человеком из тех, кого Ларри встречал в своей жизни. Эрик был сложен как маленький танк, но дело было далеко не в этом. Ларри встречал массу людей, гордящихся своими мускулами, и в большинстве случаев их мускулы оказывались абсолютно бесполезными.

Только не у Эрика Ву.

Гора мышц производила, конечно, впечатление, однако главным оружием Ву были руки — две цементные глыбы ладоней со стальными отвертками пальцев. Он тренировал их часами, приучая к жаре и холоду, давая немыслимые нагрузки, разрабатывая каждый палец в отдельности. Когда Ву начинал «работать», он мог разобрать человека по косточкам.

О таких людях, как Ву, всегда распространяют мрачные слухи, большинство из которых остаются лишь слухами. Тем не менее, Ларри своими глазами видел, как Ву убил человека, нажав определенные точки на его лице и животе. А другого схватил за уши и с тихим треском оторвал их одним движением пальцев. Еще Гэндлу «посчаст-

ливилось» стать свидетелем того, как Эрик убил четверых четырьмя разными способами, ни разу не использовав оружия.

Ни одна из смертей не была быстрой.

Никто не знал точно, откуда Ву появился. Поговаривали что-то о трудном детстве в Северной Корее… Гэндл не пытался выяснять. Он инстинктивно чувствовал: в некоторые дальние углы не стоит заглядывать. Одним из таких углов была темная сторона натуры Эрика Ву. Хотя смешно предполагать, что у него могла быть и светлая сторона.

Ву закончил заворачивать то, что осталось от Вика Летти, в виниловую пленку и поднял глаза. «Глаза убийцы, — подумал Гэндл, — ребенка войны из кинохроники. Этот монстр даже не потрудился снять наушники». Плейер Ву никогда не играл хип-хоп, рэп или рок-н-ролл. Нет, Эрик слушал записи успокаивающей музыки и звуков природы, носящие названия типа «Океанский бриз» или «Журчащий ручей».

— Отвезти его к Бенни? — осведомился Ву.

Его голос обладал смешной хрипотцой, напоминая говорок какого-то мультипликационного персонажа.

Гэндл кивнул. Бенни был владельцем крема-

тория.

— А заодно избавься вот от этого. — Ларри протянул Эрику пистолет.

В гигантской ручище Ву тот выглядел смешной и бесполезной игрушкой. Силач нахмурился, недовольный тем, что Гэндл предпочел такую безделицу его уникальным пальцам, но молча сунул оружие в карман. Двадцать второй калибр оставлял микроскопические раны, которые почти не кровоточили. Та кровь, которая все же вытекла, впиталась в заблаговременно подстеленную виниловую ткань. Вот так, без шума и пыли.

— Потом, — сказал Ву. Он поднял тело одной рукой, словно легонький кейс, и вышел.

Гэндл кивнул в знак прощания. Надо сказать, что от предсмертных мучений Вика Летти он не испытал ни удовольствия, ни дискомфорта. Это просто работа. Ларри должен был удостовериться, что у этого недомерка не осталось ни сообщников, ни припрятанных доказательств, которые мог бы найти кто-то из посторонних. Сделать это можно лишь одним путем — доведя «клиента» до необходимой кондиции.

В конце концов, выбор был очень прост — семья Скоупов или Вик Летти. Скоупы хорошие

люди, они никогда не трогали Вика. Тот, со своей стороны, попытался задеть их фамильную честь. Так кто больше виноват — честные, добропорядочные граждане или присосавшийся к ним паразит, пытающийся делать денежки на чужих ошибках? Выбор очевиден.

Мобильный телефон Гэндла завибрировал. Он вытащил трубку.

— Да?

— Тела, найденные на озере, опознаны.

— И что?

— Это они. Боже мой, это Боб и Мел.

Гэндл прикрыл глаза.

— Что же это, Ларри? — волновался голос в трубке.

— Не знаю.

— А что нам делать?

Ларри Гэндл понимал, что здесь у него нет выбора. Придется все рассказать Гриффину Скоупу. Неприятный выйдет разговор. Восемь лет. Целых восемь лет прошло. Гэндл потряс головой. Старикан будет страшно расстроен.

— Я возьму это на себя.

6

Ким Паркер, моя теща, — настоящая красавица. Они с Элизабет были так похожи, что ее лицо для меня — живое воплощение того, что было бы, если бы не… Но смерть Элизабет здорово подкосила Ким. Сейчас она выглядит изможденной, глаза потухли, будто что-то подтачивает ее изнутри.

Дом Паркеров претерпел мало изменений с начала семидесятых — полированная мебель, синий, в белую крапинку, ковер от стены до стены, камин из фальшивого камня, как в фильмах про семейку Брэдди.[9] В одном из углов сложены столики на колесиках с пластиковым верхом и металлическими ножками. Кругом развешаны картинки с клоунами и рокуэлловские настенные тарелки.[10] Единственная современная

---

[9] Примечания: 9

«Семейка Брэдди» — легкая эксцентричная комедия о забавных приключениях очень необычного семейства. Жизнерадостные Брэдди, непосредственные и чудаковатые, продолжают жить как в старые времена, когда взаимопонимание в семье и добрые отношения с соседями были в порядке вещей.

[10] Примечания: 10

Рокуэлловские настенные тарелки. — Наряду с другими своими работами популярный американский художник Норман Рокуэлл расписывал и настенные тарелки.

вещь в доме — телевизор. За прошедшие годы маленький черно-белый ящик сменил его цветной потомок с пятидесятидюймовым экраном, гордо занимающий парадный угол гостиной.

Ким сидела на той самой кушетке, где так часто валялись мы с Элизабет. При мысли о том, сколько могла бы порассказать эта вещь, умей она разговаривать, я невольно улыбнулся. Впрочем, потертая лежанка, расписанная слишком яркими, на мой взгляд, цветами, хранила не только эротические воспоминания. Именно сидя здесь, мы вскрыли конверты с сообщениями о том, что приняты в колледж. Смотрели в обнимку «Пролетая над гнездом кукушки» и старые фильмы Хичкока. Зубрили уроки, я — сидя, а Элизабет — положив голову мне на колени. Здесь я объявил Элизабет, что решил стать врачом — знаменитым хирургом, как думал тогда. А она в ответ сообщила, что выучится на юриста и будет работать с детьми. Элизабет всегда переживала за обездоленных ребятишек.

Во время первых институтских каникул она устроилась на лето в организацию, занимавшуюся спасением бездомных или сбежавших детей в самых злачных кварталах Нью-Йорка. В одну из вылазок на Сорок вторую улицу я поехал с ней.

Машина курсировала туда-обратно по грязной дороге в поисках детей, которым нужна помощь. Элизабет подобрала четырнадцатилетнюю наркоманку, такую грязную, что моя подруга вся испачкалась сама. Я сморщился от отвращения. Поймите правильно, я вовсе не горжусь этим. Разумеется, бродяги тоже люди и все такое прочее, да только — буду с вами честен — грязь мне противна. Правда, жене я тогда помог. Скривившись.

А Элизабет никогда не морщилась. Это был какой-то особый дар. Она брала бездомных детей за руки. И даже носила их на руках! Ту девочку она отмыла и разговаривала с ней всю ночь. Элизабет смотрела детишкам прямо в глаза и верила, что все люди рождены хорошими и заслуживающими человеческого обращения. Желал бы я обладать той же наивностью.

До сих пор гадаю, сохранила ли она этот дар, умирая. Верила ли по-прежнему в гуманность и другую наивную чепуху? Надеюсь, что да. Хотя, боюсь, Киллрой мог выбить из нее остатки веры.

Ким Паркер сидела очень прямо, аккуратно положив руки на колени. Она всегда хорошо ко мне относилась, хотя во времена моей с Элизабет юности обе пары родителей были обеспокоены

нашей, на их взгляд, чересчур тесной близостью. Им хотелось, чтобы мы общались с другими сверстниками, заводили больше друзей. По-моему, это нормально.

Хойт Паркер, отец Элизабет, еще не пришел с работы, поэтому мы с Ким болтали ни о чем, или, другими словами, обо всем, кроме Элизабет. Я старался не сводить глаз с лица Ким, потому что знал: каминная доска уставлена фотографиями ее улыбающейся дочери. Мне трудно было смотреть на них.

Она жива…

Я никак не мог в это поверить. Человеческий мозг, как я знал со времени учебы в медицинском институте (не говоря уже о нашей семейной истории), может причудливо искажать действительность. Не хотелось думать, будто я тронулся настолько, что сам создал повзрослевший образ Элизабет. Но с другой стороны, ни один псих не считает себя сумасшедшим. Взять хотя бы мою маму — интересно, понимала ли она, что больна? Ведь мать пыталась даже заниматься самоанализом.

Скорее всего, не понимала.

Мы поговорили о погоде. О моих пациентах. О работе Ким. А потом теща поразила меня до

глубины души.

— Ты с кем-нибудь встречаешься? — спросила она. Это был первый личный вопрос, который Ким задала мне за все время нашего знакомства. Он меня просто ошарашил. Я попытался угадать, что именно она хочет услышать в ответ.

— Нет, — сказал я.

Ким кивнула и, казалось, хотела спросить что-то еще. Однако вместо этого поднесла дрожащую руку к губам.

— Ну иногда, — поправился я.

— Это хорошо, — кивнула она. — Так и надо.

Я опустил взгляд и неожиданно для себя произнес:

— Я все еще безумно скучаю по ней.

Надо же, и не думал этого говорить. Напротив, собирался быть привычно вежливым и обсуждать нейтральные темы. Подняв глаза, я встретил измученный и благодарный взгляд.

— Я знаю, Бек, — сказала Ким. — Только ты не должен винить себя, если захочешь встречаться с кем-то еще.

— Я не виню. Тут другое.

Она наклонилась ко мне.

— Что же?

Я хотел ответить, ради нее, и не мог. Ким смот-

рела на меня с ожиданием, ей так хотелось поговорить о дочери, пусть даже разговор не принесет ничего, кроме боли. Но я не имел права и лишь покачал головой.

В двери повернулся ключ. Мы с тещей вздрогнули, как застигнутые врасплох любовники. Дверь отлетела, открытая мощным плечом Хойта Паркера. Следом ввалился и он сам, звучно выкликая имя жены, — галстук висит кое-как, рубашка помята, рукава закатаны по локоть. Войдя в прихожую, Хойт со вздохом облегчения уронил на пол тяжеленную спортивную сумку. Его мускулам мог позавидовать сам моряк Попай. Когда Паркер увидел нас, сидящих на кушетке, он снова вздохнул, на этот раз более чем недовольно.

— Как дела, Дэвид? — осведомился он.

Мы обменялись рукопожатием. Его ручища, как всегда, была грубовато-мозолистой, а хватка чересчур мощной. Ким с извинениями покинула комнату. Мы с Хойтом с трудом выдавили из себя пару вежливых реплик, и в комнате воцарилась гнетущая тишина. Хойт Паркер никогда не любил меня. Возможно, здесь было что-то от комплекса Электры, только я всегда чувствовал, будто он относится ко мне, как к Божьему наказанию. Я не обижался. Его любимая девочка проводила

со мной все свое свободное время. Долгие годы мы пытались преодолеть взаимную неприязнь и выработать что-то вроде дружбы. Пока Элизабет не погибла.

Тесть винил меня в том, что случилось.

Конечно, он не говорил ничего подобного вслух, но я видел это в его глазах. Хойт Паркер был немногословным, сильным человеком. Просто воплощенный стереотип американца — суровый и честный. Рядом с ним Элизабет было спокойно, он прямо излучал уверенность. Ничего не может случиться с его девочкой до тех пор, пока папаша Хойт рядом. Боюсь, что со мной Элизабет не чувствовала себя в такой же безопасности.

— Как работа? — вновь попытался завязать разговор Хойт.

— Нормально. А ваша?

— Через год на пенсию.

Я кивнул, и мы опять замолчали. По дороге сюда я решил не говорить о сообщениях и обо всем, что с ними связано. Дело даже не в том, что меня могли счесть шизофреником. И не в том, что это разбередило бы старые раны. Я просто сам не понимал, что творится. И чем больше времени проходило, тем более нереальным казалось случившееся. Кроме того, я ни на секунду

не забывал о странном предупреждении. «Не говори никому»… Да, я не знал, что происходит. И мои предположения выглядели одно страшнее другого.

Поэтому, только удостоверившись, что Ким далеко, я подвинулся поближе к Хойту и негромко сказал:

— Могу задать вам один вопрос?

Он не ответил, подарив взамен один из самых своих скептических взглядов.

— Хотелось бы знать… — Я осекся. — Хотелось бы знать, какой вы увидели ее.

— Увидел ее?

— Я имею в виду, когда вошли в морг.

Что-то случилось с его лицом. Как будто по монолитной стене вдруг побежали трещинки.

— Ради всего святого, зачем тебе знать?

— Просто я часто думаю об этом, — промямлил я. — Особенно сейчас, в годовщину…

Хойт вскочил и вытер ладони о штаны.

— Хочешь выпить?

— Не откажусь.

— Бурбон годится?

— Вполне.

Он прошел к старенькому бару, находившемуся возле камина и, таким образом, неподалеку от

фотографий. Я отвел взгляд.

— Хойт, — окликнул я.

— Ты врач, — отозвался он, открывая бутылку. — Ты видел кучу покойников.

— Да.

— Значит, сам знаешь.

Я не знал.

Он принес мне выпить. Я схватил стакан, пожалуй, чересчур быстро и сделал жадный глоток. Хойт внимательно проследил за моими действиями и поднес свой стакан к губам.

— Я никогда не спрашивал о деталях, — попытался объяснить я.

(Более того, я их избегал. Другие «родственники жертв», как называли их журналисты, выплескивали свое горе наружу. Они каждый день приходили в суд, слушали показания Киллроя и рыдали. Я — нет. Возможно, это помогало им пережить боль. Я предпочитал справляться со своей в одиночку.)

— Не нужны тебе эти детали, Бек.

— Келлертон сильно ее избил?

Хойт внимательно изучал напиток.

— Для чего ты спрашиваешь?

— Я должен знать.

Тесть поглядел на меня поверх стакана. Его гла-

за неторопливо рассматривали мое лицо, словно стремясь пробуравить кожу. Я стойко выдержал этот взгляд.

— Ну, были у нее синяки.

— Где?

— Дэвид!

— На лице?

Хойт сузил глаза, будто пытался рассмотреть что-то вдали.

— Да.

— И на теле?

— Я не разглядывал тело, — раздраженно ответил тесть. — Скорее всего, да.

— Почему вы не разглядывали тело?

— Я был там как отец, а не как полицейский. Просто опознал ее — и все.

— Это было не трудно? — не унимался я.

— Что не трудно?

— Опознать ее. Вы сами сказали, она была в синяках.

Его лицо окаменело. Он поставил стакан, и я с ужасом понял, что зашел слишком далеко. Надо было придерживаться первоначального плана и держать язык за зубами.

— Ты действительно хочешь это услышать?

«Нет», — подумал я. Но кивнул головой.

Хойт Паркер скрестил руки на груди, закачался с пятки на носок и завел монотонным голосом:

— Левый глаз Элизабет распух и не открывался. Нос был сломан и расплылся, как шлепок цемента. Через весь лоб тянулся порез, сделанный предположительно открывалкой. Челюсть вывихнута и болталась на связках. На правой щеке — выжженная буква «К». Запах горелой кожи тогда еще не выветрился…

Мой желудок сжался.

Хойт жестко поглядел мне в глаза.

— Хочешь знать, что было хуже всего, Бек?

Я молча ждал.

— Несмотря на увечья, — сказал он, — я понял, что это Элизабет, в тот же миг, когда ее увидел.

7

Пузырьки в шампанском лопались в такт сонате Моцарта. Звуки арфы переплетались с приглушенными голосами гостей. Гриффин Скоуп шел по залу, лавируя между черными смокингами и сверкающими вечерними платьями. Предложи людям описать Гриффина одним словом, и большинство скажут: миллиардер. Оставшиеся, возможно, вспомнят, что он влиятельный бизнесмен, статен и высок, муж и дедушка. И еще ему исполнилось семьдесят лет. Конечно, может быть, кто-то расскажет о его привычках, генеалогическом древе и организационных способностях. Однако первым словом — в газетах, на телевидении, в разнообразных опросах — всегда будет «миллиардер».

Миллиардер Гриффин Скоуп.

Он родился уже богатым. Его дед в свое время стал одним из первых в Америке фабрикантов, отец приумножил капитал, сам Гриффин увеличил его многократно. Многие богатые семьи разорились в третьем поколении, но не Скоупы. Одной из причин столь невероятного благополу-

чия были принципы воспитания наследников. К примеру, Гриффин не посещал престижной школы вроде Эксетера или Лоуренсвилла, куда посылала своих отпрысков большая часть богатых семей. Его отец настоял на том, чтобы сын не только пошел в обычную, государственную школу, а еще и сделал это не в родном городе, а в лежащем неподалеку Ньюмарке. Фирма Скоупов имела там филиалы, и для Гриффина был выделен один из домов, который одноклассники наследника миллиардов считали его родным.

В те времена восточная часть Ньюмарка не была злачным местом, в которое сейчас вряд ли сунется нормальный человек. Это был рабочий район, жили там так называемые «синие воротнички» — возможно, грубоватые, но отнюдь не опасные.

Гриффин любил свой класс.

Его школьные друзья оставались его друзьями и сейчас, пятьдесят лет спустя. Истинная преданность — редкая вещь, и Гриффин ценил ее высоко. Многие из сегодняшних гостей были его старыми товарищами из Ньюмарка. Кое-кто даже работал на Скоупов, хоть и не под непосредственным началом Гриффина — не стоило портить хорошие отношения.

Сегодняшний праздник был посвящен одному из самых дорогих сердцу Гриффина событий: годовщине основания благотворительного фонда имени Брэндона Скоупа, его погибшего сына. Гриффин первым внес туда миллион долларов, друзья добавили остальное. Миллиардер не обольщался и понимал, что добрая половина жертвователей надеялась этим поступком завоевать его доброе расположение. Однако было и кое-что еще. За свою недолгую жизнь Брэндон сумел внушить симпатию огромному количеству людей. У сына было столько обаяния и таланта, он обладал невероятной харизмой. К нему тянулись буквально все.

Второй сын, Рэнделл, — тоже неплохой мальчик, ставший, пожалуй, неплохим мужчиной. Но до Брэндона ему далеко… Брэндон незаменим.

И снова пришла боль. На самом деле, она и не уходила. Во время дружеских приветствий и рукопожатий горе стояло рядом, похлопывало Гриффина по плечу, нашептывало в ухо, что теперь они всегда вместе.

— Прекрасная вечеринка.

Гриффин поблагодарил и двинулся дальше. Женщины, все как одна, были в великолепных платьях, обнажавших точеные плечи; они на-

поминали ледяные скульптуры, которые столь любила жена Гриффина Эллисон. Статуи изо льда медленно таяли здесь же, на покрытых импортными льняными скатертями столах. Моцарт сменился Шопеном. Официанты в белых перчатках курсировали по залу с серебряными подносами, полными малазийских креветок, нежного, особым образом приготовленного мяса и других не менее изысканных закусок.

Гриффин поравнялся с Линдой Бек, молодой руководительницей Брэндоновского фонда. Отец Линды тоже был одним из его школьных товарищей, и девочка попала в число служащих гигантской империи Скоупа автоматически. Уже в старших классах школы Линда начала принимать участие в различных мероприятиях компании. И она, и ее брат получили от фирмы деньги на обучение в университете.

— Выглядишь потрясающе, — сказал Гриффин, хотя на самом деле Линда казалась усталой и вымотанной.

Молодая женщина улыбнулась в ответ:

— Спасибо, мистер Скоуп.

— Сколько раз я просил называть меня просто Грифф?

— Тысячи, — засмеялась Линда.

— Как поживает Шона?

— Боюсь, немного приболела.

— Передавай ей привет.

— Спасибо, непременно.

— На той неделе надо бы встретиться, обсудить кое-что.

— Я позвоню вашему секретарю.

— Отлично.

Гриффин чмокнул ее в щеку, собираясь идти дальше, когда внезапно его взгляд выхватил из толпы Ларри Гэндла. Тот выглядел небритым и взъерошенным, впрочем, как и всегда. Надень на этого парня костюм от знаменитого кутюрье, и через час он будет выглядеть как после уличной драки.

Хотя обычно Ларри Гэндл на балы не ходил.

Их глаза встретились, Ларри коротко кивнул и отвернулся. Гриффин переждал минутку и двинулся за своим помощником по коридору.

Отец Ларри, как можно было догадаться, также был одним из школьных друзей Скоупа. Эдвард Гэндл умер от внезапного сердечного приступа двенадцать лет назад. Не повезло человеку. С тех пор его сын стал одним из ближайших «адъютантов» Скоупа.

Они вошли в библиотеку. Долгие годы биб-

лиотека была великолепным помещением, отделанным дубом и красным деревом, с книжными полками от пола до потолка и старинными глобусами. Однако два года назад Эллисон решила, что комната безнадежно устарела и требует срочной переделки.

Старое дерево немилосердно содрали, и ныне комната казалась белой, холодной и чересчур функциональной, потеряв былую теплоту и привлекательность. Эллисон так гордилась отремонтированной библиотекой, что Гриффин изо всех сил скрывал свою неприязнь.

— Ты насчет сегодняшнего дела? — спросил он.

— Нет, — ответил Гэндл.

Скоуп предложил ему сесть, но подчиненный жестом отказался.

— Как все прошло?

— Пришлось удостовериться, что парень ничего не скрывает.

— А как же иначе?

Кто-то задел сына Гриффина, Рэнделла, и миллиардеру пришлось нанести ответный удар. Это было одним из его неписаных правил. Нельзя сидеть и ждать неизвестно чего, когда твои близкие в опасности. И никаких там юридических заморочек вроде «пределов необходимой самообороны»!

Когда тебя атакуют, не до жалости и тому подобных штучек. Раздавить паразита. Втоптать его в землю. Тот, кто осуждает подобную философию, кто считает ее излишне макиавеллевской, на самом деле творит гораздо больше зла своими «гуманными методами».

Чем быстрее решаешь проблему, тем меньше льется крови.

— Так что случилось? — спросил Гриффин.

Ларри неуверенно почесывал лысину. Нельзя сказать, будто эта картина доставляла Гриффину удовольствие. При блестящих деловых качествах Гэндла внешность его была далеко не аппетитна.

— Я никогда не врал вам, Грифф, — начал Ларри.

— Знаю.

— Хотя и во все подробности тоже не посвящал…

— Какие подробности?

— Ну, например, кого я нанимаю для работы. Никогда не называл конкретных имен. Им, кстати, тоже.

— Это всего лишь детали.

— Да.

— Тогда в чем дело?

Гэндл наконец решился:

— Восемь лет назад вы распорядились нанять двух человек для выполнения… одного задания.

Скоуп побелел. Сглотнул.

— Насколько я помню, они сработали превосходно.

— Да. То есть наверное.

— Не понимаю.

— Само задание они выполнили. По крайней мере, большую часть. Устранили главную виновницу.

Несмотря на то что раз в неделю дом тщательно проверялся на наличие подслушивающих устройств, ни глава, ни подчиненный никогда не называли имен. Очередное правило Скоупов. Гэндл часто гадал, в чем его истинный смысл: Скоупы хотели обеспечить себе еще большую безопасность или просто старались обезличить те дела, которыми время от времени вынуждены были заниматься? Он подозревал последнее.

Гриффин упал в кресло так резко, будто его толкнули, и тихо спросил:

— Почему ты говоришь об этом именно сегодня?

— Я знаю, как вам тяжело вспоминать ту историю… Только выяснилось кое-что новенькое.

Гриффин молча ждал.

— Я хорошо заплатил нанятым людям.

— Не сомневаюсь.

— После работы, — Ларри откашлялся, — они должны были на время исчезнуть. Отсидеться где-то ради предосторожности.

— Ну и?..

— Больше мы никогда о них не слышали.

— А они забрали свои деньги?

— Да.

— И что же тут странного? Свалили куда-нибудь с кругленькой суммой в карманах — уехали подальше, сменили документы…

— Так мы и считали тогда.

— А теперь?

— Полиция нашла их тела на прошлой неделе. Они погибли.

— Все равно не вижу проблемы. У таких бандитов и смерть бандитская.

— Трупы старые.

— Старые?

— Как минимум пять лет. И еще: их нашли возле озера, где… где произошел инцидент.

Гриффин открыл рот, закрыл, открыл еще раз.

— Ничего не понимаю!

— Если честно, я тоже.

Это было уже слишком. Прямо-таки чересчур. Весь вечер Гриффин старался сдержать слезы, развлекая гостей на балу в честь Брэндона. А теперь история смерти сына, похороненная, казалось, навсегда, снова явилась на свет. Как тут не сломаться…

Гриффин взглянул на «адъютанта» снизу вверх:

— Ничто не должно всплыть на поверхность.

— Я знаю, Грифф.

— Надо срочно выяснить, что случилось. Досконально.

— Все эти годы я присматривал за ее родными. Особенно за мужем. Просто на всякий случай. Теперь мы бросим на него все наши силы.

— Прекрасно. Эту историю необходимо окончательно похоронить. И меня не интересует, кого мы похороним вместе с ней.

— Понимаю.

— И, Ларри…

Гэндл ждал.

— Я знаю одного из ребят, которых ты нанимаешь.

Он имел в виду Эрика Ву.

Гриффин Скоуп вытер глаза и встал, чтобы вернуться к гостям.

— Используй его.

8

Шона и Линда снимали трехкомнатную квартиру на углу Риверсайд-драйв и Сто шестнадцатой улицы, недалеко от Колумбийского университета. Я удачно нашел место для парковки — редкое везение.

Мне открыла Шона. Линда все еще не вернулась со своего мероприятия, Марк спал. Я на цыпочках пробрался в детскую и поцеловал племянника в лоб. Похоже, мальчишка еще не переболел покемономанией. Спит на постельном белье с изображением Пикачу и с мягким Сквиртлом в руках. Вопреки традиции осуждать слишком тесную привязанность ребенка к мультипликационным героям я с удовольствием вспоминал, как сам был в восторге от Бэтмена и Капитана Америки. Я постоял около кроватки еще несколько секунд. Затасканное сравнение, но во сне Марк действительно напоминает маленького ангела.

Шона ждала меня в дверях. Когда мы вернулись в гостиную, я сказал:

— Не возражаешь, если я выпью?

Она пожала плечами:

— Наливай что хочешь.

Я нацедил себе на два пальца бурбона.

— Выпьешь со мной?

Шона покачала головой.

Мы уселись на диван.

— Когда Линда вернется?

— Если б я знала, — сказала Шона.

Мне не понравилось, как она это произнесла.

— Черт, — пробормотал я.

— Это всего лишь временная размолвка, Бек. Ты же знаешь, я люблю Линду.

— Черт, — повторил я.

В прошлом году Линда и Шона расстались на два месяца. Плохо было всем. Особенно Марку.

— Я не собираюсь уходить или разводиться.

— А что тогда?

— Да все то же самое. У меня слишком светская работа. Я постоянно окружена очаровательными, интересными людьми. Ничего нового, верно? Я давно работаю моделью. Линда же вбила себе в голову, будто я верчу хвостом.

— А ты и вертишь, — подтвердил я.

— Пусть так. Но ведь в этом тоже нет ничего нового?

Я не ответил.

— После работы я всегда возвращаюсь к Линде.

— И никогда не задерживаешься с кем-нибудь по пути?

— Если и да, то это лишь эпизод, ты же знаешь. Я как птица — «не могу петь в клетке, только на воле, на ветке».

— Сплошные метафоры, — заметил я.

— Зато в рифму.

Мы помолчали. Я попивал бурбон.

— Бек?

— Что?

— Что-то случилось?

— Почему ты так решила?

Шона молча смотрела мне в глаза и ждала ответа.

Я подумал о приписке «Не говори никому» в конце сообщения. Если его действительно прислала Элизабет, во что я еще не верил, она должна была предположить: я могу все рассказать Шоне. Линде, возможно, нет. А Шоне? Я говорил ей все. Элизабет бы наверняка разрешила.

— У меня есть подозрение, — с трудом выговорил я, — что Элизабет жива.

Шона не отвела взгляда.

— И сбежала с Элвисом Пресли, да? — хмыкнула она, однако, увидев мое лицо, потребовала: — Объясни.

Я объяснил. Рассказал все: о сообщении, об Интернете и уличной камере, о появлении Элизабет на экране моего монитора. Шона не сводила с меня глаз и ни разу не перебила мой монолог. Даже головой не кивала. Когда я закончил, она аккуратно достала из пачки сигарету и сунула в рот. Шона бросила курить много лет назад, но до сих пор держала сигареты под рукой. Покрутила «канцерогенную палочку» в руке, глядя на нее так, будто никогда не видела ничего подобного прежде. Я прямо почувствовал, как бешено крутятся ее мозги. Наконец Шона произнесла:

— Итак, завтра, в половине девятого вечера, ты должен получить следующее сообщение.

Я кивнул.

— Значит, будем ждать.

— Ты даже не скажешь, что я свихнулся?

Шона пожала плечами:

— Пока нет.

— Почему?

— Можно найти несколько объяснений твоей истории.

— Одним из которых будет шизофрения.

— Не спорю, оснований для такого предположения достаточно. Только зачем же первым делом подозревать худшее? Предположим, что

все случившееся — правда. Предположим, что ты действительно видел то, что видел, и Элизабет на самом деле жива. Если мы не правы, то это скоро выяснится. Если же правы…

Она нахмурилась и потрясла головой.

— Господи, хоть бы мы были правы.

Я улыбнулся.

— Ты знаешь, как я тебя люблю?

— Знаю, — сказал Шона. — Меня все любят.

* * *

Вернувшись домой, я налил себе последний на сегодня стаканчик. Сделал глубокий глоток и с наслаждением почувствовал, как согревающая жидкость потекла к месту своего назначения. Да, я пью. Только я не пьяница. Это не одно и то же. Как врач, я понимаю, что игры с алкоголем так же небезопасны, как флирт с дочкой гангстера-мордоворота. Но флирт не всегда приводит к свадьбе, это знают все.

Хлоя подскочила ко мне с обычным своим выражением на морде, которое можно было перевести как «поесть-погулять, поесть-погулять!». Собаки на редкость постоянны в своих требованиях. Я покормил ее и вывел на улицу. Свежий воздух приятно холодил, хотя голова по-прежне-

му оставалась затуманенной. Честно говоря, не люблю гулять, это, по-моему, на редкость скучное занятие. Однако мне нравилось наблюдать за Хлоей. Смешно — сколько собаки получают удовольствия от такой простой процедуры. Приятно было доставить ей радость.

Дома я тихонько прошел в свою спальню. Хлоя следовала за мной. Дед спал, дрыхла и его новая сиделка. Она храпела с присвистом, как мультяшные герои. Я включил компьютер и задумался: почему шериф Лоуэлл не перезвонил? Позвонить ему, что ли? Вообще-то время близится к двенадцати… Ничего, не помрет.

Я поднял трубку и набрал номер. У Лоуэлла сотовый телефон — если он хочет спать по ночам, то может просто отключить сигнал, не так ли?

Шериф снял трубку после третьего звонка.

— Доктор Бек?

Голос напряженный. Кроме того, я уже больше не «док».

— Почему вы не перезвонили?

— Уже поздно, — ответил он. — Я собирался перехватить вас утром.

— В чем там дело с Сарой Гудхарт?

— Завтра.

— Что, простите?

— Уже поздно, доктор Бек. Мой рабочий день окончен. И я не хочу говорить об этом по телефону.

— А вы можете хотя бы объяснить…

— Вы будете в клинике утром?

— Да.

— Я позвоню.

Лоуэлл вежливо, но сухо пожелал мне спокойной ночи и отключился. Я уставился на телефонную трубку, гадая: что бы это могло значить?

Заснуть, разумеется, не удалось. Я провел большую часть ночи в сети, просматривая уличные камеры и надеясь наткнуться на нужную. Искал, так сказать, виртуальную иголку в стоге высокотехнологичного сена.

Бросил наконец это бесполезное занятие и нырнул под одеяло. Профессия врача приучила меня быть терпеливым. Иногда я назначаю своим маленьким пациентам исследования, которые длятся почти всю жизнь, если не дольше, и прошу родителей подождать результатов. И ведь ждут, выбора у них нет. Теперь я сам попал в подобную ситуацию. В данный момент у меня слишком много догадок. Завтра я подключусь к сайту «Bigfoot» под именем «Бэт Стрит» и с паролем «Тинейджер» и, возможно, узнаю что-то новое.

Какое-то время я лежал, уставившись в потолок. Потом глянул вправо, туда, где раньше спала Элизабет. Я всегда засыпал первым и перед сном любил смотреть, как она читает. Ее лицо в профиль, полностью сосредоточенное на книге, было последним, что я видел перед тем, как провалиться в сон.

Я перевернулся на другой бок.

* * *

В четыре часа утра Ларри Гэндл взглянул на экран поверх головы Эрика Ву. Эрик, будучи на редкость дисциплинированным служащим, сидел перед компьютером, хотя его лицо от усталости уже сравнялось цветом с выбеленными волосами.

— Итак? — вопросительно произнес Гэндл.

Ву стянул с головы неизменные наушники и сложил похожие на глыбы мрамора руки на груди.

— Странная штука.

— Объясни.

— Доктор Бек почти никогда не сохранял сообщений. Разве только что-то, касавшееся пациентов. И ничего личного. А за последние два дня он получил и запомнил два загадочных

послания.

Не оборачиваясь, Эрик протянул через громадное плечо пару распечаток. Ларри проглядел их и нахмурился.

— Что это значит?

— Понятия не имею.

Гэндл прочел сообщение, гласившее, что надо кликнуть по какой-то ссылке в «час поцелуя». В компьютерах он ничего не понимал и, честно говоря, не собирался понимать и дальше. Глаза Гэндла переметнулись на верх страницы, где была напечатана тема «Э.П. + Д.Б.» и куча каких-то линий.

Так, Д.Б. — это, наверное, Дэвид Бек. А Э.П…

Ларри как пыльным мешком стукнуло. Он медленно протянул листок обратно Ву.

— Кто это прислал?

— Не знаю.

— Выясни.

— Нереально.

— Почему?

— Отправитель использовал анонимный почтовый ящик.

Ву говорил размеренным, безжизненным тоном. Тем же тоном он обсуждал и прогноз погоды, и способы пыток очередной жертвы.

— Не стану вдаваться в компьютерный жаргон, просто поверьте — отследить адрес невозможно.

Гэндл перевел взгляд на вторую распечатку. «Бэт Стрит» и «Тинейджер». Бред какой-то.

— А вот это? Это можно отследить?

— Тоже нет.

— Послал-то их один и тот же человек?

— Нам остается только гадать.

— А содержание? Ты понял хоть что-нибудь из их содержания?

Ву нажал несколько клавиш и вызвал на экран первое сообщение.

— Видите голубые символы? Так называемая ссылка. Все, что должен был сделать наш доктор, — это щелкнуть по ней мышкой и посмотреть, что появится на экране. Видимо, какой-то сайт.

— Какой именно?

— Ссылка не работает. Я не смог ее открыть.

— Бек должен был проделать это в «час поцелуя»?

— По крайней мере, так здесь говорится.

— А что такое «час поцелуя»? Какой-то компьютерный термин?

— Нет, — ухмыльнулся Ву.

— Значит, мы не знаем точное время, о котором

говорится в сообщении?

— Совершенно верно.

— И даже не можем вычислить, прошло оно или нет?

— Прошло.

— Почему ты так уверен?

— Браузер Бека настроен таким образом, что мы можем видеть последние двадцать сайтов, которые он посещал. Бек щелкал по ссылке. Даже несколько раз.

— А нельзя как-то… хм… проследить за ним?

— Нет. Ссылка-то не работает.

— А другое сообщение?

Ву опять пробежался пальцами по клавишам. Первое сообщение на экране сменилось вторым.

— Это полегче. Основное понятно.

— Что же?

— Анонимный отправитель создал почтовый ящик для доктора Бека, сообщил ему необходимые имя, пароль и снова упомянул о «часе поцелуя».

— Давай проверим, правильно ли я понял, — сказал Гэндл. — Бек откроет какой-то сайт, набьет переданные ему имя пользователя с паролем и увидит новое сообщение?

— Теоретически — да.

— А мы можем сделать то же самое?

— Войти туда, используя те же координаты?

— Да. И прочесть сообщение.

— Я попробовал. Ящик пока не открывается.

— Почему?

Эрик пожал плечами:

— Аноним может создать его позже. Непосредственно перед назначенным временем.

— Тогда что же мы в результате имеем?

Отсвет монитора плясал в пустых глазах Эрика Ву.

— Пока только то, что кто-то изо всех сил старается сохранить анонимность.

— И никак нельзя выяснить, кто именно?

Ву показал Гэндлу какой-то приборчик, который человеку непосвященному напомнил бы часть транзисторного приемника.

— Мы поставили такие штучки на домашний и рабочий компьютеры Бека.

— И что это?

— Специальное устройство, которое посылает сигналы с его компьютера на мой. Если доктор Бек получит какое-то сообщение, посетит какой-либо сайт или даже просто напечатает письмо, мы тут же это увидим.

— Значит, сидим и ждем.

— Да.

Гэндл вспомнил предположение Ву, что кто-то изо всех сил пытается сохранить анонимность, и страшное подозрение закралось в его душу.

9

Я припарковался аж в двух кварталах от клиники. Раньше я никогда не делал ничего подобного.

Шериф Лоуэлл уже материализовался здесь вместе с двумя коротко стриженными мужчинами в серых костюмах, которые лениво прислонились к большому коричневому «бьюику». Смешная парочка. Один — длинный, тощий и белый, другой — толстый, короткий и абсолютно черный. Они напоминали кеглю и шар. Оба ласково улыбнулись мне. Шериф сохранил угрюмость.

— Доктор Бек? — уточнил белый.

Он выглядел до отвращения аккуратно — напомаженные волосы, уголок тщательно сложенного платка торчит из нагрудного кармана, галстук заколот стильной булавкой, очки в черепаховой оправе, какие любят надевать актеры, когда желают выглядеть модно.

Я посмотрел на Лоуэлла. Тот молчал.

— Да, — ответил я.

— Специальный агент Ник Карлсон из Федерального бюро расследований, — представился

аккуратист. — А это специальный агент Том Стоун.

Оба сверкнули значками. Коротышка Стоун поддернул брюки и кивнул на «бьюик»:

— Не сможете ли вы проехать с нами?

— У меня пациенты через пятнадцать минут!

— Об этом мы уже позаботились. — Карлсон выбросил длинную руку в сторону открытой двери машины, как ведущий телешоу, предлагающий приз. — Прошу.

Пришлось сесть назад. Карлсон устроился за рулем, Стоун — рядом. Лоуэлл в машину садиться не стал. Мы останавливались на Манхэттене, и все же дорога заняла не больше сорока пяти минут. Карлсон припарковался в центре, на Бродвее, недалеко от Дуан-стрит, напротив официального вида дома номер 26 по Федерал-Плаза.

Внутри здание выглядело как обычный офис. По коридорам с чашками кофе в руках передвигались мужчины в деловых, на удивление неплохого качества, костюмах. Попадались и женщины, но в явном меньшинстве. Мы зашли в конференц-зал, мне предложили сесть, что я и сделал. Хотел еще положить ногу на ногу, да постеснялся.

— Кто-нибудь объяснит наконец, что тут про-

исходит? — спросил я.

— Чем вас угостить? — вместо ответа поинтересовался Карлсон — Белая Кегля. — У нас тут худший кофе в мире.

Карлсон нежно улыбнулся.

Я улыбнулся в ответ.

— Нет, спасибо, хотя предложение заманчивое.

— А может, что-нибудь прохладительное? Том, у нас есть прохладительные напитки?

— Конечно, Ник. Кока-кола, диет-кола, спрайт. Все, что угодно, для нашего доктора.

Мы опять поулыбались.

— Спасибо, ничего не нужно.

— А лимонаду? — попробовал еще раз соблазнить меня Стоун, снова подтянув штаны. Его живот походил на надутый мяч, намек на талию отсутствовал, и брюкам приходилось нелегко. — У нас здесь всего полно.

Я чуть не согласился, чтобы они отстали, но покачал головой. На столе между нами сиротливо лежал одинокий конверт. Я не знал, куда деть руки, и положил их перед собой. Карлсон присел на угол стола, Стоун продолжал стоять.

— Что вы можете сообщить нам по поводу Сары Гудхарт? — спросил Карлсон.

Я заколебался, стоит ли отвечать правду.

— Док?

— А что вы хотите услышать?

Карлсон и Стоун переглянулись.

— Имя Сары Гудхарт интересует нас в связи с текущим расследованием.

— Каким расследованием?

— Нам бы не хотелось этого разглашать.

— Не понимаю, при чем тут я.

Карлсон тяжело вздохнул, как бы обдумывая мое заявление. Затем повернулся к коротышке-напарнику и уже безо всякой улыбки спросил:

— Я задаю непонятные вопросы, Том?

— Нет, Ник. Мне кажется, все ясно.

— Мне тоже так кажется.

Карлсон снова повернулся ко мне.

— Может быть, вы протестуете против формы вопроса, док?

— Так всегда говорят на практических занятиях, — встрял Стоун. — «Протестую против формы вопроса!»

— Говорят, говорят. А потом добавляют: «Переформулируйте». Что-то вроде этого, да, Том?

— Да, типа того.

Карлсон пригвоздил меня взглядом к креслу.

— Прекрасно, сформулируем иначе. Имя Сара Гудхарт что-нибудь значит для вас?

Ох, не нравилось мне все это. Не нравилось их внимание к моей персоне, и то, что вместо шерифа Лоуэлла допрос ведут федералы, и то, что они вроде бы планируют сделать из меня отбивную. Им хотелось понять, что это за Сара такая. А чего тут трудного: взгляни на полное имя Элизабет да на адрес. Я решил сказать полуправду.

— Второе имя моей жены — Сара, — осторожно начал я.

— А второе имя моей жены — Гертруда, — мгновенно отозвался Карлсон.

— Господи, Ник, это ужасно.

— А у твоей жены есть второе имя, Том?

— Мак-Дауд. Фамильное имя.

— Мне нравится, когда у семьи есть фамильное имя. Заставляет помнить о своих корнях.

— Мне тоже нравится.

Оба агента опять посмотрели на меня.

— Как ваше второе имя, док?

— Крейг, — ответил я.

— Крейг, — повторил Карлсон. — Значит, если я спрошу вас, знакомо ли вам имя, — он помахал рукой, — скажем, Крейг Дипвуд, вы воскликнете: «Да, потому что мое второе имя Крейг»?

Карлсон сурово уставился мне в глаза.

— Думаю, нет, — промямлил я.

— «Думаю, нет». Что ж, начнем сначала: вы слышали такое имя: Сара Гудхарт? Да или нет?

— Вы имеете в виду когда-нибудь?

— Господи! — с чувством сказал Стоун.

Карлсон побагровел.

— Мы с вами в слова играем, док?

Он угадал. Я не знал, что делать. Я почти ослеп, и перед моим мысленным взором горела неоновым светом последняя строчка письма: «Не говори никому». Я почти ничего не соображал. Они хотели знать про Сару Гудхарт.

Возможно, это только проверка, призванная показать, буду ли я с ними сотрудничать. А в чем?

— Моя жена выросла на Гудхарт-роуд, — объяснил я. Сыщики подались назад, скрестив руки на груди. Они пытались завести меня в ловушку, и я покорно шел за ними. — Потому я и сказал, что Сара — ее второе имя. Название улицы натолкнуло меня на эту мысль, понимаете?

— Она выросла на Гудхарт-роуд? — переспросил Карлсон.

— Да.

— И название улицы стало для вас чем-то вроде катализатора?

— Да.

— Начинаю улавливать смысл. — Карлсон по-

смотрел на партнера. — Ты улавливаешь смысл, Том?

— Конечно, — сказал Том, поглаживая себя по животу. — Он вовсе не хотел заморочить нам голову. Слово «Гудхарт» послужило катализатором.

— Да. Именно потому он подумал о своей жене.

Оба уставились на меня. В этот раз я сумел сохранить молчание.

— Ваша жена когда-нибудь называлась Сарой Гудхарт? — спросил Карлсон.

— Как это — называлась?

— Ну, она когда-нибудь говорила: «Привет! Я — Сара Гудхарт!»? Или, может, имела документы на это имя? Или регистрировалась в Сети под таким именем?

— Нет.

— Вы уверены?

— Да.

— Вы говорите правду?

— Да.

— Не нужен никакой катализатор?

Я выпрямился в кресле, решив продемонстрировать характер.

— Мне не нравится, как вы разговариваете со

мной, агент Карлсон.

Его рекламная белозубая улыбка тут же вернулась, но теперь показалась жестокой пародией на ту, предыдущую. Агент поднял руку и примирительно бросил:

— Ладно, простите, это действительно было грубо.

Он оглянулся кругом, как бы выискивая следующий вопрос.

— Вы били свою жену, доктор Бек?

Меня как хлыстом стегнули.

— Что?!

— Это вас возбуждало? Отлупить женщину?

— Что… Вы что, свихнулись?

— Сколько вы получили по страховке после смерти жены?

Не в силах поверить своим ушам, я растерянно переводил взгляд с Карлсона на Стоуна, однако их лица были бесстрастны.

— Да что вы такое говорите?

— Пожалуйста, ответьте на вопрос, доктор Бек. Если, конечно, вам нечего скрывать.

— Да нет, это не секрет, — сказал я. — Полис был на двести тысяч долларов.

— Двести кусков за погибшую жену, — присвистнул Стоун. — Эй, Ник, я встаю в очередь!

— Не великовата ли сумма для двадцатипятилетней девушки?

— В то время ее двоюродный брат устроился на работу в страховую фирму, — коряво заоправдывался я. Странная вещь: хоть я и не сделал ничего дурного — во всяком случае, того, что имели в виду они, — все равно почувствовал себя виноватым. Неприятное ощущение. Из подмышек заструился пот. — Элизабет хотела помочь ему и застраховалась на большую сумму.

— Мило с ее стороны, — сказал Карлсон.

— Очень мило, — подхватил Стоун. — Семья превыше всего, вы согласны?

Я молчал. Улыбки вновь исчезли.

— Посмотрите на меня, док, — приказал Карлсон.

Я повиновался. Его глаза буравили мои. Я выдержал поединок, хотя это оказалось нелегко.

— На этот раз ответьте, пожалуйста, на мой вопрос, — медленно произнес агент. — И не злите меня больше. Вы когда-нибудь били свою жену?

— Никогда, — ответил я.

— Ни разу?

— Ни разу.

— И не толкали?

— И не толкал.

— А со злости ни разу не треснули? Слушайте, док, мы все люди — пощечина, то да се. Не преступление, нет, просто время от времени у каждого могут сдать нервы.

— Я никогда не бил свою жену, — повторил я. — Не толкал, не трескал со злости, не отвешивал пощечин. Никогда.

Карлсон поглядел на Стоуна:

— Тебе все ясно, Том?

— Конечно, Ник. Он сказал, что никогда не бил жену, чего тут непонятного.

Карлсон поскреб подбородок.

— Если только…

— Если только что, Ник?

— Если только ему снова не нужен катализатор.

Глаза сыщиков опять сфокусировались на мне. Собственное дыхание засвистело у меня в ушах, голова стала пустой и звенящей. Карлсон подождал еще несколько секунд, прежде чем завозиться с большим коричневым конвертом. Он тянул время, аккуратно развязывая и расклеивая его. Потом поднял высоко в воздух, и содержимое высыпалось на стол.

— Годится катализатор, док?

Это оказались фотографии. Карлсон подвинул

их ко мне. Я взглянул на снимки и похолодел.

— Доктор Бек?

Я не отозвался. Мои пальцы тихонько коснулись фотографий.

Элизабет.

Это, несомненно, она. На первом фото жена была снята крупным планом — только голова, в профиль. Рукой Элизабет придерживала волосы, открывая ухо. Ухо было красным и распухшим, шея под ним — в синяках и царапинах.

Похоже, перед съемкой она плакала.

Следующее фото запечатлело Элизабет раздетой до пояса и демонстрировавшей огромный синяк на боку. И вновь глаза у нее заплаканы. Снимок был очень контрастным, кровоподтек казался огромным и черным.

И еще три фотографии — Элизабет в разных позах, предъявляющая различные части тела, покрытые ушибами и царапинами.

— Доктор Бек?

Голос вернул меня к действительности. Я почти забыл о наблюдающих за мной агентах. Встрепенувшись, я переводил глаза с Карлсона на Стоуна и обратно.

— Вы что, думаете, это сделал я?

Карлсон пожал плечами:

— Мы ждем, что вы нам скажете.

— Конечно же, нет!

— Вы в курсе, где ваша жена получила травмы?

— В автомобильной катастрофе.

Они переглянулись с таким видом, будто я сообщил, что мою домашнюю работу сжевала собака.

— Элизабет попала в небольшую аварию, — объяснил я.

— Когда?

— Точно не помню. За три-четыре месяца до… — я сглотнул, — до смерти.

— Она обращалась к врачу?

— Нет. Не думаю.

— Нет или не думаете?

— Дело в том, что меня в тот момент не было дома.

— И где же вы находились?

— Делал доклад на симпозиуме педиатров в Чикаго. Жена рассказала о случившемся, лишь когда я вернулся домой.

— Сколько же дней прошло к тому времени?

— С момента аварии?

— Да.

— Не знаю. Два или три.

— Вы уже были женаты?

— Да, несколько месяцев.

— А почему она не рассказала вам о происшествии сразу? Как вы думаете?

— Она рассказала, как только я вернулся. А раньше, наверное, не хотела меня волновать.

— Понятно, — протянул Карлсон и посмотрел на Стоуна. Оба даже не пытались скрыть скептицизм. — Значит, это не вы сделали фотографии, док?

— Нет, — сказал я, радуясь, что говорю правду, так как взгляды фэбээровцев не предвещали ничего хорошего.

Наклонившись ко мне, Карлсон спросил:

— А раньше вы их видели?

Я не ответил. Они ждали. Я не спешил, размышляя над вопросом. Ответом было «нет», но… откуда взялись снимки? Почему я не знал об их существовании? Кто сфотографировал Элизабет? Я пытался понять хоть что-нибудь по лицам агентов, однако те оставались непроницаемы.

Смешно, тем не менее большую часть наших знаний об окружающем мире мы черпаем с телевизионных экранов. Сведения о расследованиях, правах подозреваемого, допросах и перекрестных допросах, протоколах и юридической системе в целом льются на нас из сериалов типа «Закон и

порядок». Дайте кому-нибудь в руки пистолет, попросите выстрелить, и он повторит то, что неоднократно видел по телевизору. Скажите человеку, что за ним «хвост», и он поймет вас, потому что так выражаются герои его любимых фильмов.

Я поднял глаза и задал классический вопрос:

— Вы меня подозреваете?

— В чем?

— В чем-то. Вы подозреваете, что я совершил какое-то преступление?

— Туманный вопрос, док.

Да и твой ответ не точнее. Мне он, во всяком случае, не понравился. Пришлось вспомнить еще кое-что из кино.

— Я хочу позвонить моему адвокату.

10

Естественно, знакомого адвоката, специализирующегося на уголовном праве, у меня не было. Да и у кого он есть? Поэтому я позвонил Шоне из автомата в коридоре и объяснил ситуацию. Шона зря времени не тратила.

— У меня есть то, что нужно, — сказала она. — Сиди и жди.

Я вернулся в конференц-зал. Карлсон и Стоун были так любезны, что остались ждать со мной. Они коротали время, перешептываясь друг с другом. Прошло около получаса. Тишина нервировала, и я знал, что сыщики на это и рассчитывают, но не мог с собой справиться. В конце концов, я невиновен! Чем может навредить пара-другая слов?

— Мою жену нашли заклейменной, с буквой «К» на щеке.

— Простите? — вскинулся Карлсон и вытянул ко мне длинную шею. — Вы к нам обращаетесь?

— Мою жену заклеймили буквой «К», — повторил я. — После нападения на нас я попал в больницу с сотрясением мозга. Вы не можете

думать… — Я замолчал.

— Думать что?

Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь.

— Что я имею какое-либо отношение к смерти жены.

И в этот момент распахнулась дверь. В зал ворвалась женщина, которую я прекрасно знал по многочисленным телевизионным шоу. При виде ее Карлсон подпрыгнул, а Стоун прошипел: «Черт побери!»

— Мой клиент потребовал консультации? — без всякого вступления начала Эстер Кримштейн.

Положись на Шону — и все будет в порядке. Я никогда не встречал своего нового адвоката, зато частенько видел ее в роли «независимого эксперта» на всевозможных ток-шоу, а также ведущей собственную программу «Кримштейн против криминала». На экране Эстер Кримштейн казалась стремительной и зубастой, как акула, и частенько разносила своих гостей в пух и прах. В жизни она оказалась еще более эксцентричной и напоминала тигрицу, которая в каждом собеседнике видит трепетную лань.

— Совершенно верно, — отозвался Карлсон.

— И что я вижу? Вы как ни в чем не бывало продолжаете его допрашивать!

— Он сам заговорил.

— Ну да, ну да.

Кримштейн рывком открыла кейс, выхватила блокнот и ручку, а затем швырнула их на стол.

— Напишите ваши имена.

— Что, простите?

— Ваши имена, красавчики. Забыли, как они пишутся?

Вопрос был вроде бы риторический, но Эстер явно ждала ответа.

— Нет, — пробормотал Карлсон.

— Помним, — добавил Стоун.

— Прекрасно. Напишите их вот здесь. Печатными буквами, пожалуйста. Когда в своем шоу я буду рассказывать, как вы попирали гражданские права моего клиента, то не хочу ошибиться.

Она наконец посмотрела на меня.

— Идемте.

— Подождите-подождите, — заторопился Карлсон. — Мы бы хотели задать вашему клиенту несколько вопросов.

— Нет.

— Нет? Прямо вот так?

— Прямо вот так. Вы не говорите с ним. Он не говорит с вами. Никогда. Все понятно?

— Все, — проворчал Карлсон.

Эстер повернулась к Стоуну.

— Да, — подтвердил тот.

— Умные мальчики. Вы не арестовали доктора Бека?

— Нет.

Она повернулась ко мне:

— Тогда чего мы ждем? Пойдем отсюда.

* * *

Эстер Кримштейн не произнесла ни слова, пока мы не уселись в ее лимузин.

— Куда вас подкинуть? — спросила она.

Я продиктовал шоферу адрес клиники.

— Расскажите мне о допросе, — сказала Кримштейн. — Подробно.

Я постарался как можно более четко передать ей содержание беседы с Карлсоном и Стоуном. Эстер слушала, не глядя в мою сторону. Она вытащила толстенный ежедневник и сделала какие-то пометки.

— А что с этими фотографиями? — спросила она. — Вы действительно их не снимали?

— Нет.

— И сказали об этом нашим Тру-ля-ля и Траля-ля?

Я молча кивнул.

Эстер потрясла головой.

— Нет клиентов хуже, чем врачи, — скорбно произнесла она и поправила волосы. — Ладно, это было глупо, но не смертельно. Говорите, раньше не видели снимков?

— Никогда.

— А когда они спросили вас об этом, вы наконец-то решили замолчать.

— Да.

— Уже лучше. История с автомобильной аварией — правда?

— Простите?

Кримштейн закрыла ежедневник.

— Послушайте… Бек, да? Шона сказала, что все зовут вас Беком. Вы не будете возражать, если я сделаю то же самое?

— Нет.

— Замечательно. Так вот, Бек, вы доктор, верно?

— Верно.

— Умеете вежливо общаться со своими клиентами?

— Стараюсь.

— А я нет. И не собираюсь. Если вам нужны сюси-пуси — нанимайте добренького адвоката, и дело с концом. Поэтому давайте-ка отбросим

все эти «простите-извините» и перейдем к делу. История с аварией — правда?

— Разумеется.

— Сыщики ведь проверят все ваши слова…

— Знаю.

— Рада, что здесь все чисто. Возможно, фотографии были сделаны кем-то из друзей вашей жены. Например, в качестве доказательства. На случай, если бы она захотела получить страховку или подать в суд на виновника происшествия.

Я в это не верил и все же промолчал.

— Далее, уно:[11] где были эти снимки раньше, Бек?

— Не знаю.

— Дос и трес: как они попали к фэбээровцам? Почему всплыли только сейчас?

Я помотал головой.

— И самое важное: что они пытаются на вас повесить? Ваша жена погибла восемь лет назад, странновато заводить дело об избиении в браке.

Эстер откинулась на спинку сиденья и минуту или две молчала. Потом подняла глаза к потолку и пожала плечами:

— Бессмыслица. В любом случае, я позвоню

---

[11] Примечания: 11

Uno, dos, tres (исп.) — первое, второе, третье.

куда надо и узнаю, в чем дело. Вы же пока сидите тихо и не валяйте дурака — никому ничего не рассказывайте. Все ясно?

— Да.

Кримштейн вновь откинулась назад и размышляла еще несколько минут.

— Мне это не нравится, — произнесла она в результате. — Совсем не нравится.

11

12 мая 1970 года Джереми Ренуэй и три его товарища-радикала организовали взрыв в химлаборатории своего университета. Среди учащихся пошли слухи, что военные пытаются произвести в лаборатории новый, особенно смертоносный вид напалма. Четверо студентов, в припадке гениальности обозвавших собственную группу «Плачем свободы», решили привлечь к этому факту всеобщее внимание.

Ни тогда, ни сейчас Джереми не знал, насколько правдивы слухи об исследованиях. Да это, собственно, и не было важно: все равно взрыв не повредил лаборатории. На входе странный пакет заметили два охранника, один начал разворачивать его, и начинка взорвалась, убив обоих.

У охранников остались дети.

Одного из «плакальщиков свободы» схватили через два дня. Он до сих пор в тюрьме. Второй умер от рака в 1989-м. Третью, Эвелин Косми, арестовали в 1996 году и дали семь лет.

Джереми же испарился в окрестных лесах сразу после взрыва и не выходит из них по сей день. Он

редко видел людей, почти не слушал радио и не смотрел телевизор. Правда, один раз поговорил по телефону — слишком уж дело было срочное. Новости он узнавал в основном из газет, которые, кстати, безбожно переврали все, что случилось здесь восемь лет назад.

Рожденный и выросший на холмах северной Джорджии, отец Джереми научил сына способам выживания, главнейшим из которых был следующий: «Природе верь, людям — никогда». В свое время Джереми забыл о нем. Теперь пришлось вспомнить.

Опасаясь, что в родных лесах его могут схватить, Джереми двинулся в сторону Пенсильвании. Он брел все дальше и дальше, ночуя в пустующих детских лагерях, пока не наткнулся на отдаленное и безопасное озеро Шармэйн. Заброшенные домики дали путнику надежный приют, кругом водились олени, а люди почти не появлялись — разве что летом, в выходные. В такие дни Джереми просто уходил поглубже в лес.

Или оставался и подглядывал.

Дети, игравшие в полуразрушенном лагере, звали его Лешим.

Сейчас Джереми наблюдал за наводнившими окрестности офицерами в серой форме ФБР. Три

буквы на больших желтых эмблемах по-прежнему внушали ледяной ужас.

Район поисков оцеплять не стали. Может быть, потому, что сюда и так почти никто никогда не ходил. Когда тела нашли, Ренуэй нисколько не удивился. Да, они были похоронены глубоко и тщательно. Однако Джереми знал, что тайное рано или поздно становится явным. Эвелин Косми, подруга-террористка, могла бы это подтвердить: она превратилась в образцовую мамашу-наседку, но ее все равно взяли. Смешно.

Джереми не опасался, что его обнаружат: он умел оставаться незаметным в лесу. Ренуэй тихо стоял в кустах и вспоминал, как восемь лет назад, ночью, услышал выстрелы, а потом шорох лопат, взрывающих землю и тяжелое дыхание копавших. Джереми даже подумывал о том, чтобы сообщить полиции — анонимно, разумеется, — все обстоятельства дела.

Правда, в конце концов решил не рисковать. Никто не создан для того, чтобы жить в клетке, хотя некоторые стойко переносят это испытание. Джереми бы не выдержал. Его двоюродный брат Перри получил восемь лет заключения в федеральной тюрьме. Он сидел взаперти в крошечной клетушке двадцать три часа в сутки. Однажды

утром Перри попытался убить себя, с размаху ударившись головой об цементный пол.

То же самое сделал бы и Джереми.

Поэтому он закрыл рот на замок и не вмешивался. Целых восемь лет.

Только не думать о той ночи Джереми не мог. Он вспоминал обнаженную женщину и притаившихся мужчин, драку возле машины и противный чавкающий звук, с которым дерево крушило живую плоть. Вспоминал молодого мужа женщины, брошенного тут умирать.

И ужасную ложь, с которой он так и не смог смириться.

12

Когда я вернулся в клинику, приемная до отказа была набита негодующими пациентами. По телевизору крутили диснеевскую «Русалочку». Когда мультик заканчивался, кассета автоматически перематывалась назад и начиналась сначала. Копия был старая, заезженная, краски выцвели, звук хрипел. Моя голова после разговора с фэбээровцами вела себя примерно так же. Слова Карлсона прокручивались в ней снова и снова. Заморочил он меня, надо сказать, профессионально. Я все пытался понять, что агент хотел узнать, и каждое предположение оказывалось мрачнее предыдущего, не вызывая ничего, кроме головной боли.

— Салют, док!

Ко мне подскочил Тириз Бартон, одетый в мешковатые штаны и невероятных размеров спортивную куртку — ужасающее творение какого-то новомодного дизайнера.

— Привет, Тириз.

Мы обменялись рукопожатием, похожим на танцевальное па, в котором он вел, а я подчи-

нялся. Ти Джей, шестилетний сын Тириза и его подружки Латиши, страдал гемофилией. Кроме того, мальчик был слеп. Впервые мы встретились, когда ребенка доставили сюда на «скорой», а отца чуть не арестовали. Тириз до сих пор уверен, что в тот день я спас жизнь его сыну. Некоторое преувеличение, на мой взгляд.

Хотя кто знает…

С тех пор парню казалось, будто это сделало нас друзьями, как льва и мышь из притчи. Причем Тириз был львом, а я — мышью, вытащившей занозу из его лапы. Заблуждение с его стороны.

Парочка никогда не была жената, тем не менее Тириз был одним из немногих иногда появлявшихся здесь отцов. Бросив наконец мою руку, он сунул мне две стодолларовые купюры с изображением Бена Франклина.

— Хорошо следите за моим сыночком, а? — подмигнул он.

— Конечно.

— Вы — самый лучший доктор!

Любящий папаша протянул визитку, на которой не было ни имени, ни адреса, ни места работы. Только номер сотового телефона.

— Если что-то понадобится, звоните.

— Обязательно.

— Что угодно, док, — снова подмигнул Тириз.

— Спасибо.

Я спрятал деньги. Этому ритуалу было уже шесть лет. За это время я видел здесь немало наркоторговцев, но ни один не прожил так долго, как Тириз.

Конечно, я не оставляю себе деньги, а отдаю их Линде для ее фонда. Согласен, подарок сомнительный. Только пусть уж лучше деньги уйдут на благотворительность, чем на наркотики. Понятия не имею, насколько богат Тириз. Однако видел, что он постоянно меняет машины, предпочитая покупать «БМВ» с тонированными стеклами, а гардероб его сына составляют вещи, каждая из которых стоит больше, чем все содержимое моего шкафа. Увы, мать мальчика проходит по программе «Медикэйд», и он наблюдается у нас бесплатно.

Идиотство, согласен.

Мобильник Тириза заиграл бодрый хип-хоп.

— Простите, док. Дела-делишки.

— Понимаю, — вновь согласился я.

Иногда все это страшно бесит, да только вот дети… Они болеют. Не стану восклицать, что любой малыш чудесен. Порой приходится лечить ребятишек, при одном взгляде на которых дела-

ется понятно: ничего хорошего из них не выйдет. И все-таки даже они слабы и беззащитны…

Поверьте, я видел такое, что перевернуло бы ваше представление о человеческом роде. И поэтому стараюсь сосредоточиться на детях.

* * *

Вообще-то я должен был работать до двух, но из-за проклятого допроса пришлось задержаться. Фотографии не давали покоя, избитое лицо Элизабет маячило перед внутренним взором.

Кто же ее сфотографировал?

Ответ пришел сам собой, как только я немного успокоился; он был настолько очевиден, что я удивился, как же не сообразил раньше. Сняв трубку, я позвонил по номеру, который не набирал долгие годы, хотя еще помнил наизусть.

— «Шейес фото», — отозвался в трубке женский голос.

— Привет, Ребекка.

— Бек, сукин ты сын! Откуда ты? Как дела?

— Нормально. А у тебя?

— Тоже неплохо. Работы невпроворот.

— Нельзя так, себя надо жалеть.

— А я жалею. В прошлом году, например, вышла замуж.

— Слышал. Не поздравил, извини.

— Поросенок.

— Не спорю. Ну, хоть сейчас прими мои поздравления.

— Говори честно, что стряслось?

— Хочу задать тебе один вопрос.

— Какой?

— По поводу автокатастрофы.

Молчание.

— Ты помнишь ту аварию? Незадолго до смерти Элизабет?

Ребекка Шейес, лучшая подруга моей жены, не отвечала. Я кашлянул.

— Кто был за рулем?

— Что? — сказала она кому-то рядом с собой. — Погоди минутку. — Потом снова мне: — Слушай, Бек, я сейчас занята, давай созвонимся попозже?

— Ребекка…

Она бросила трубку.

* * *

Горе и впрямь облагораживает человека.

Серьезно, сейчас я гораздо лучше, чем был когда-то. Не зря говорят: нет худа без добра, и в моем случае добро очевидно. Не то чтобы оно стоило того, чем пришлось за него заплатить, но я, несо-

мненно, стал гораздо терпимее к пациентам, к их жалобам и проблемам. А кроме того, научился отличать второстепенные в этой жизни вещи от действительно важных.

Забавно вспоминать, как здорово меня волновало, какой марки машину я вожу, в каком состою клубе, диплом какого университета будет висеть на стене моего офиса и тому подобная чепуха. Я и хирургом-то решил стать, потому что считал эту профессию престижной и хотел поразить так называемых друзей. Показать, что выбился в люди.

Правда, забавно?

Кое-кто мог бы возразить, что я просто-напросто повзрослел, достиг определенной зрелости. Что ж, в чем-то они правы. Однако главным рычагом изменений стало осознание того, что я теперь одинок и сам за себя отвечаю. Понимаете, мы с Элизабет были не просто парой, а каким-то единым существом. И та часть этого существа, которая звалась Элизабет, была такой хорошей, что я мог позволить себе немножечко побыть плохим. Как будто ее правильности с лихвой хватало на нас обоих.

Смерть близких — лучший наставник, что ни говори.

Не стану врать, будто горе научило меня таким вещам, которыми стоило бы поделиться со всеми. Это не так. Я могу до посинения повторять, что главная ценность в нашем мире — люди, что жизнь — сама по себе богатство, что нужно научиться дорожить каждой мелочью и тому подобные избитые фразы — они не вызовут у вас ничего, кроме скуки и раздражения. Вы поймете, но не прочувствуете. Трагедия же вбивает эти понятия прямо в сердце. Горе не делает вас счастливее, горе делает вас лучше.

Мне до смешного часто хочется, чтобы Элизабет увидела меня таким, каким я стал. К сожалению, я не верю, что умершие действительно смотрят на нас с небес. Это лишь сказка, которой мы успокаиваем друг друга. Мертвые уходят навсегда. И все-таки меня преследует одна мысль — теперь я был бы достоин своей жены.

Более религиозный человек решил бы, что поэтому она и вернулась.

Ребекка Шейес была одним из лучших независимых фотографов Америки и печаталась в самых модных журналах. Особенно ей удавались фотографии мужчин. Ее часто нанимали профессиональные атлеты, желавшие, чтобы их мускулистые тела появились на обложках ежене-

дельников в лучшем виде. Ребекка шутила, что добилась таких успехов путем «непрерывного и тщательного изучения предмета».

Фотостудию я нашел на Западной Тридцать второй улице, недалеко от вокзала Пенн-Стэйшн. Размещалась студия на втором этаже огромного, отвратительного вида склада. Нижняя часть здания провоняла лошадьми из Центрального парка, которые вместе с прогулочными колясками оккупировали весь первый этаж. Я вышел из грузового лифта, двинулся вдоль по коридору и почти сразу же увидел Ребекку.

Она торопливо шла мне навстречу; тощий, одетый в черное ассистент тащил за ней в ручках-палочках два алюминиевых чемодана. На голове у моей старой знакомой развевались буйные локоны; ее огненная шевелюра никогда не поддавалась ни стрижкам, ни укладкам. Огромные зеленые глаза горели, и вообще если Ребекка и изменилась за прошедшие восемь лет, то я этого не заметил.

Увидев меня, она почти не замедлила шага.

— Не сейчас, Бек.

— Сейчас.

— У меня съемка. Давай попозже?

— Не давай.

Ребекка затормозила, шепнула что-то своему похоронного вида помощнику и повернулась ко мне:

— Хорошо, пойдем.

Мы прошли в студию с высокими потолками и белыми цементными стенами, битком набитую светлыми зонтиками и черными ширмами. По полу, куда ни глянь, змеились провода. Ребекка тут же завертела в руках коробку с пленками, притворяясь занятой.

— Расскажи мне об автокатастрофе.

— В честь чего, Бек? — Она открыла коробку, поставила ее на стол, закрыла, открыла опять. — Мы почти не общались… сколько, восемь лет? И вдруг ты являешься и говоришь: вынь да положь то, что уже давно быльем поросло!

Я скрестил руки на груди и ждал.

— В чем дело? Столько времени прошло, и вдруг?..

— Расскажи.

Ребекка старательно отводила глаза. Волосы ее совсем растрепались, закрыв пол-лица.

— Мне не хватает Элизабет, — неожиданно грустно сказала она. — И тебя тоже.

Я не ответил.

— Я звонила.

— Знаю.

— Хотела утешить тебя. Чем-то помочь.

— Прости.

Мне в самом деле стало стыдно. Ребекка так дружила с Элизабет! Пока мы не поженились, они вместе снимали квартиру. Я мог бы перезвонить ей тогда, поговорить или даже пригласить в гости, но…

Горе эгоистично.

— Элизабет говорила, что вы угодили в небольшую аварию, — начал я. — Она сидела за рулем и нечаянно отвлеклась. Это правда?

— Какая теперь разница?

— Есть разница.

— Какая?

— Чего ты боишься, Ребекка?

Теперь молчала она.

— Так была авария или нет?

Ее плечи внезапно ослабли, с них будто сняли какой-то невидимый и все же очень тяжелый груз. Глубоко вздохнув, Ребекка опустила голову:

— Не знаю.

— Как это не знаешь? Тебя что, там не было?

— Вот именно. Ты тогда уехал, Бек, а она пришла ко мне однажды вечером, вся в синяках. Я спросила, что случилось, Элизабет рассказала

про аварию и умоляла соврать, будто мы были вместе, если кто начнет интересоваться.

— А кто-нибудь интересовался?

Ребекка наконец-то подняла глаза.

— Я думаю, она имела в виду тебя.

Я попытался переварить услышанное.

— Так что же случилось на самом деле?

— Я не спрашивала. Да она бы и не рассказала.

— Вы не пошли к врачу?

— Элизабет не захотела. — Ребекка испытующе посмотрела на меня. — И все-таки я не понимаю. Почему ты заинтересовался этим именно сейчас?

«Не говори никому».

— Просто пытаюсь разобраться.

Она кивнула, хотя видно было, что не поверила. Да уж, лжецы из нас никудышные…

— Ты ее фотографировала?

— Фотографировала?

— Ее увечья. После аварии.

— О Господи, нет. Зачем?

Хороший вопрос. Я сидел и обдумывал его. Не торопясь.

— Бек?

— Да?

— Ты выглядишь ужасно.

— А ты нет.
— Я влюблена.
— Тебе идет.
— Спасибо.
— Он хороший человек?
— Самый лучший.
— Тогда он тебя заслужил.
— А как же!

Ребекка наклонилась и ласково поцеловала меня в щеку. На душе сразу потеплело.

— Все-таки что-то случилось, правда?

Наконец-то я мог ответить честно.

— Не знаю.

13

Шона сидела в шикарном офисе Эстер Кримштейн. Закончив говорить по телефону, Эстер положила трубку и сказала:

— Немногое удалось узнать.

— Его не арестовали? — спросила Шона.

— Нет. Пока нет.

— Чего они хотят?

— Насколько я могу предположить, Бека подозревают в убийстве жены.

— Бред какой-то! Он попал тогда в больницу и рыдал там, не переставая. Элизабет убил этот придурок Киллрой!

— Не доказано, — ответила Эстер.

— Что не доказано?

— Келлертон подозревался как минимум в восемнадцати убийствах. Сознался он в четырнадцати, доказать удалось двенадцать. Вполне достаточно. Я имею в виду — для пожизненного срока.

— Все уверены, что именно он убил Элизабет!

— Поправка: все *были* уверены.

— Все равно не понимаю. Как им только могло

прийти в голову, что Бек…

— Не знаю. — Эстер закинула ноги на стол и потянулась. — Пока не знаю. Придется держать руку на пульсе.

— Это как?

— Во-первых, предположить, что твой друг под колпаком у ФБР. Они записывают его телефонные разговоры и так далее.

— Ну и что?

— Ничего себе «ну и что»!

— Он невиновен, Эстер. Пусть следят.

Эстер возвела глаза к потолку и покачала головой:

— Святая наивность!

— Почему, черт возьми?

— Да потому что они, если захотят, способны состряпать обвинение даже на основании того, что он ест яйца на завтрак! Передай ему, чтоб был осторожнее. И это не все. Фэбээровцы готовы землю рыть, чтобы посадить твоего Бека.

— Зачем?

— Не знаю, но у них явно зуб на него. И зубу этому восемь лет. Поэтому, выходит, они уперлись, а упертые ищейки — это самые мерзкие, беспринципные и попирающие все законы ищейки.

Шона выпрямилась в кресле, вспомнив о стран-

ных сообщениях от «Элизабет».

— Что? — спросила Эстер.

— Ничего.

— Не морочь мне голову, Шона.

— Я не твой клиент.

— Ты имеешь в виду, Бек что-то недоговаривает?

Шона застыла, пораженная новой идеей. Она прокрутила ее в голове и так и эдак, пытаясь сообразить, есть ли в ней смысл.

Смысл вроде бы был, хотя Шоне страшно хотелось, чтобы она оказалась не права.

— Мне надо идти, — вскочив, пробормотала она.

— Что за пожар?

— Бегу к твоему клиенту.

* * *

Специальные агенты Ник Карлсон и Том Стоун устроились на той самой кушетке, которая так много значила для Дэвида Бека. Ким Паркер, мать Элизабет, сидела напротив, неестественно выпрямившись и сложив руки на коленях. Лицо — застывшая восковая маска.

Хойт Паркер расхаживал по комнате.

— Что случилось и почему нельзя было просто

позвонить? — спросил он.

— Нам необходимо задать вам несколько вопросов, — ответил Карлсон.

— О чем?

— О вашей дочери.

Родители Элизабет окаменели.

— Если точнее, о ее отношениях с мужем, доктором Дэвидом Беком.

Супруги обменялись взглядами.

— А в чем дело? — снова спросил Хойт.

— Это касается текущего расследования.

— Какого еще расследования? Нашей дочери нет в живых уже восемь лет. Ее убийца давно сидит в тюрьме.

— Пожалуйста, детектив Паркер, давайте сотрудничать. Мы ведь все в одной лодке.

В комнате наступила мертвая тишина. Тонкие губы Ким задрожали. Хойт посмотрел на жену и кивнул.

Карлсон сфокусировал взгляд на Ким.

— Миссис Паркер, как бы вы описали отношения между вашей дочерью и ее мужем?

— Дети были очень близки, очень любили друг друга.

— И никаких проблем?

— Никаких.

— Вы можете назвать вашего зятя агрессивным человеком?

Ким пораженно взглянула на Карлсона:

— Нет.

Сыщики посмотрели на Хойта. Тот кивком выразил согласие со словами жены.

— Не было случая, чтобы он ударил вашу дочь?

— Что?!

Карлсон попробовал мило улыбнуться.

— Вы не могли бы просто отвечать на вопросы?

— Никто, — сказал Хойт, — никогда не бил мою дочь.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Карлсон снова поглядел на Ким:

— Миссис Паркер?

— Они обожали друг друга.

— Я понимаю, мадам, да только многие любители помахать кулаками клянутся, что обожают своих жен.

— Дэвид никогда не трогал Элизабет.

Хойт перестал расхаживать по комнате, остановился перед детективами и спросил:

— Чего вы, собственно, добиваетесь?

Карлсон взглянул на Стоуна.

— С вашего позволения, я продемонстрирую вам несколько снимков. Они не слишком новые, но крайне важные.

Стоун передал Карлсону конверт. Карлсон открыл его и одну за другой разложил фотографии избитой Элизабет на кофейном столике, внимательно наблюдая за реакцией. Ким, как и следовало ожидать, залилась слезами, Хойт побледнел.

— Что это за снимки? — вполголоса поинтересовался он.

— Вы видели их ранее?

— Нет.

Хойт поглядел на жену. Та неожиданно кивнула:

— Я видела синяки.

— Когда?

— Точно не помню, незадолго до смерти Элизабет. Впрочем, тогда они уже были менее, — она замялась, подбирая слово, — менее выражены.

— Ваша дочь рассказала, где поранилась?

— Да, сказала, что попала в автомобильную аварию.

— Миссис Паркер, мы связались со страховой компанией. Элизабет никогда не обращалась туда по поводу дорожной аварии. Мы также про-

верили полицейские архивы. Никто в тот день не заявлял о происшествии, наши люди не нашли никаких протоколов.

— К чему вы ведете? — осведомился Хойт.

— Да к тому, что ваша дочь не попадала в автокатастрофу. От кого она, спрашивается, заработала синяки?

— Вы считаете, от своего мужа?

— Мы работаем над этой версией.

— У вас есть для нее основания?

Сыщики заколебались. Хойт догадался, что они не ответят в присутствии Ким по двум причинам: она — лицо гражданское и вдобавок женщина.

— Дорогая, ты не возражаешь, если я поговорю с агентами сам?

— Нисколько. Я буду в спальне.

На дрожащих ногах Ким двинулась к лестнице. Когда она исчезла из виду, Хойт сказал:

— Итак, я вас слушаю.

— Мы считаем, что доктор Бек не просто избивал вашу дочь, — сказал Карлсон, — мы считаем, что он ее убил.

Хойт переводил взгляд с Карлсона на Стоуна и обратно, словно пытаясь понять, не шутят ли они. Потом уселся в кресло и попросил:

— С этого места поподробнее.

14

Что же скрыла от меня Элизабет?

Шагая вниз по Десятой авеню по направлению к парковке, я пробовал заставить себя думать об этих фотографиях, как о свидетельствах автомобильной аварии. Не вышло. Вспомнилось, насколько беззаботно жена отзывалась о том происшествии. Ну стукнулись, ну разъехались. С кем не бывает? Когда я пытался вытянуть из нее хоть какие-нибудь подробности, Элизабет просто переводила разговор на другое.

А теперь все оказалось выдумкой.

Я мог бы заявить, что Элизабет никогда меня не обманывала, но в свете последних открытий это прозвучало бы глупо. Скажем так: это была первая ложь, о которой я узнал. Видимо, мы оба имели свои секреты.

Недалеко от парковки мне встретилось нечто странное. Или, вернее сказать, некто странный. Там на углу переминался с ноги на ногу человек в дубленке.

Он смотрел прямо на меня.

Человек казался ужасно знакомым. Нет, не

моим личным знакомым, а кем-то, кто уже попадался на глаза, причем не далее, как сегодня утром. Где я мог его видеть? Дежа-вю?

Перебрав в памяти утренние события, вспомнил, что тип в дубленке встретился мне часов около восьми на заправке, куда я заскочил выпить чашечку кофе.

Или это был не он?

Нет, конечно, не он! Я отвел глаза и поспешил на стоянку. Служитель по имени Карло — во всяком случае, так гласил его значок — смотрел телевизор, поглощая сандвич, и прошло полминуты, прежде чем он соизволил обратить на меня внимание. Нехотя отряхнув крошки с рукава, Карло пробил парковочный талон, взял деньги и выдал мне ключ от машины.

Когда я вышел из будки служителя, незнакомец все еще торчал на своем месте.

Идя к машине, я изо всех сил старался не коситься на него, но, выехав на Десятую авеню, подозрительно уставился в зеркало заднего вида.

Тип в дубленке даже не глядел в мою сторону. Я следил за ним, пока не свернул за угол. Он ни разу не обернулся. Паранойя. Я становлюсь параноиком.

Почему же Элизабет лгала мне?

Ничего не идет на ум.

До прихода нового сообщения оставалось еще три часа. Целых три часа. Нужно было как-то отвлечься. Мысль о том, что сейчас происходит на другом конце Всемирной паутины, там, где сидит мой анонимный отправитель, сводила с ума.

Вообще-то я знал, что следует делать. Просто оттягивал неизбежное.

* * *

Вернувшись домой, я обнаружил деда в инвалидном кресле, совершенно одного. Телевизор был выключен, сиделка о чем-то по-русски трещала по телефону. Она явно не собиралась перерабатывать. Придется позвонить в агентство и попросить о замене.

Рот деда был в яичных крошках, я достал платок и аккуратно вытер ему губы. Наши глаза встретились, но его взгляд блуждал где-то очень далеко, за моей спиной. И вновь мне вспомнилось лето на озере. Дедушка часто развлекал нас, изображая похудевшего человека, номер назывался «До и после». Он вставал в профиль, надувал живот до невероятных размеров и выкрикивал: «До!» Потом втягивал живот, так что тот прилипал к ребрам, и вопил: «После!» Это

было очень смешно, отец хохотал до слез. У него был самый заразительный смех из всех когда-либо слышанных мною, как будто смеялось все тело. Раньше я тоже так хохотал. А после папиной смерти разучился. Мой смех умер вместе с ним, словно неприлично было смеяться отцовским смехом, когда его самого уже нет в живых.

Видимо, услышав мои шаги, сиделка бросила телефонную трубку и влетела в гостиную с угодливой улыбкой, которую я, однако, предпочел не заметить.

Дверь в подвал. Я все еще оттягивал неизбежное.

Пора.

— Останьтесь с ним, — приказал я сиделке.

Она кивнула и уселась рядом с дедом.

Во времена, когда возводился дом, никому и в голову не приходило обустраивать подвалы, и он являл собой жалкое зрелище. Ковер, некогда коричневый, отсырел и полинял. Фальшивые белые кирпичи, сделанные из какого-то синтетического сплава, были грубо прилеплены к битумным стенам. Некоторые отвалились совсем, другие еле держались. Все это напоминало полуразрушенные колонны Акрополя.

Посреди помещения возвышались остатки

стола для пинг-понга: зеленое сукно выцвело до салатового цвета, порванная сетка напоминала обломки баррикад после штурма, струйки воды стекали по разломанным ножкам.

На столе высилась груда покрытых плесенью картонных коробок, другие громоздились в углу. Там же, в ящиках от гардероба, хранилась старая одежда всех членов семьи. Всех, кроме Элизабет. Шона и Линда освободили меня от этой проблемы, за что я был им очень благодарен. Но в коробках остались принадлежащие жене мелочи. Я не смог ни выбросить их, ни раздать другим людям. Почему? Некоторые вещи как мечты, мы прячем их подальше и все-таки никогда не расстаемся ними до конца.

Я не знал точно, где хранится то, что ищу. Роясь в фотографиях, я снова отводил взгляд. С годами это вошло в привычку, хотя чем больше проходило лет, тем меньше ранили старые снимки. Глядя на позеленевшие кусочки бумаги, где мы с Элизабет стояли вдвоем, я не мог отделаться от мысли, будто вижу каких-то незнакомцев.

На редкость неприятное чувство.

Пальцы наткнулись на что-то мягкое, фланелевое и выдернули из коробки номер университетской теннисной команды. Когда-то он красовался

на форме Элизабет. С грустной улыбкой я припомнил загорелые ноги и длинную косу, скакавшую на спине в такт прыжкам ее обладательницы. На корте Элизабет была сама сосредоточенность. Именно так она добивалась успеха. У нее был хороший удар и неплохие подачи, но побеждала она благодаря своей невероятной собранности.

Я вернул номер на место и продолжил поиски. То, что я искал, оказалось на самом дне коробки.

Ежедневник.

Полицейские забирали его после похищения. Во всяком случае, так мне сказала Ребекка, которая помогала им в осмотре дома. Сыщики пытались найти хоть какую-то подсказку — собственно, как и я сейчас, — но, обнаружив тело, заклейменное буквой «К», успокоились и вернули ежедневник на место.

Я подумал, как все же четко указывают на Киллроя улики, и внезапно в мозгу сверкнула новая идея. Я взлетел наверх, в свою комнату, бросился к компьютеру и вышел в Сеть. Нашел сайт Нью-Йоркского департамента исправительных учреждений. Тонны информации, и среди них — необходимые мне адрес и телефон.

Телефон тюрьмы Бриггс, где сидит Киллрой.

Дозвонившись, я отстучал добавочный номер,

переждал еще три гудка и услышал наконец голос:

— Комендант Браун слушает.

Я сказал, что хочу получить свидание с Киллроем.

— А кто вы? — спросил комендант.

— Доктор Дэвид Бек. Моя жена, Элизабет Бек, была одной из жертв вашего заключенного.

— Понятно. — Браун заколебался. — Могу узнать цель визита?

— Нет.

Тишина на линии.

— Я имею право на свидание при условии, что Келлертон согласен.

— Разумеется. Только, видите ли, ваша просьба очень необычна.

— И тем не менее.

— Обычно это делают адвокаты…

— Мне не нужен адвокат, — прервал я коменданта. На сайте по правам жертв я вычитал, что могу сделать запрос лично. Если преступник согласен на встречу, мне не имеют права отказать. — Я желаю поговорить с Келлертоном. У вас ведь разрешены посещения?

— Да.

— Тогда, если Киллрой не откажет, я приеду

завтра. Не возражаете?

— Нет, сэр. Если он согласится, с нашей стороны препятствий не будет.

Я поблагодарил собеседника и повесил трубку. Черт возьми, я действовал! Это оказалось ужасно приятно.

Ежедневник ожидал на столе. И снова я оттягивал неизбежный момент. Как ни больно было просматривать фотографии или видеозаписи, летящий почерк Элизабет был гораздо хуже. Он казался чем-то еще более личным. Знакомо перечеркнутое «т», лишние петельки между буквами, слишком сильный наклон вправо…

Я разбирал записи около часа. Элизабет вела их скрупулезно, почти без сокращений. Меня поразило, как хорошо я знал свою жену. Никаких секретов, никаких неожиданностей. Единственная непонятная мне запись — за три недели до смерти. Заглавные буквы ПФ.

И телефонный номер без кода.

По сравнению с остальными, четкими и подробными, записями эта казалась какой-то шифровкой. Я не имел ни малейшего понятия, каким должен быть код, ведь номер записали восемь лет назад. С тех пор телефонные коды менялись не единожды.

Набрал 201. Ничего не вышло. А если 973? Ответила пожилая леди. Я наврал, что она выиграла подписку на «Нью-Йорк пост», и попросил назвать имя. Инициалы не совпадали. Что еще? 212 — код центра города. И вот тут мне повезло.

— Юридическая контора Питера Флэннери.

— Могу я поговорить с мистером Флэннери?

— Сожалею, он сейчас в суде, — привычной скороговоркой отбарабанила секретарша. На заднем плане слышались голоса.

— В таком случае запишите меня на консультацию.

— Вы по объявлению?

— Какому объявлению?

— У вас претензия к медицинскому учреждению?

— Да, — начал выкручиваться я. — Правда, я не видел объявления, обратиться к мистеру Флэннери мне посоветовал знакомый. Хочу подать в суд на больницу. Я поступил к ним всего-навсего со сломанной рукой. После лечения рука не двигается, меня мучают непрекращающиеся боли. В результате я потерял работу.

Девушка записала меня на завтра.

Я положил трубку и нахмурился. Что общего могла иметь Элизабет с юристом, специализиру-

ющимся по медицинским случаям?

Телефонный звонок заставил меня подпрыгнуть. Я тут же схватил трубку.

— Алло?

— Где ты? — спросила Шона.

— Дома.

— Немедленно приезжай.

15

Агент Карлсон посмотрел Хойту Паркеру прямо в глаза.

— Вы в курсе, что недавно на озере Шармэйн обнаружили два трупа?

Хойт кивнул.

Заверещал мобильный. Стоун извинился и вышел из комнаты.

— Официальная версия гибели вашей дочери, — продолжал Карлсон, — такова: со своим мужем Дэвидом Беком она посетила упомянутое озеро для совершения ежегодного ритуала. Супруги пошли купаться. Киллрой спрятался на берегу. Он оглушил доктора Бека, сбросил его в воду и похитил вашу дочь. Конец.

— И вы в нее не верите?

— Нет, Хойт. Могу я называть вас просто Хойт?

— Да.

— Нет, Хойт, мы в нее не верим.

— У вас есть другая версия?

— Да. Я считаю, что Дэвид Бек убил вашу дочь и свалил убийство на маньяка.

Хойт, двадцать восемь лет отслуживший в

нью-йоркской полиции, сумел «удержать лицо», но дальнейшие слова произнес сквозь зубы:

— Почему вы так думаете?

— Давайте с самого начала. Бек повез вашу дочь на упомянутое озеро, так?

— Так.

— Вы когда-нибудь там бывали?

— Неоднократно.

— Неужели?

— Да. Дело в том, что мы с Ким и родители Дэвида дружили семьями, и они частенько приглашали нас на озеро.

— Тогда вы знаете, какое это уединенное место.

— Припоминаю.

— Заброшенное шоссе, дорожный знак, который можно разглядеть, только если искать его специально. Вряд ли кто-то чужой забредет туда по ошибке.

— К чему вы клоните?

— Не странно ли, что Киллрой свернул к озеру?

Хойт воздел руки к потолку:

— А вам не кажется, что серийные убийцы вообще ведут себя несколько необычно?

— Совершенно верно. Однако вы не сможете от-

рицать, что до этого случая в поступках Киллроя прослеживалась определенная логика. Он похищал людей с оживленной улицы. Из машины. Один раз даже вломился в дом. А теперь подумайте сами: вот Келлертон увидел заброшенную дорогу. Откуда ему было знать, что за поворотом его поджидает готовая жертва? Я не говорю, будто это невозможно; я говорю: это странно.

— Продолжайте.

— Так вы не отрицаете, что в официальной версии полным-полно нестыковок?

— Нестыковки встречаются в любом расследовании.

— Разумеется. И все же давайте рассмотрим альтернативный вариант. Просто предположим, что доктор Бек хотел убить свою жену.

— Зачем?

— Причина проста: страховой полис на двести тысяч долларов.

— Дэвид не нуждался в деньгах.

— В деньгах нуждаются все, Хойт, и вы это знаете.

— Не нравится мне ваша теория.

— Помилуйте, мы пока ни на чем не настаиваем. Просто пытаемся разобраться. Дослушайте до конца, идет?

Хойт пожал плечами.

— Имеются доказательства, что доктор Бек бил свою жену.

— Какие доказательства? Несколько фотографий? Ким уже говорила вам, это была дорожная авария.

— Бросьте, Хойт. Посмотрите на выражение лица дочери. После автомобильной аварии выглядят не так.

«Не так», — мысленно согласился Хойт. Вслух он произнес:

— Откуда у вас эти снимки?

— Закончим с моей версией, и я отвечу, ладно? Итак, предположим, что ваш зять избивал свою жену и что ему необходимы были деньги.

— Только предположим.

— Следите за моей мыслью. Помните об официальной версии и всех перечисленных нестыковках? Сравните ее с таким сценарием: Бек привозит вашу дочь на уединенное озеро. Перед этим он нанимает двух головорезов, которые должны будут ее похитить. Доктор знает о Киллрое, информация есть в газетах, кроме того, по данному делу работает ваш брат. Кстати, Кен рассказывал об этом Беку?

— Продолжайте, — ушел от ответа Хойт.

— Головорезы увозят Элизабет и убивают ее. Конечно, первое подозрение, как всегда в таких случаях, падает на мужа. Но убийцы метят щеку своей жертвы буквой «К», указывая тем самым на Киллроя.

— Хочу напомнить, что Бека жестоко избили. И раны, поверьте, были настоящими.

— Конечно, а то как бы он вышел сухим из воды? «Всем привет, кто-то украл мою жену, а я жив и здоров»? Ему бы никто не поверил. А вот удар по голове — то, что нужно в таком случае.

— Дэвиду здорово досталось.

— Не забывайте, ваш зять имел дело с настоящими бандитами, они могли просто-напросто не рассчитать силу удара. Кстати, о его увечьях. Он утверждает, что чудесным образом выбрался из воды и набрал 911. Я дал нескольким врачам просмотреть медицинскую карту Бека, и все в один голос заявили: в его состоянии это было невозможно. Случай выходит за пределы медицинской логики.

Паркер не мог не согласиться. Он сам всегда удивлялся, как Дэвид смог выползти из озера и даже вызвать помощь.

— Что дальше? — спросил он.

— Имеются серьезные доказательства, что

вашу дочь убил не Киллрой, а два преступника, найденных на озере.

— Какие именно?

— Рядом с телами обнаружена бейсбольная бита со следами крови. Полный анализ ДНК займет некоторое время, но предварительный результат позволяет говорить о том, что это кровь доктора Бека.

Агент Стоун вернулся в комнату и плюхнулся на стул. Хойт в очередной раз проворчал:

— Продолжайте.

— Остальное очевидно. Бандиты выполнили свою работу: убили вашу дочь и свалили убийство на Киллроя. Потом захотели получить остаток обещанной платы, а может быть, решили слупить с Бека побольше. В любом случае, ваш зять решил избавиться от своих «друзей» и назначил им встречу в глухом лесу неподалеку от озера. Убийцы, видимо, считали, что имеют дело с хлипким интеллигентом, а возможно, доктор застал их врасплох. Как бы там ни было, он застрелил сообщников и закопал тела вместе с бейсбольной битой и другими указывающими на него уликами. Идеальное убийство! Ничто не связывает доктора Бека с преступлением. Взгляните правде в глаза: мы бы никогда не обнаружили трупы,

если бы не редкостное везение.

Хойт помотал головой:

— Всего лишь теория.

— Больше чем теория.

— Почему?

Карлсон посмотрел на Стоуна. Тот кивнул на свой мобильник:

— Только что я получил странное сообщение из тюрьмы Бриггс. Ваш зять звонил туда сегодня и требовал свидания с Киллроем.

Хойт не смог скрыть изумления.

— Черт побери, зачем?

— Догадайтесь сами, — ответил Стоун. — Картина такова: Бек узнает, что мы висим у него на хвосте, и тут же чувствует неодолимое желание увидеться с человеком, который якобы убил его жену.

— Странное совпадение, не так ли? — добавил Карлсон.

— Думаете, он хочет замести следы?

— Вы можете объяснить это по-другому?

Хойт откинулся назад и попытался привести мысли в порядок.

— Вы кое-что недоговариваете.

— Что же?

Отец Элизабет кивнул в сторону разложенных

на столе фотографий:

— Откуда они у вас?

— Можно сказать, от самой Элизабет.

Лицо Хойта посерело.

— Точнее, от ее псевдонима, некой Сары Гудхарт. Второе имя вашей дочери плюс название улицы.

— Ничего не понимаю!

— На месте преступления, — объяснил Карлсон, — мы обнаружили небольшой ключ. Он лежал в ботинке одного из найденных преступников, Мелвина Бартолы.

Карлсон передал Паркеру ключ. Тот уставился на него так, будто микроскопическая вещица хранила страшную тайну.

— Видите буквы ОЦБ?

Хойт кивнул.

— Объединенный центральный банк. Нам удалось вычислить, что этот ключик подходит к ячейке 174 отделения номер 1772 на Бродвее, зарегистрированной на имя Сары Гудхарт. Мы получили ордер на обыск и…

— Фотографии были там?

Карлсон и Стоун переглянулись. Они не собирались говорить Паркеру правду. Во всяком случае, до того, как будут сделаны тесты, и все же сейчас

дружно кивнули.

— Подумайте об этом, Хойт. Наверное, не зря ваша дочь держала фотографии в банковской ячейке. Более того, мы допросили доктора Бека, и он подтвердил, что никогда не видел снимков. Почему Элизабет скрывала их от своего собственного мужа? По-моему, причина очевидна.

— Вы говорили с Беком?

— Да.

— И что он сказал?

— Не много. Почти сразу же потребовал адвоката.

Карлсон подождал, а потом наклонился к Хойту:

— И не просто адвоката. Саму Эстер Кримштейн! Как вам кажется, сделает невиновный человек что-то подобное?

Хойт вцепился в стул, чтобы не сорваться.

— Вы не сможете ничего доказать!

— Пока нет. Только мы уверены в своей версии, а значит, половина битвы уже выиграна.

— Что вы собираетесь делать?

— Лишь одно, — улыбнулся Карлсон, — жать на него, пока он не сломается.

* * *

Ларри Гэндл перебрал в уме события дня. «Невесело», — пробормотал он себе под нос.

Во-первых, Бека допросило ФБР.

Во-вторых, доктор звонил фотографу по имени Ребекка Шейес и расспрашивал ее о давней автомобильной катастрофе. А потом даже навестил в студии.

В-третьих, связался с тюрьмой и потребовал свидания с Элроем Келлертоном.

В-четвертых, записался на консультацию к адвокату Питеру Флэннери.

Все это было совершенно непонятно и не сулило ничего хорошего.

Сидевший рядом Эрик Ву повесил трубку и сказал:

— Вам это не понравится.

— Что именно?

— Наш источник в ФБР сообщил, что Бек подозревается в убийстве жены.

Гэндл чуть не упал.

— Объясни толком.

— Пока это все, что знает наш источник. Ищейки каким-то образом связали находку на озере с Беком.

Полная несуразица.

— Дай-ка мне те сообщения, — сказал Гэндл.

Ву протянул ему листки. Пока Ларри размышлял над тем, кто послал эти шифровки, холодок в душе разрастался и креп. Факты складывались вместе, словно кусочки мозаики. Гэндл всегда удивлялся, как Бек смог выжить в ту ночь. Теперь у него зародилось новое подозрение.

Не выжил ли там и кое-кто еще?

— Сколько времени? — спросил Гэндл.

— Половина седьмого.

— Бек еще не подключался к этому… как его там… адресу?

— Бэт Стрит. Нет, не подключался.

— А о Ребекке Шейес есть что-нибудь новенькое?

— Ничего. Близкая подруга Элизабет Паркер, снимали вместе квартиру, пока Паркер не вышла замуж за Бека. Я проверил старые телефонные счета. Бек не звонил ей много лет.

— Тогда почему позвонил сейчас?

Эрик пожал плечами.

— Может быть, мисс Шейес что-то знает?

Гриффин Скоуп был предельно категоричен: узнай все, что возможно, и похорони то, что узнаешь. А также используй Ву.

— Давай-ка поболтаем с ней, — сказал Гэндл.

16

Шона встретила меня на первом этаже небоскреба под номером 462 по Парк-авеню на Манхэттене и потащила за собой, даже не поздоровавшись.

— Пойдем скорей, я тебе кое-что покажу.

Два часа до сообщения. Шона буквально втолкнула меня в лифт и нажала кнопку двадцать третьего этажа. Замигали лампочки, пискнул сигнал отправления.

— Эстер навела меня на мысль, — сообщила Шона.

— На какую мысль?

— Она сказала, что сыщики уперлись и сделают все возможное, чтобы прижать тебя.

— И что из этого?

Лифт остановился.

— Сейчас увидишь.

Дверь скользнула в сторону, открыв выход в разделенный бесчисленными перегородками зал. Сейчас в таких помещениях располагается большинство офисов. Сними крышу, посмотри сверху — и ты не найдешь никакого отличия

между этажом высотного здания и крысиной норой с ее многочисленными лабиринтами. Да и изнутри то же впечатление.

Шона уверенно лавировала между перегородками, я болтался у нее в кильватере. Мы повернули налево, затем направо и опять налево.

— Может, пора бросать хлебные крошки? — поинтересовался я.

— Неплохо бы, — серьезно ответила Шона.

— Тогда я к твоим услугам.

Она даже не улыбнулась.

— Ты хоть скажешь, где мы?

— Фирма называется «Диджиком». Наше модельное агентство сотрудничает с ними время от времени.

— И чем они занимаются?

— Сейчас увидишь, — сказала Шона.

Мы свернули в последний раз и очутились в захламленном помещении, где хозяйничал молодой человек с длинными волосами и гибкими пальцами пианиста.

— Это Фаррелл Линч. Фаррелл, это Дэвид Бек.

Я пожал гибкую кисть «пианиста». Фаррелл промямлил:

— Привет.

— Ну-ка, — сказала Шона, — покажи ему.

Линч крутнулся на стуле и застучал по клавиатуре компьютера. Мы с Шоной встали у него за спиной.

— Готово.

— Включай.

Линч нажал какую-то кнопку. Экран почернел, затем на нем появился Хэмфри Богарт, в плаще и шляпе. Я сразу узнал сцену из «Касабланки».[12] Туман, самолет на заднем плане. Финал.

Я вопросительно поглядел на Шону.

— Погоди, — сказала она.

Камера сфокусировалась на Богарте; он как раз говорил Ингрид Бергман, что она летит на этом самолете с Ласло и что проблемы трех маленьких людей не имеют никакой ценности в нашем мире. Затем камера переехала на Ингрид Бергман, и…

…Ингрид Бергман там не было.

Я моргнул. На экране в шляпе с вуалью, глядя на Богарта сквозь туман, стояла Шона.

— Я не могу поехать с тобой, Рик, — драматически произнесла она. — Потому что я безумно люблю Аву Гарднер.

---

[12] Примечания: 12

«Касабланка» — фильм, считающийся одним из лучших в истории мирового кино. Премьера состоялась в 1942 году; в главных ролях снялись Хэмфри Богарт и Ингрид Бергман.

Я повернулся к настоящей Шоне. Видимо, вопрос был написан у меня на лице, поскольку она молча кивнула. Но все же я решился произнести его вслух:

— Ты думаешь… — Я замялся. — Думаешь, меня пытаются одурачить с помощью фальшивой фотографии? Подделки?

— Цифровой фотографии, — поправил Фаррелл. — Это гораздо легче. Компьютерные снимки — это не пленки. Это просто файлы, которые работают почти как обычный текстовый документ. Вы же знаете, насколько легко заменить в документе какое-нибудь слово.

Я кивнул.

— А для того, кто хоть чуть-чуть умеет работать с цифровыми фото, так же легко изменить внешность. Строго говоря, видеопоток — это даже и не фото. Это определенное количество пикселей, которыми можно манипулировать, как твоей душе угодно. Вырезал, прилепил, отретушировал — готово.

— Однако Элизабет стала выглядеть гораздо старше, — упорствовал я. — Не так, как раньше.

— Фаррелл? — сказала Шона.

Линч нажал какую-то кнопку. Богарт вернулся. Когда он снова обратился к Шоне — Ингрид Берг-

ман, та выглядела лет на семьдесят.

— Программа постепенного взросления, — объяснил Фаррелл. — Обычно используется при розыске пропавших детей, продается в любом магазине. И точно так же можно изменить любую часть облика Шоны — прическу, цвет глаз, форму носа. Сделать губы тоньше или пухлее, нанести куда угодно татуировку.

— Спасибо, Фаррелл, — сказал Шона, поглядев на него так выразительно, что понял бы даже слепой.

Линч слепым не был. Поэтому, извинившись, он встал и отошел на достаточное расстояние.

— Я вспомнила свою недавнюю фотосессию, — объяснила Шона. — Один из снимков вышел прекрасно, заказчику страшно понравилось, да вот беда — я потеряла сережку. Мы принесли отснятые материалы сюда, Фаррелл нажал пару кнопок, и — вуаля! — сережка на месте!

Я потряс головой.

— Понимаешь, Бек, ФБР считает, что ты убил Элизабет, хотя и не может этого доказать. Эстер говорит, что они пойдут на все, лишь бы упечь тебя за решетку. Вот я и подумала: а что, если это они посылают сообщения, чтобы вывести тебя из равновесия?

— А час поцелуя…

— Ну и что?

— Как они могли о нем узнать?

— Я знаю о нем. Линда знает о нем. Держу пари, знает Ребекка и, вероятно, родители Элизабет. Кто угодно мог проболтаться.

У меня в глазах закипели слезы. Стараясь говорить так, чтобы голос не дрожал, я спросил:

— Итак, ты считаешь, что все это — розыгрыш?

— Не знаю, Бек. Правда, не знаю. Давай рассуждать здраво. Если Элизабет жива, то где она пропадала все эти восемь лет? Почему восстала из могилы именно сейчас, когда ФБР обвиняет тебя в ее гибели? И в конце концов, неужели ты и вправду веришь в возвращение с того света? Да, ты хотел бы, чтобы она ожила. Черт, я сама бы этого хотела! Но если мыслить объективно: чья версия более правдоподобна, твоя или моя?

Я шагнул назад и упал в кресло. Сердце колотилось, надежда таяла так же стремительно, как и появилась.

Розыгрыш. Неужели все случившееся — лишь злой розыгрыш?

17

Обосновавшись в студии Ребекки Шейес, Ларри Гэндл достал мобильный телефон и позвонил жене:

— Буду поздно.

— Не забудь принять лекарство, — напомнила Пэтти.

Гэндл страдал легкой формой диабета, заставлявшей его соблюдать диету и пить таблетки. Разумеется, никакого инсулина.

— Приму.

Эрик Ву, нацепив свои неизменные наушники, аккуратно расстилал около двери виниловую пленку.

Гэндл попрощался с женой и натянул пару латексных перчаток. Обыск обещал быть долгим и тщательным. Как и большинство фотографов, Шейес хранила тонны негативов. Четыре металлических шкафа, полные пленок. Успев изучить расписание Ребекки, взломщики знали, что она заканчивает съемку в другом месте и вернется в студию примерно через час. Времени в обрез.

— Знаете, чего нам не хватает? — хмыкнул Ву.

— Чего?

— Хотя бы намека на то, что мы ищем.

— Бек получает зашифрованное сообщение. Его реакция? Впервые за восемь лет он мчится навестить подружку жены. Мы просто обязаны выяснить, в чем тут дело.

Ву посмотрел сквозь Гэндла и спросил:

— А почему бы просто не дождаться ее и не спросить?

— Мы и это успеем, Эрик.

Ву кивнул и отвернулся.

Гэндл заметил в фотолаборатории длинный металлический стол. Подошел, пощупал. Крепкий, и размер подходящий, как раз, чтобы положить кого-нибудь в полный рост и привязать к ножкам руки и ноги.

— Много у нас скотча?

— Хватает, — ответил Ву.

— Сделай мне одолжение, перестели пленку вот сюда, под стол.

* * *

Полтора часа до сообщения.

Возможности компьютера, продемонстрированные Линчем, буквально оглушили меня. Словно я рухнул в нокауте и не встал даже при

счете «десять». Но странное дело, прошло не так уж много времени, как я оторвал задницу от пола и снова запрыгал по рингу.

Мы ехали ко мне в моей машине. На этом настояла Шона, лимузин должен был забрать ее через несколько часов. Похоже, она не столько переживала за меня, сколько не хотела возвращаться домой.

— Что-то не стыкуется, — сказал я.

Шона повернулась в мою сторону.

— ФБР считает, что я убил Элизабет, так?

— Так.

— Тогда зачем они шлют сообщения якобы от ее имени?

Шона медлила с ответом.

— Подумай сама, допустим, перед нами хитрый трюк, чтобы заставить меня признаться. Ведь если бы я убил Элизабет, то тут же бы сообразил — это липа!

— Психологическая атака, — предположила Шона.

— Бессмысленно. Если хочешь потрепать мне нервы, лучше пришли письмо от имени… я не знаю… скажем, свидетеля моего преступления.

Шона задумалась.

— Я полагаю, они просто пытаются сбить тебя

с толку, Бек.

— И все-таки это нелогично.

— Возможно. Сколько осталось до следующего сообщения?

Я взглянул на часы:

— Двадцать минут.

Шона откинулась на спинку сиденья.

— Поглядим, что там.

* * *

Эрик Ву подключил ноутбук в углу фотостудии.

Сперва он проверил рабочий компьютер Бека. Выключен. И неудивительно: на часах начало девятого, клиника давно закрыта. Ву подсоединился к домашнему компьютеру. Несколько секунд все было спокойно. Затем…

— Бек только что подключился к Сети.

Гэндл подскочил к Эрику.

— А мы не сможем увидеть сообщение раньше его?

— Было бы неплохо, но…

— Что?

— Если мы войдем по его паролю, а он потом попытается сделать то же самое, его предупредят, что кто-то с этим именем уже находится в сайте.

— И доктор поймет, что за ним слежка?

— Да. С другой стороны, зачем торопиться? Мы и так увидим то же, что и Бек.

— Прекрасно, позови меня, когда будет что-нибудь.

Ву кивнул на экран:

— Он вышел на сайт «Bigfoot». Сообщение может появиться в любую секунду.

* * *

Я ввел в компьютер адрес сайта «Bigfoot.com» и почувствовал, как затряслась правая нога. Всегда так происходит, когда я нервничаю. На колено мне тут же легла ладонь Шоны. Дрожь прекратилась. Ладонь соскользнула. Колено подождало несколько секунд и задрожало опять. Ладонь вернулась. Это повторилось еще несколько раз.

Шона делала вид, будто все в порядке, хотя изредка я ловил ее настороженные взгляды. Моя лучшая подруга. Она будет за меня до конца, каким бы он ни был. Правда, в таких обстоятельствах только идиот не заподозрил бы, что моя крыша медленно сползает вниз. Еще в клинике, увидев на экране Элизабет, я вспомнил, что безумие, как уровень интеллекта или склонность к сердечным болезням, переходит из поколения

в поколение. Воспоминание не сказать чтобы приятное.

Мой отец погиб в автокатастрофе, когда мне исполнилось двадцать. Перевернулся в машине на насыпи. Согласно показаниям очевидца — водителя грузовика из Вайоминга, — отцовский «бьюик» просто-напросто сполз с шоссе. В ту ночь подморозило и очищенная от снега дорога была скользкой.

Кое-кто подозревал — неофициально, разумеется, — что отец совершил самоубийство. Я в это не верил. Да, в последние месяцы жизни он был задумчив и чем-то озабочен. Возможно, подобная рассеянность даже сыграла свою роль в аварии. Но самоубийство? Ни за что не поверю.

Мама, и ранее склонная к неврозам, после катастрофы окончательно сошла с ума. Она в буквальном смысле погрузилась в себя. Линда ухаживала за ней в течение трех лет, пока в конце концов не сдалась и не признала, что матери необходима профессиональная помощь. Сестра часто навещала ее в больнице. Я — нет.

Наконец на экране появилась главная страница сайта. Я нашел нужное поле и напечатал: «Бэт Стрит». Передвинул курсор и набил в другом окошке пароль: «Тинейджер».

Ничего не изменилось.

— Ты забыл нажать клавишу «Вход», — подсказала Шона.

Хорошо, нажму.

Экран побелел, затем на нем появилась реклама компакт-дисков. Внизу медленно поползла, увеличиваясь, полоска загрузки. Когда загрузилось около восьмидесяти процентов, реклама исчезла, сменившись надписью:

«Ошибка. Использованные вами имя пользователя и пароль не значатся в нашей базе данных».

— Попробуй еще, — посоветовала Шона.

Я послушался. Ответом мне была все та же надпись.

Что же это такое?

Я проверил время: 20.13.34.

Час поцелуя.

А вдруг это и есть ответ? Вдруг ящик еще не существует, как не существовала до поры до времени вчерашняя ссылка? Нет, что-то не верится.

— Может быть, стоит подождать до пятнадцати минут девятого? — будто читая мои мысли, спросила Шона.

Что ж, я подождал и повторил попытку в восемь пятнадцать. И в восемь семнадцать. И в восемь двадцать.

Ошибка.

— А если фэбээровцы выдернули вилку из розетки? — сказала Шона.

Я мотнул головой, не желая сдаваться.

Нога опять затряслась. Одной рукой Шона прижала мое колено, а другой схватила запищавший вдруг мобильный и зарычала на собеседника. Я проверил время. Попробовал войти еще раз. Не вышло. И еще. Снова не вышло.

Уже половина девятого.

— Она могла опоздать, — неуверенно предположила Шона.

Я нахмурился.

— Ты же вчера не понял, где находится Элизабет, так?

— Так.

— А вдруг она в другом часовом поясе и перепутала время?

— В другом часовом поясе?

Я еще сильнее нахмурился, Шона пожала плечами.

Мы просидели у компьютера больше часа, и, к чести Шоны, она ни разу не произнесла ничего вроде: «Я же говорила!» Даже наоборот — неожиданно хлопнув меня по спине, воскликнула:

— Идея!

Я повернулся.

— Подожду-ка я в другой комнате, вдруг поможет?

— В смысле?

— Знаешь, как в кино: только я окончательно уверюсь в твоей ненормальности и вылечу на улицу — бац! — приходит сообщение, ты читаешь его в одиночестве, и никто тебе не верит. Есть такой мультфильм про Скуби-Ду — там только он и Шэгги видят привидение, а остальные считают их чокнутыми.

Я взвесил ее слова и согласился попробовать.

— Чудесно. Я пошла на кухню. Как только выскочит сообщение, кричи.

Она поднялась.

— Ты просто пытаешься меня развеселить, — мрачно сказал я.

— Наверное, — подумав, согласилась Шона и вышла.

Я повернулся и вновь уставился на экран.

18

— Пока ничего, — сообщил Эрик Ву. — Бек пытается войти и получает предупреждение об ошибке.

Гэндл открыл было рот, но, услышав шум подъезжающего лифта, промолчал и взглянул на часы.

Ребекка Шейес вернулась точно по расписанию.

Ву отвернулся от компьютера и посмотрел на Гэндла своими змеиными глазами. Гэндл достал пистолет, на этот раз девятимиллиметрового калибра. Ву метнулся к двери и выключил свет.

Оба замерли в темноте.

Секунд через двадцать лифт остановился.

* * *

Ребекка почти не вспоминала Элизабет и Дэвида, как-никак восемь лет прошло. И все же утренний разговор всколыхнул забытые подозрения. Неприятные, надо сказать, подозрения.

Бек наконец-то спросил про «автокатастрофу».

Восемь лет назад она не смогла рассказать ему

правду, ведь он не отвечал на звонки. А потом арестовали Киллроя, и ее рассказ уже не казался столь необходимым — зачем ворошить прошлое и лишний раз травмировать Бека? Ведь преступник уже в тюрьме.

Однако неприятное чувство — чувство, что синяки Элизабет каким-то образом стали прелюдией к ее гибели, — крепло, несмотря на отсутствие доказательств. Более того, Ребекке начало казаться, что, если бы она тогда настояла на выяснении истинных обстоятельств «автомобильной аварии», ей бы удалось спасти подругу.

Впрочем, годы шли, прошлое отступало, душевные раны затягивались. Да, Элизабет была ее лучшим другом, но даже смерть друга можно пережить. А три года назад в жизнь Ребекки ворвался Гари Лэмонт и изменил абсолютно все. Да-да, Ребекка Шейес, богемный фотограф из Гринвич-Виллидж, влюбилась в биржевую акулу с Уолл-стрит, они поженились и переехали в фешенебельную квартиру в Уэст-Сайде.

Странные шутки играет жизнь.

Ребекка вошла в грузовой лифт и закрыла дверь. Лампочка не горела, что, впрочем, случалось довольно часто. Лифт тяжело, с рычанием, поехал наверх. Пахло сеном и лошадьми. Иногда

в ночи до Ребекки доносилось ржание, однако сегодня было тихо.

Ей нравилось бывать здесь вечерами, сочетание одиночества и ночных звуков большого города приносило Ребекке вдохновение.

Мысли скользнули в сторону, вспомнился вчерашний разговор с Гари. Он хотел оставить Нью-Йорк и перебраться в просторный особняк на Лонг-Айленде, где родился и вырос. Сама идея переезда в пригород пугала Ребекку: ей не хотелось окончательно терять богемную свободу и превращаться в копию своих мамы и бабушки.

Лифт остановился, Ребекка открыла дверь и вышла. И здесь темно. Она откинула волосы, собрала их в хвост на затылке и взглянула на часы. Почти девять. В это время здание окончательно пустеет, остаются лишь она и лошади.

Туфли процокали по цементному полу. На самом деле — и Ребекка боялась признаться в этом даже себе самой: она ведь богемная дама и всякое такое — чем больше она думала о переезде, тем яснее понимала, что хочет детей, а растить их в городе нежелательно. Детям нужен двор, чтобы играть, и качели, и свежий воздух, и…

К тому моменту, как Ребекка вставила ключ в замочную скважину, она приняла решение,

которое, несомненно, заставит содрогнуться ее делового мужа Гари. Войдя, она включила свет…

…и увидела неизвестно откуда взявшегося человека с восточной внешностью и странной, квадратной фигурой.

Ребекка застыла под леденящим взглядом азиата. А он подошел поближе и врезал кулаком ей по спине.

Будто кувалдой по почкам.

Ребекка упала на колени, человек взял ее шею двумя пальцами и сжал, казалось, совсем чуть-чуть. Перед глазами вспыхнули яркие искры. Пальцы второй руки азиат запустил глубоко под ребра. Какая боль! Глаза полезли на лоб, Ребекка попыталась закричать, да только с губ слетел лишь придушенный стон.

— Где Элизабет? — донесся голос с другого конца комнаты.

В первый раз.

Но далеко не в последний.

19

Я жадно отхлебнул из стакана и со злостью уставился на экран. В течение последнего часа я пытался войти на сайт десятком различных способов. Перезагружал страницы, чистил память, даже менял провайдера.

Ответом мне была все та же надпись об ошибке.

В десять часов в комнату вернулась Шона. Она явно не теряла времени даром: щеки раскраснелись от выпитого, впрочем, как и мои.

— Ну что?

— Поезжай-ка домой.

— Поеду, пожалуй, — кивнула Шона.

Лимузин прибыл через пять минут. Мы вышли из дома и побрели по тротуару, спотыкаясь и пошатываясь.

Открыв дверцу машины, Шона вдруг повернулась ко мне и спросила:

— Ты когда-нибудь гулял налево? Я имею в виду, уже после свадьбы?

— Нет, — ответил я.

Шона укоризненно покачала головой:

— Ничего ты не понимаешь в семейной жизни.

Я чмокнул ее на прощание и вернулся домой: пялиться на экран, где не появлялось ничего нового.

Подошла Хлоя, ткнулась мне в руку прохладным носом. Сквозь спутанную шерсть собака понимающе смотрела на меня. Я далек от того, чтобы приписывать животным человеческие чувства (тем более что такое очеловечивание — награда сомнительная), и все же уверен: домашние питомцы очень точно угадывают настроение «братьев своих больших». Говорят, собаки чуют страх. Почему бы им в таком случае не чуять радость, злобу или горе?

Я улыбнулся Хлое и потрепал ее мохнатые уши. Она тут же положила лапу мне на колено.

— Гулять хочешь?

Хлоя лохматым ураганом заметалась по комнате. Славные создания эти собаки.

Ночной воздух обжег легкие. Я пытался думать только о Хлое — как она бежит впереди, помахивая хвостом, — и не мог. Меня словно растерзали, распяли. Я не часто употребляю высокие слова, но на этот раз другие просто не шли в голову.

Я не то чтобы не поверил в версию Шоны с циф-

ровыми фокусами. Наверное, это действительно возможно: изменить фотографии, состряпать из них нечто вроде коротенького видеофильма. И даже заставить губы двигаться. Про час поцелуя тоже могли узнать посторонние. А тоска по Элизабет помогла мне поверить в реальность записи.

А главное, в этой версии гораздо больше здравого смысла, чем в явлении с того света.

И все же что-то мешало уверовать в нее до конца. Во-первых, меня не так-то просто надуть, я не мечтатель и не романтик, я на редкость скучный и приземленный доктор. А во-вторых, тоска, конечно, могла сыграть свою роль, да и компьютерная фотография творит чудеса, но глаза…

Ее глаза. Глаза Элизабет. Не может быть, чтобы их просто перенесли в компьютер со старых фотографий. Это глаза моей жены. Конечно, я не был уверен на все сто, я не дурак, однако идея Шоны тоже объясняла далеко не все. Видимо, сообщения были все-таки от Элизабет. Правда, теперь я все равно не знаю, что делать… Может, еще выпить?

Хлоя усердно что-то вынюхивала. Я терпеливо ждал, стоя под фонарем и глядя на свою удлинившуюся тень.

Час поцелуя.

Невдалеке кто-то зашуршал. Хлоя залаяла, из кустов выскочила и помчалась через дорогу белка, собака рванулась за ней. Внезапно зверек развернулся и бросился нам навстречу. Хлоя тут же сделала вид, что, если б не короткий поводок, она бы белке показала! На самом деле не стала бы, конечно. Она добропорядочная леди, наша Хлоя.

Час поцелуя.

Я наклонил голову, прямо как Хлоя, когда она чего-нибудь не понимает. Кто-то приложил немало усилий, чтобы присланные мне сообщения остались тайной для других. В первом упоминался «час поцелуя», во втором — имя и пароль.

Они следят.

Кто-то явно опасался чужих глаз.

Час поцелуя.

Если кто-то… Хорошо, если Элизабет хотела дать о себе знать, почему не прислала обычное сообщение? Зачем заставлять меня распутывать головоломки? Я казался себе цирковой собачкой, которая никак не может проскочить через обруч.

Ответ очевиден: секретность. Кто-то — не могу я говорить «Элизабет» — хочет сохранить все в строжайшей тайне.

Теперь: если мой «кто-то» что-то прячет, зна-

чит, есть от кого прятать. От кого-то, кто пытается все разузнать, разнюхать, разведать. Или же мой отправитель просто параноик…

Они следят…

Кто следит? За кем следит? ФБР? Тогда они никак не могут быть авторами этих писем. Зачем им предупреждать меня о своей собственной слежке?

Час поцелуя…

Я похолодел. Хлоя насторожилась.

Господи, как же я мог быть таким тупым?

* * *

Скотч не понадобился.

Ребекка Шейес лежала на столе и вздрагивала, будто издыхающая собака на обочине дороги. Время от времени с ее губ слетали бессвязные слова. Она уже не плакала и не молила о пощаде. Рассудок помутился, зрачки расширились и ничего больше не видели.

Удивительно, как это Ву не оставил на теле женщины ни одного следа. Ни единого. Только выглядела она теперь лет на двадцать старше.

Ребекка ничего не знала. Бек спрашивал ее о давней аварии, которая вовсе не была аварией. Еще говорил о каких-то фотографиях, которые

она якобы сделала. А она и не делала.

Холодок, возникший в душе Ларри Гэндла после находки на озере, продолжал расти. Что-то они прохлопали в ту ночь. Гэндл с ужасом спрашивал себя, что именно.

Да, надо выяснить как можно скорее.

Он связался со своими людьми и узнал, что Бек вывел собаку на прогулку. Один. Прекрасно. Если верить последней информации Эрика, ФБР ухватится за отсутствие алиби и Бек ничего не сможет доказать.

Ларри подошел к столу. Ребекка взглянула на него и издала нечто среднее между поскуливанием и истерическим смехом, звук абсолютно нечеловеческий.

Гэндл прижал пистолет к ее лбу, звук повторился. Он выстрелил дважды, и мир погрузился в тишину.

* * *

Я бросился к дому и остановился, вспомнив предупреждение:

Они следят.

Почему бы не пойти в «Кинко»?[13] Эта контора открыта двадцать четыре часа в сутки, и, добравшись туда, я понял почему. Полночь, а народу битком. В основном усталые бизнесмены с бумагами и пленками.

Я встал в причудливо изогнутую очередь, похожую на те, что собирались в банках до появления банкоматов. Передо мной стояла женщина в деловом костюме — это в полночь-то! — и с такими усталыми глазами, будто она не спала по крайней мере неделю. За мной — кудрявый мужчина в спортивной куртке. Не теряя времени даром, он терзал сотовый телефон.

— Сэр?

Рядом вырос работник «Кинко».

— Мы не можем пустить вас с собакой.

Я чуть не ответил, что они нас уже пустили, но сдержался. Дама в костюме даже не обернулась. Кудрявый сочувственно пожал плечами. Я выскочил наружу, привязал Хлою к одному из парковочных столбиков и вернулся. Кудрявый безропотно пустил меня на прежнее место. Вежливый.

---

[13] Примечания: 13

«Кинко» — глобальная сеть копировальных центров (около 1200 центров в 10 странах). Компания предоставляет услуги в области деловой и полноцветной печати, проведения видеоконференций.

Через десять минут подошла моя очередь. Молодой и чересчур восторженный менеджер проводил меня к терминалу и долго объяснял все тонкости поминутного тарифа.

Я кивал, делая вид, что слушаю, и не мог дождаться, когда же он отойдет.

Час поцелуя.

Вот где ключ к разгадке. В первом сообщении говорилось о «часе поцелуя», не о шести пятнадцати вечера. Почему? А потому, что это был шифр, на тот случай, если неведомые мне соглядатаи перехватят письмо. Кто бы ни послал его, он знал, что такая угроза существует. Кто бы это ни был, он знал, что о «часе поцелуя» известно только мне.

И здесь то же самое.

Во-первых, имя пользователя: Бэт Стрит. В детстве по дороге на бейсбольное поле мы часто проносились на велосипедах по Мовуд-стрит. Там, в облезлом желтом доме, жила одна вредная старуха. Она любила тишину и одиночество, а потому страшно ругалась, когда мы со звоном летели мимо. Наверное, в каждом городе есть такие мымры, и везде дети придумывают им клички. Нашу, к примеру, мы прозвали Бэтледи.

Я снова вошел в «Bigfoot» и набил в окошке:

«Мовуд».

Справа молодой восторженный менеджер повторял привычную скороговорку моему кудрявому соседу. Я переместил курсор в окошко пароля.

С этим было легче. Как-то в старших классах школы Джордан Голдман шепнул нам по секрету, что нашел отцовские кассеты с порнушкой. Мы всей гурьбой завалились к Джордану в пятницу вечером. Никто из нас не видел ничего подобного раньше. Неловко хихикая, мы комментировали происходящее и казались себе жутко крутыми. Позже, когда нам надо было придумать имя нашей футбольной команде, Джордан предложил взять название одного из дурацких фильмов.

«Тинейджеры-секспудели».

Я напечатал пароль: «Секспудели».

Нажал на клавишу «Вход» и опасливо оглянулся на соседа, но тот, казалось, целиком погрузился в работу с поисковиком «Yahoo!». Напротив меня дама в костюме нетерпеливо слушала слишком бодрого для глубокой ночи работника «Кинко».

Я ждал предупреждения об ошибке. Вместо этого экран поприветствовал меня надписью:

Привет, Мовуд!

А пониже:

В вашем почтовом ящике одно сообщение.

Сердце забилось, как пойманная птица.

Я нажал клавишу «Показать сообщение» и почувствовал, как нога опять заплясала. И нет Шоны, чтоб ее остановить. За окном тосковала Хлоя; поймав мой взгляд, она залаяла. Я прижал палец к губам, приказывая псине замолчать.

Наконец-то сообщение!

Парк Вашингтон-сквер, юго-восточная часть.

Завтра в пять часов.

Остерегайся слежки.

А внизу:

Что бы ни случилось, я люблю тебя.

Надежда, которая, как известно, умирает последней, яростно вырвалась на свободу. Я откинулся на спинку стула. Глаза наполнились слезами, но я улыбался, впервые за много дней.

Моя Элизабет! Она по-прежнему умнее всех.

20

В два часа ночи я упал наконец в постель и растянулся на спине. Потолок надо мной заходил ходуном, намекая на излишек выпитого. Пришлось схватиться руками за края кровати, чтобы справиться с качкой.

Шона спросила, не погуливал ли я. И добавила: «После свадьбы», потому что мою досвадебную жизнь знала назубок. Включая тот случай.

Тот самый, когда я однажды изменил Элизабет, хотя не уверен, подходит ли сюда это слово. Такое понятие, как измена, предполагает, что твоя половина обижена, а в моем случае, я уверен, Элизабет не пострадала. Вышло так, что в первые дни учебы в колледже я принял участие в своего рода посвящении в студенты, известном как «оргия первокурсников». Из чистого любопытства, разумеется, просто захотелось попробовать. Не понравилось. Обойдусь без банальностей типа «секс без любви неприятен». Приятен. Но чем легче переспать с тем, кого ты по-настоящему не любишь, тем тяжелее остаться с ним потом. Страсть неразборчива, а вот когда… как бы ска-

зать… когда разрядка позади, очень хочется сбежать куда подальше. Секс может быть с любой, наслаждение — только с любимой.

Неплохо завернул, правда?

Кстати, Элизабет тоже могла выкинуть что-нибудь в этом роде. Отправляясь в колледж, мы договорились, что имеем право встречаться с другими, не уточнив, что именно значит глагол «встречаться», и оставив себе таким образом лазейку для маленьких экспериментов. Позже, в разговорах, она клялась, что ничего подобного не было. Так ведь и я утверждал то же самое…

Кровать все штормило, а я лежал и размышлял, что делать дальше.

С одной стороны, можно просто дождаться пяти часов завтрашнего дня. Хотя снова сидеть и ждать… Я был сыт по горло ничегонеделанием. На самом деле, пусть мне трудно было признаться в этом даже себе самому, там, на озере, я растерялся. Струсил. Вылез из воды и встал как столб, позволив похитителям оглушить себя. И даже после первого удара можно было ответить, на худой конец уклониться от второго. Броситься на обидчика или просто замахать кулаками. А я упал. Сдался и не сумел отбить у захватчика свою женщину.

Больше это не повторится.

Что, если снова поговорить с Хойтом? Боюсь, он был не слишком откровенен во время нашей последней беседы. С другой стороны, что это даст? Хойт или врет, или… или не знаю что. Однако в сообщении было четко сказано: «Не говори никому». Единственный шанс вызвать тестя на откровенность — рассказать, кого я увидел на экране. А к этому я еще не готов.

Я встал с кровати, снова включил компьютер и бродил в Сети до самого утра. К рассвету у меня созрело что-то вроде плана.

* * *

Гари Лэмонт, муж Ребекки, заволновался не сразу. Жена часто работала допоздна и иногда проводила остаток ночи на кушетке в углу студии. Поэтому в четыре часа утра он был озабочен, но не напуган.

Или пытался себя в этом убедить.

Гари позвонил в студию и нарвался на автоответчик. И такое случалось. Ребекка ненавидела, когда ей мешали работать. В фотолаборатории даже не было телефона. Гари оставил сообщение и вернулся в постель.

Он то задремывал, то просыпался. Пытался

отвлечься, хотя все мысли были только о Ребекке. Жена была вольной птицей, и если что и омрачало их нежные отношения, так это его склонность к «мещанскому образу жизни, подрезающему ей крылья». Ее слова.

Гари сдался и дал Ребекке свободу. Не трогал крылья или что там у нее.

К семи часам озабоченность сменилась паникой. Гари поднял с постели Артуро Рамиреса, тощего черноволосого ассистента Ребекки.

— Я только лег, — заныл Артуро, но Гари объяснил ситуацию, и ассистент, который спал не раздеваясь, вскочил и ринулся к двери. Они договорились встретиться в студии.

Артуро добрался туда первым и нашел студию незапертой.

— Ребекка?

Никто не ответил. Артуро позвал еще раз. Безрезультатно. Он вошел и принялся осматривать помещение. Никого. Он отворил дверь в лабораторию. Привычный острый запах проявителя мешался с чем-то новым, незнакомым и почему-то пугающим. Чем-то очень человеческим. Артуро почувствовал, как волосы поднимаются дыбом.

Выходящий из лифта Гари услышал его дикий

крик.

21

Утром я наскоро сжевал бублик и выехал в западном направлении, по Восьмидесятой автостраде. Путь занял три четверти часа. Восьмидесятая автострада в Нью-Джерси ничем особым не радует. Стоит миновать Сэддл-Брук, и дома как будто испаряются. Ты едешь между двумя рядами деревьев, пейзаж оживляют лишь дорожные знаки.

Повернув в сторону городка под названием Гарденс-вилл, я сбросил скорость и с замиранием сердца вгляделся в высокую траву на обочинах. Я никогда здесь не был — последние восемь лет избегал даже упоминания об этом пятачке земли, — но знал: именно тут, недалеко от шоссе, нашли когда-то тело Элизабет.

Проехав по маршруту, намеченному ночью, я отыскал офис коронера округа Сассекс. Здание оказалось мрачным кирпичным кубом без какой-либо вывески (хотя, с другой стороны, чего еще можно ожидать от морга?). Было около половины девятого, рабочий день пока не начался. Прекрасно.

Ярко-желтый «кадиллак-севилья» припарковался у надписи «Тимоти Харпер, медэксперт округа». Сперва из машины вылетел окурок — удивительно, сколько медэкспертов курят, — а потом вылез сам Тимоти Харпер, примерно моего роста (чуть ниже ста восьмидесяти), с оливковой кожей и курчавой седой шевелюрой. Увидев меня у дверей, он тут же принял скорбный вид. И верно, не за хорошими вестями приходят люди к моргу ранним утром.

— Чем могу быть полезен? — спросил, подходя, Харпер.

— Доктор Харпер?

— Совершенно верно.

— Я — доктор Дэвид Бек. — Намек на то, что мы — коллеги. — Разрешите отвлечь вас ненадолго?

Намек не сработал.

Харпер молча вытащил ключ и отпер дверь.

— Пройдемте в кабинет.

Мы двинулись по коридору. Харпер нажал на выключатель, и флуоресцентные лампы осветили стены и потертый линолеум на полу до самого конца коридора. Как в обычном медицинском учреждении, а отнюдь не в доме скорби. Может, это и к лучшему. Шаги щелкали по коридору в такт жужжанию лампочек. Харпер перебирал на

ходу пачку писем.

В кабинете тоже не оказалось ничего страшного. Обычный письменный стол, как у преподавателя начальной школы, два старых полированных стула. На одной из стен висело несколько дипломов. Смотрите-ка, Харпер, как и я, окончил Колумбийский университет, только двадцатью годами раньше. Никаких семейных фотографий, спортивных наград, ничего личного. Здешним посетителям не до приятных бесед и портретов смеющихся внучат.

Харпер сел и положил руки перед собой на стол.

— Слушаю вас, доктор Бек.

— Восемь лет назад, — начал я, — к вам привезли тело моей жены. Она оказалась очередной жертвой серийного маньяка по кличке Киллрой.

Я плохо читаю по лицам. Глаза для меня — отнюдь не зеркало души, а жесты не выдают собеседника. Да только реакция Харпера насторожила бы любого: что могло заставить медицинского эксперта, патологоанатома с огромным стажем, так побледнеть?

— Я помню, — тихо ответил он.

— Вскрытие проводили вы?

— Да. Во всяком случае, частично.

— Как это понять — частично?

— ФБР подключило своих людей. Мы работали в связке, хотя у них не было медэкспертов и руководил все-таки я.

— А при первом осмотре тела ничего не бросилось вам в глаза?

Харпер заерзал на стуле.

— Могу я спросить, для чего вам эти сведения?

— Я — безутешный супруг.

— Восемь лет прошло!

— Каждый страдает по-своему, доктор.

— Возможно, вы правы, но…

— Что «но»?

— Хотелось бы знать, что именно вас интересует.

Я решил сыграть в открытую.

— Вы фотографируете все попавшие к вам тела?

Харпер не смог скрыть замешательства и понял, что я это заметил.

— Да. Сейчас мы используем цифровые фотоаппараты. Удобно хранить данные в компьютере — и для диагностики, и для поиска.

Я равнодушно кивнул. Харпер явно пытался увести разговор в сторону. Видя, что он не собирается продолжать, я задал следующий вопрос:

— Вы сфотографировали и мою жену?

— Да, конечно. Сколько лет назад, вы говорите, это было?

— Восемь.

— Тогда у нас был «Полароид».

— И где теперь эти снимки, доктор?

— В архиве.

Я взглянул на высокий шкаф, стоящий у стенки, как часовой на посту.

— Не здесь, — быстро сказал Харпер. — Дело вашей жены закрыто, убийца пойман и осужден. Кроме того, это случилось более пяти лет назад.

— Тогда где они?

— В архиве, в Лэйтоне.

— Можно мне их увидеть?

Со стола упал листок бумаги.

Харпер проводил его задумчивым взглядом.

— Я узнаю, что можно сделать.

— Доктор, — позвал я.

Он поднял глаза.

— Вы помните мою жену?

— Более или менее. В наших краях не так уж много убийств случается. А уж такого уровня…

— В каком состоянии было тело, сказать можете?

— Боюсь, что нет. Детали быстро забываются.

— А кто ее опознал?

— Разве не вы?

— Нет.

Харпер поскреб макушку.

— Тогда, по-моему, отец убитой.

— Не припомните, ему это быстро удалось?

— В смысле?

— Он сразу ее опознал или сомневался? И сколько сомневался? Пять минут? Десять?

— Не могу сказать. Честно.

— То есть забыли.

— Да, прошу прощения.

— А ведь вы сказали, что это было громкое дело…

— Да.

— Может быть, самое громкое в вашей практике?

— Несколько лет назад еще убили разносчика пиццы, — сказал, подумав, Харпер. — Хотя с убийством вашей жены его, конечно, не сравнить.

— И вы даже не помните, как прошло опознание?

— Доктор Бек, при всем моем уважении я не могу понять, куда вы клоните, — ощетинился Харпер.

— Что ж, повторю: я — безутешный супруг. И

задаю очень простые вопросы.

— Очень неприятным тоном.

— Имею право.

— Да чего вы от меня хотите?

— Почему вы решили, что Элизабет — жертва Киллроя?

— Это не я решил.

— Хорошо, почему так решили фэбээровцы?

— Из-за клейма.

— Буква «К»?

— Она самая.

Я почувствовал себя на верном пути.

— Итак, полицейские доставили тело сюда. Вы начали его осматривать. Увидели клеймо «К» и…

— Нет, они осмотрели ее первыми. ФБР, я имею в виду.

— Они появились до того, как привезли тело?

Харпер уставился в потолок, то ли вспоминая, то ли придумывая ответ.

— Да. Или сразу после этого, я точно не помню.

— Как же они узнали о находке так быстро?

— Понятия не имею.

— Не имеете?

Харпер сложил руки на груди.

— Могу предположить, что полицейские, вызванные на место происшествия, заметили

клеймо и вызвали ФБР. Повторяю: это всего лишь моя догадка.

В боковом кармане завибрировал пейджер. Я достал его: срочный вызов из клиники.

— Сочувствую вашей потере, — деловым тоном заявил Харпер, — и разделяю вашу боль, но сегодня у меня на редкость плотное расписание. Возможно, через несколько дней…

— Когда вы сможете достать из архива дело моей жены? — прервал его я.

— Я не уверен, что вообще смогу это сделать. Я собираюсь только узнать…

— Закон о свободе информации.[14]

— Простите?

— Я просмотрел его сегодня утром. Дело Элизабет закрыто, и я имею право его увидеть.

Харпер наверняка знал об этом — скорее всего не я первый запрашивал дело из архива — и поэтому закивал с энтузиазмом:

— Конечно, конечно. Вы должны будете собрать необходимые документы, заполнить некоторые бумаги.

---

[14] Примечания: 14

Согласно Закону о свободе информации 1966 г. федеральные ведомства США должны обеспечивать граждан свободным доступом ко всей имеющейся информации, кроме той, которая касается национальной обороны, правоохранительных органов, финансовых и личных документов.

— Вы издеваетесь? — спросил я.

— Извините?

— Моя жена стала жертвой ужасного преступления.

— Знаю.

— И у меня есть право увидеть все документы. Если начнете тянуть резину, я сочту это подозрительным. Я никогда не говорил с журналистами об Элизабет и ее убийце. Может быть, мне начать? Я попрошу их объяснить, почему окружной медэксперт отказывает в элементарной просьбе.

— Звучит как угроза.

Я поднялся на ноги.

— Буду здесь завтра утром. Приготовьте, пожалуйста, документы по делу моей жены.

Наконец-то я действовал. Да, это оказалось чертовски приятно.

22

Детективы Роланд Димонте и Кевин Крински из отдела по борьбе с тяжкими уголовными преступлениями (полицейское управление Нью-Йорка) прибыли на место преступления даже раньше рядовых копов. Лидировал в этой паре Димонте — человек с давно не мытыми волосами, в ботинках из змеиной кожи и вечно недожеванной зубочисткой во рту. Он рявкнул несколько слов — и студию немедленно оцепили. Через пару минут за оцепление нырнул эксперт.

— Где свидетели? — спросил Димонте.

Свидетелей было всего двое: муж убитой и доходяга в черном. Детектив отметил, что муж с ума сходит от горя (хотя, может, и комедию ломает). Ну с этим потом разберемся.

Пожевывая зубочистку, Димонте отвел доходягу — его звали Артуро — в сторону. Парень был невероятно бледен. Возможно, наркотики. Правда, именно он и обнаружил труп, там же его и вывернуло…

— Вы можете отвечать? — спросил Димонте, демонстрируя притворную заботу.

Артуро кивнул.

Димонте осведомился, не заметил ли он в последнее время чего-либо необычного в поведении жертвы. Артуро ответил, что да, было. «Что было?» Странный телефонный звонок, который явно смутил Ребекку. «А кто звонил?» Артуро не знает, но где-то через час к Ребекке приехал мужик. Когда он ушел, Ребекка была вся на взводе. «А как звали мужика?»

— Бек, — ответил Артуро. — Она называла его Бек.

* * *

Шона засунула в сушку простыни Марка. Линда подошла и встала рядом.

— Марк опять намочил постель, — констатировала она.

— Ах, как ты наблюдательна!

— Перестань.

Линда отвернулась. Шона хотела извиниться, но передумала и промолчала. Когда они с Линдой расстались в первый — и пока единственный — раз, Марк начал писаться в постель. Позже семья воссоединилась и мальчик, казалось, выздоровел. А теперь вот снова.

— Он чувствует, что происходит, — сказала

Линда. — Напряжение висит в воздухе.

— И что ты хочешь от меня, Линда?

— Все, что ты можешь.

— Я больше не уйду, я обещала.

— Как видишь, этого недостаточно.

Шона скривила лицо. На что ей сдалась такая жизнь? Она — преуспевающая топ-модель и просто не имеет права демонстрировать на людях мешки под глазами и потускневшие волосы. Надоело все. Надоел семейный быт, к которому она оказалась совершенно не готова, надоели дурацкие советы доброжелателей. Мало того, что они с Линдой не совсем обычная пара. Так их угораздило еще и завести ребенка. Все это, вместе взятое, вызывало к ним повышенный интерес и обеспечивало совершенно ненужную, навязчивую «поддержку», которая лишь запутывала ситуацию. Раскол их семьи станет ударом по лесбийскому движению. Как будто разнополые пары никогда не разводятся! Шона не считала себя подвижницей и не собиралась жертвовать собственным счастьем ради достижения каких-то «высших целей». И пусть ее считают эгоисткой!

Интересно, а что думает по этому поводу Линда?

— Я люблю тебя, — сказала Линда.

— И я.

Они посмотрели друг на друга. Марк опять намочил постель. Шона не пожертвовала бы счастьем ради «высших целей». А вот ради Марка…

— И что мы будем делать? — спросила Линда.

— Что-нибудь придумаем.

— Думаешь, получится?

— Ты меня еще любишь?

— Знаешь ведь, что да.

— И веришь, что я — самое яркое и восхитительное существо на этой земле?

— Конечно, — сказала Линда.

— Я тоже верю, — улыбнулась Шона. — А еще я — шило в заднице.

— Не спорю.

— Но я — твое шило.

— Верно подмечено.

Шона шагнула к подруге.

— Я не создана для спокойной жизни, вокруг меня все бурлит.

— Ты на редкость сексуальна, когда бурлишь.

— И когда не бурлю — тоже.

— Заткнись и поцелуй меня.

И тут зазвенел сигнал домофона. Линда и Шона переглянулись. Шона пожала плечами, Линда надавила кнопку ответа:

— Да?

— Это Линда Бек?

— А вы кто?

— Специальные агенты Кимберли Грин и Рик Пек из Федерального бюро расследований. Разрешите войти и задать вам несколько вопросов?

Шона перегнулась через плечо Линды, прежде чем та успела ответить, и прокричала:

— Нашего адвоката зовут Эстер Кримштейн! Вы можете задать ей любые вопросы.

— Вы ни в чем не подозреваетесь. Просто…

— Эстер Кримштейн, — повторила Шона. — У вас наверняка есть ее телефон. Приятного вечера.

Шона выключила домофон. Линда с удивлением глядела на нее.

— Что, черт подери, происходит?

— У твоего брата неприятности.

— Какие?!

— Сядь, я сейчас все объясню.

* * *

Раиса Маркова, сиделка деда доктора Бека, открыла на стук. Специальные агенты Карлсон и Стоун, теперь работавшие вместе с сотрудниками убойного отдела Димонте и Крински, предъявили

документы.

— Ордер на обыск, — пояснил Карлсон.

Сиделка безропотно пропустила агентов в квартиру. Она выросла в Советском Союзе, и появление в доме людей в штатском не возмутило ее.

Восемь человек рассыпались по помещениям и прилегающей территории.

— Фиксируем обыск на видео, — приказал Карлсон. — Я хочу, чтобы все было законно.

Они действовали в спешке, пытаясь хоть на полшага опередить Эстер Кримштейн. Карлсон знал, что Кримштейн, как и большинство искусных адвокатов, вдохновленных делом О. Джея Симпсона,[15] цепляется к любому недочету полиции, как назойливый поклонник к поп-звезде. Карлсон, будучи не менее искусным сыщиком, пытался лишить ее этой возможности, документируя каждый шаг, каждое движение, чуть ли не каждый вздох.

Когда Карлсон и Стоун появились в студии Ребекки Шейес, Димонте им совершенно не обрадовался. Играло свою роль привычное про-

---

[15] Примечания: 15

12 июня 1994 г. Николь Браун Симпсон и Рональд Голдмен были зарезаны в лос-анджелесском доме Николь. В убийстве был обвинен бывший муж Николь — знаменитый спортсмен и кинотелезвезда О. Джей Симпсон. Суд присяжных оправдал его, несмотря на веские улики.

тивостояние между нью-йоркской полицией и ФБР, и мало что могло его прекратить.

Разве что наступающая на пятки Эстер Кримштейн.

И те и другие прекрасно знали: Эстер не только ловкий адвокат, но и въедливый журналист, обожающий выносить сомнительные дела на суд публики. И те и другие не желали оказаться в такой ситуации. Это подгоняло их и заставило заключить своего рода альянс, отличающийся той же теплотой и дружественностью, что и арабо-израильские перемирия. Кримштейн дышала в спину, и старые счеты пришлось на время отложить.

ФБР получило ордер на обыск — им это было удобнее: всего лишь пересечь Федерал-Плаза и войти в здание федерального окружного суда. Если бы то же самое захотели сделать полицейские, пришлось бы направлять запрос в суд округа,[16] в Нью-Джерси, и Кримштейн точно бы их обскакала.

— Агент Карлсон! — крикнул кто-то с улицы.

Карлсон вылетел наружу, Стоун за ним. К ним

---

[16] Примечания: 16

Федеральный окружной суд (district court) ведет дела, связанные с нарушением федеральных законов, суд округа (county court) — дела, связанные с нарушением законодательства штата.

присоединились Димонте и Крински. На углу, возле урны, стоял юный фэбээровец.

— Что там у вас? — спросил Карлсон.

— Может, и ничего, сэр, но…

Юнец указал на пару перчаток из тонкого латекса.

— Упакуйте их, — приказал Карлсон, — и направьте в лабораторию, пусть проверят, не ими ли сжимали пистолет.

Карлсон смерил взглядом Димонте. Перемирие перемирием, но надо периодически указывать копам их место.

— Сколько времени займет такое исследование в вашей лаборатории?

— День. — Димонте как раз сунул в рот новую зубочистку и принялся яростно ее жевать. — Может, два.

— Долго. Придется сделать это у нас.

— Придется, а то как же, — проворчал Димонте.

— Мы ведь договорились действовать так, как будет быстрее.

— То-то мы здесь и стоим уже полчаса.

Карлсон кивнул. Он-то хорошо знал: если хочешь, чтобы нью-йоркский полицейский всерьез занялся каким-то делом, пригрози это дело у него

отобрать. Хорошая штука — соревнование.

Следующий крик раздался из гаража. Все рванулись туда.

Стоун присвистнул, Димонте вытаращил глаза, Карлсон нагнулся, чтобы рассмотреть находку.

В корзине для бумаг, под обрывками старых газет, лежал пистолет. Калибра девять миллиметров. Судя по запаху, из пистолета недавно стреляли.

Стоун повернулся так, чтобы его улыбка не попала в объектив камеры, и сказал:

— Берем его.

Карлсон не ответил. Хмуро оглядев пистолет, он о чем-то надолго задумался.

23

Срочный вызов касался Ти Джея, мальчик поцарапался о дверную ручку. Для большинства детей это означает всего-навсего полосу зеленки на руке, для Ти Джея — ночь на больничной койке. Когда я приехал, его уже положили под капельницу. Гемофилия лечится вливанием консервантов крови, таких, как криопреципитат, или замороженная плазма.

Я уже упоминал, что впервые увидел Тириза шесть лет назад, закованным в наручники и изрыгающим проклятия. За час до этого он ворвался в приемную со своим девятимесячным сыном на руках. Принял их дежурный терапевт.

Ти Джей не плакал, не реагировал на раздражители, дышал неглубоко и часто. Тириз, который, согласно полицейскому протоколу, вел себя «неадекватно» (посмотреть бы на молодого отца, который в такой ситуации поведет себя по-другому!), рассказал терапевту, что ребенок почувствовал себя плохо с самого утра. Врач многозначительно взглянул на медсестру. Та незаметно кивнула и пошла звонить в полицию.

Самое время, конечно.

Офтальмоскопия выявила у ребенка многочисленные кровоизлияния на сетчатке, то есть у малыша лопнули в глазах сосуды. Сопоставив это с вялостью и — как бы получше сказать — внешним видом отца, терапевт поставил диагноз: синдром сотрясения.[17]

Тут же как из-под земли выросли вооруженные охранники и нацепили на Тириза «браслеты». Вот тогда-то на сцене появился я. Просто услышал крики и вышел из кабинета посмотреть, что происходит. Приехали двое полицейских и усталая женщина из комитета по делам детства. Тириз пытался что-то объяснить, но его никто не слушал. Все качали головами и роняли восклицания вроде: «Куда катится наш мир!»

Подобные сцены здесь не редкость. Честно говоря, бывает и хуже. Как-то я обследовал четырехлетнего мальчика с внутренним кровотечением после изнасилования. Не говорю уже о трехлетних девочках с венерическими заболеваниями. В этих случаях, как и во множестве им

---

[17] Примечания: 17

Синдром сотрясения — особая форма последствий физического насилия над детьми в раннем возрасте, которая характеризуется кровоизлияниями под оболочки головного мозга без наружных признаков повреждения. Проявляется в виде потери сознания, рвоты, головных болей.

подобных, совратителем был либо член семьи, либо бой-френд матери.

Плохой дядька не кружит возле детской площадки, малыш. Он живет у тебя дома.

Кроме того, любой врач в курсе — и эта статистика ошеломляет, — что девяносто пять процентов серьезных травм — результат именно жестокого обращения. Потому-то терапевт, не долго думая, вызвал охранников.

В таком месте, как наше, поневоле очерствеешь. Станешь не лучше уличного копа. Каких только отговорок мы здесь не наслушались! Сын вывалился из кроватки. Дочку стукнуло по голове дверцей духовки. Старший брат швырнул в младшего игрушкой. На самом деле для здоровых детей это не так уж страшно, падение с кровати не доведет их до больницы. Поэтому я в таких случаях никогда не испытывал трудностей с диагнозом.

А вот поведение Тириза мне показалось необычным. Не то чтобы я сразу решил, будто он невиновен. Я так же, как и вы, часто сужу о людях по внешности, или, говоря более официально, «склонен к расовой дискриминации». Мы все этим страдаем. Если вы, завидев шайку чернокожих подростков, переходите на другую

сторону улицы, это расовая дискриминация. Если не переходите, опасаясь, как бы вас не сочли расистом, это тоже она. Если при виде шайки у вас не рождается никаких опасений, вы, наверное, прибыли с другой планеты.

Меня заставило затормозить простое совпадение. Несколько дней назад я наблюдал точно такой же случай в богатом пригороде Шорт-Хиллз в Нью-Джерси. Родители, хорошо одетые белые, приехали на навороченном «рэндж-ровере» и вбежали в приемную с шестимесячной дочерью на руках. Девочка выглядела так же, как и Ти Джей.

И никто не заподозрил отца.

Поэтому я и подошел к Тиризу. Он взглянул на меня так, что, случись это на улице, я бы перепугался. Здесь же Тириз напоминал волка из «Трех поросят», когда тот пытался сдуть кирпичный домик.

— Ваш сын родился здесь? — спросил я.

Тириз не ответил.

— Ваш сын родился в нашей клинике? Да или нет?

— Да, — смог выдавить он.

— Ему делали обрезание?

Тириз сверкнул глазами.

— Ты что, типа гомик?

— Вы имеете в виду, что гомики бывают разных типов? — осведомился я. — Делали ему обрезание? Да или нет?

— Да, — проворчал Тириз.

Я выяснил номер полиса Ти Джея и ввел цифры в компьютер. Прочел запись об обрезании: все нормально. Вот черт. И вдруг заметил еще одну: оказывается, сегодня не первый визит Ти Джея в больницу. В возрасте двух недель отец уже приносил его сюда с жалобой на кровотечение — у мальчика никак не заживал пупок.

То, что нужно.

Мы взяли кое-какие анализы, хотя полиция настаивала на немедленном аресте Тириза, а тот даже и не возражал. Только просил, чтобы ему разрешили подождать результатов. Я попытался уговорить лаборанта сделать их побыстрее, но потерпел фиаско: как и большинство нормальных людей, я не умею разговаривать с бюрократами. В конце концов, мне принесли анализ крови.

Диагноз, спасительный для Тириза и убийственный для его сына, подтвердился. Бандитского вида отец действительно не трогал мальчика. У Ти Джея была гемофилия, которая и вызвала кровоизлияния. И теперь ребенок ослеп.

Охранники вздохнули, покорно сняли с Тириза наручники и ушли. Тириз остался стоять, потирая запястья. Никто и не подумал извиниться, не сказал ни единого теплого слова человеку, которого несправедливо обвинили в избиении своего, оказывается, ослепшего сына.

А теперь представьте: возможно ли что-нибудь этакое в престижном районе?

С тех пор Ти Джей — мой пациент.

Я вошел в палату, погладил мальчика по голове и посмотрел в его незрячие глаза. Другие дети отвечают мне взглядом, полным ужаса и обожания. Некоторые мои коллеги говорят, что малыши понимают происходящее гораздо лучше, чем думают взрослые. У меня другое объяснение: родители кажутся детям бесстрашными и всемогущими. И вдруг эти небожители попадают сюда и смотрят на меня, доктора, со смесью надежды и страха.

Представляете, какое потрясение для маленького ребенка?

Через несколько минут глаза Ти Джея закрылись, он погрузился в сон.

— Ударился о дверь, — объяснил Тириз. — Вот и все. Слепой ведь, чего ж еще ожидать?

— Придется оставить его на ночь, — сказал

я. — Все будет нормально.

— Как? — Тириз смотрел на меня. — Как оно когда-нибудь будет нормально, если у него кровь не останавливается?

Я не ответил.

— Заберу я его отсюда.

Он явно не имел в виду больницу.

Тириз полез в карман и вытащил пачку банкнот, однако я угрюмо выставил вперед ладонь и сказал:

— Зайду еще раз, попозже.

— Спасибо, что приехали, док. Я ценю.

Я чуть не напомнил ему, что приехал ради ребенка, а вовсе не ради него, но, как всегда, промолчал.

* * *

«Аккуратней, — думал Карлсон, чувствуя, как учащается пульс, — только аккуратней».

Они — Карлсон, Стоун, Крински и Димонте — сидели за столом в кабинете помощника окружного прокурора Лэнса Фейна. Фейн, амбициозный, юркий, похожий на ласку человечек, с изогнутыми бровями и таким желтым, восковым лицом, что оно, казалось, могло потечь при малейшей жаре, начал совещание.

— Пора сцапать этого придурка, — сразу же сказал Димонте.

— Минуточку, — остановил его Фейн. — Доложите мне все так, чтобы сам Алан Дершовиц[18] захотел бы упрятать его за решетку.

Димонте кивнул напарнику:

— Давай, Крински. Заведи меня.

Крински открыл блокнот и начал читать:

— Ребекка Шейес была убита двумя выстрелами в голову, произведенными с близкого расстояния из автоматического оружия калибра девять миллиметров. Оружие было найдено в ходе обыска в гараже доктора Дэвида Бека.

— Отпечатки пальцев? — осведомился Фейн.

— Нет. Зато баллистическая экспертиза подтвердила, что это тот самый пистолет, из которого была застрелена жертва.

Димонте ухмыльнулся и спросил:

— У кого-то, кроме меня, напряглись соски?

Брови Фейна дрогнули.

— Продолжайте, — кивнул он Крински.

— В ходе того же обыска недалеко от дома доктора Бека, в урне, была найдена пара перчаток из латекса. На правой перчатке обнаружены следы

---

[18] Примечания: 18

Алан Дершовиц — адвокат, который помог оправдать О. Джея Симпсона.

пороха, а доктор Бек — правша.

Димонте задрал на стол ноги в ботинках из змеиной кожи и провел зубочисткой по губам.

— Да, милый, еще, еще! Мне так приятно!

Фейн нахмурился. Крински, не поднимая глаз от блокнота, облизнул палец и перевернул страницу.

— На этой же перчатке найден волос, совпадающий по цвету с волосами Ребекки Шейес.

— О Господи! Господи! — застонал Димонте в притворном оргазме. А возможно, и в настоящем.

— Тест волоса на ДНК займет некоторое время, — продолжал Крински. — На месте преступления обнаружены отпечатки пальцев доктора Бека, хотя и не в лаборатории, где было найдено тело.

Крински закрыл блокнот. Все перевели взгляд на Фейна.

Фейн встал и потер подбородок. Даже без клоунады Димонте в комнате царили азарт и оживление. Казалось, само слово «арест» висит в воздухе, наполняя все кругом вспышками тщеславия. Ведь такое громкое дело — это обязательные пресс-конференции, звонки политиков, фотографии в газетах.

И только у Ника Карлсона осталось пусть крошечное, но сомнение. Он беспокойно скручивал и раскручивал листок бумаги и никак не мог остановиться. Что-то маячило на периферии сознания, еще неопределенное, хотя уже не дающее покоя, мелкое и назойливое, как муха. В доме доктора Бека нашли массу «жучков», телефонные аппараты тоже прослушивались. Кто-то за ним следил. И почему-то только Карлсона заинтересовал вопрос: кто именно?

— Лэнс? — поторопил Димонте.

Помощник прокурора откашлялся.

— Вы знаете, где именно находится сейчас доктор Бек?

— На работе, — ответил Димонте. — Я отправил двух ребят за ним присматривать.

Фейн кивнул.

— Давай, Лэнс, — уговаривал Димонте, — сделай это для меня, дружок.

— Для начала позвоним мисс Кримштейн, — отозвался Фейн. — Из чистой вежливости.

* * *

Шона рассказала Линде почти все, умолчав лишь о появлении призрака на экране. И не потому, что поверила в эту историю, сама она

была почти что убеждена в компьютерном происхождении «Элизабет», а потому, что так хотел Бек. «Не говори никому». Шоне не нравилось скрывать что-либо от Линды, но она не могла подвести Дэвида.

Линда молча слушала, глядя подруге в глаза. Она не перебивала, не шевелилась, даже ни разу не кивнула. Когда Шона закончила, Линда спросила:

— Ты видела эти фотографии?

— Нет.

— Где они их взяли?

— Не знаю.

Линда встала с побелевшим лицом.

— Дэвид никогда бы не ударил Элизабет.

Она обхватила себя руками и всхлипнула.

— В чем дело? — встревожилась Шона.

— Что ты мне недоговариваешь?

— Почему ты решила, будто я что-то недоговариваю?

Линда молча ждала.

— Спроси у своего брата, — сдалась Шона.

— Почему?

— Потому что это не мой секрет.

Раздался сигнал домофона. На этот раз ответила Шона.

— Да?

— Это Эстер Кримштейн, — донеслось из динамика.

Шона нажала на кнопку, впуская гостью в дом. Две минуты спустя Эстер ворвалась в комнату.

— Вы знаете фотографа по имени Ребекка Шейес?

— Конечно, — ответила Шона, — хотя мы давно не виделись. А ты, Линда?

— Сто лет ее не встречала. Когда-то они с Элизабет вместе снимали квартиру. А что?

— Ее убили вчера ночью, — сказала Кримштейн. — Подозрение пало на Бека.

Обе женщины застыли. Первой опомнилась Шона.

— Так ведь я была вчера у Бека, — воскликнула она.

— До которого часа?

— А до которого нужно?

Эстер нахмурилась:

— Мне-то не морочь голову, Шона. Когда ты от него ушла?

— В десять — в пол-одиннадцатого. Во сколько ее убили?

— Пока не знаю. Только мой источник в полиции сказал, что против Бека собраны серьезные

доказательства.

— Ерунда какая-то.

Зазвенел мобильник. Эстер поднесла трубку к уху.

— Да?

Невидимый собеседник говорил очень долго, Кримштейн молча слушала. Лицо ее потеряло свою жесткость, расплылось, как от разочарования. Минуты через две, даже не попрощавшись, она отключила телефон и сердито защелкнула трубку.

— Жест вежливости, — съязвила она.

— Что случилось? — спросила Линда.

— Они подписали ордер на арест. У нас есть час, чтобы сдать вашего брата властям.

24

Я мог думать только о Вашингтон-сквер и о том, как убить оставшиеся четыре часа. Будто назло, сегодня мой выходной, и, за исключением срочного вызова к Ти Джею, другой работы нет. «Свободен, словно птица», как поется в одной из композиций рок-группы «Линирд скинирд», и этой «птице» хотелось упорхнуть в парк Вашингтон-сквер.

Уже выходя из клиники, я снова услышал сигнал пейджера. Вздохнул и посмотрел на номер. Эстер Кримштейн, вызов с пометкой «срочно».

Боюсь, что новости невеселые.

На мгновение я задумался: а стоит ли перезванивать? Может, просто лететь куда летится? Нет, рано. Я хотел вернуться в смотровую, однако дверь была закрыта изнутри. Значит, помещение уже занято другим врачом.

Я прошел по коридору, повернул налево, нашел свободный кабинет в гинекологическом отделении и почувствовал себя разведчиком во вражеском стане. Вокруг поблескивали десятки металлических инструментов, что придавало

помещению какой-то средневековый вид. Я набрал номер.

Эстер Кримштейн не стала терять времени на приветствия.

— Бек, у нас серьезные неприятности. Где вы?

— На работе. Что стряслось?

— Нет, это вы мне объясните, что стряслось. Когда вы в последний раз встречались с Ребеккой Шейес?

У меня сдавило сердце.

— Вчера. А что?

— А до этого?

— Восемь лет назад.

Кримштейн замысловато выругалась.

— Да что стряслось? — повторил я.

— Ребекка Шейес убита прошлой ночью в своей собственной студии. Двумя выстрелами в голову.

На меня накатила слабость, какая бывает перед погружением в сон. Колени подогнулись, я рухнул на стул.

— О Господи…

— Бек, слушайте меня. Слушайте внимательно.

Передо мной встала Ребекка, какой я увидел ее вчера.

— Где вы были ночью?

Я бросил трубку на стол, мне не хватало возду-

ха. Ребекка. Ребекка погибла. Я вспомнил, какой счастливой она выглядела, говоря о своем муже. Я подумал о нем, о том, что бессонными ночами он будет вспоминать, как рассыпались рядом с ним по подушке ее роскошные волосы.

— Бек?

— Дома, — ответил я. — Я был дома с Шоной.

— А потом?

— Вышел погулять.

— Где вы гуляли?

— Просто прошелся.

— Где именно?

Я не ответил.

— Бек, слушайте меня, ладно? Орудие убийства найдено у вас дома.

Я внимательно слушал, хотя слова с трудом достигали сознания. Комната внезапно сузилась, я заметил, что в ней нет ни одного окна, стало трудно дышать.

— Вы меня слышите?

— Да, — ответил я. Затем, сообразив, что именно мне сказали, добавил: — Быть не может.

— Послушайте, у нас совсем нет времени. Я говорила с окружным прокурором, с минуты на минуту вас арестуют. Он, конечно, порядочная свинья, но согласился на явку с повинной.

— Арестуют?

— Сосредоточьтесь, Бек.

— Я ее не убивал.

— Сейчас это не важно. Они хотят вас арестовать. Они жаждут привлечь вас к суду. А мы собираемся вызволить вас под залог. Я уже на пути в клинику. Сидите тихо. Не отвечайте ни на какие вопросы. Ни полиции, ни фэбээровцам, ни новым товарищам по камере. Уяснили?

Мой взгляд метнулся к часам, висевшим над смотровым столом. Начало третьего. Вашингтон-сквер. Сегодня я должен быть на Вашингтон-сквер.

— Я не могу сегодня, Эстер.

— Не волнуйтесь, все будет в порядке.

— Сколько это продлится?

— Что?

— Арест. Когда меня выпустят под залог?

— Точно не скажу, но, думаю, с этим проблем не будет. Вы всегда были добропорядочным членом общества, к суду не привлекались, криминальных связей не имели. Возможно, придется оставить в залог паспорт…

— Сколько времени пройдет?

— Пройдет до чего, Бек? Я не могу вас понять.

— До того, как я выйду оттуда?

— Я насяду на них, конечно. Однако даже если они поторопятся — а я не обещаю, что они это сделают, — им все равно придется послать ваши отпечатки в Олбани, так положено. Если нам повезет — я имею в виду, сильно повезет, — мы освободим вас еще до полуночи.

— До полуночи?!

Страх сдавил грудь стальным панцирем. Арест не позволит мне прийти в парк Вашингтон-сквер. Моя связь с Элизабет хрупка, как нитка бус венецианского стекла. Если я не попаду в парк к пяти часам…

— Не пойдет, — отрезал я.

— Что?

— Задержите их, Эстер. Пусть арестуют меня завтра.

— Вы шутите? Слушайте, они, должно быть, уже там, ищут вас.

Я осторожно высунул голову из кабинета. Отсюда я мог видеть лишь часть стола в регистратуре, его правый угол, но и этого оказалось достаточно.

Именно там стояли два полицейских.

— О Боже, — простонал я, вваливаясь обратно в кабинет.

— Бек?

— Не могу я сесть в тюрьму. Только не сегодня.

— Не злите меня, Бек, о'кей? Просто оставайтесь на месте. Не двигайтесь, не разговаривайте, вообще ничего не делайте. Сидите в своем кабинете и ждите. Я еду.

Она отсоединилась.

Ребекка мертва. Все думают, что я ее убил. Смешно, но тут действительно должна быть какая-то связь. Я навестил ее впервые за восемь лет, и в ту же ночь Ребекку находят убитой.

Что же, черт побери, вокруг меня творится?

Я снова открыл дверь и выглянул. Копы не глядели в мою сторону. Я выскользнул наружу и припустил по коридору к запасному выходу. Я смогу выйти незамеченным и вовремя добраться до Вашингтон-сквер.

Неужели это правда происходит со мной? Я на самом деле спасаюсь от ареста?

Я не мог ответить на этот вопрос. Добежав до двери, я рискнул обернуться и увидел, что один из полицейских засек меня. Он махнул другому и ринулся за мной вдогонку.

Я толкнул дверь и вылетел на улицу.

* * *

Не могу поверить. Я удираю от полиции.

Задняя дверь вывела на незнакомую темную улочку. Наверное, это покажется странным, но я совсем не знаю окрестностей. Приезжал, работал, уезжал. Сидел в своем кабинете без окон, как сова в дупле. Десять шагов от больницы — и я в незнакомом мире.

Я понесся вперед, сам не зная куда. Сзади хлопнула дверь.

— Стоять! Полиция!

Они и вправду так кричат. Я не остановился. Интересно, станут копы стрелять? Не уверен, конечно, но вряд ли.

Общественность вечно поднимает шумиху из-за стрельбы по безоружным.

Народу было не много, встречные провожали меня равнодушными взглядами. Я бежал. Окружающее слилось в неясную массу, в которой я иногда различал отдельные кадры. Я пронесся мимо кошмарного типа с кошмарным же ротвейлером. Мимо старика, сидящего на углу и поносящего весь мир вокруг и этот день в частности. Мимо женщины с огромными сумками и детей, которые должны были быть в школе, а на

самом деле торчали на улице, стараясь выглядеть один круче другого.

А я убегал от полиции.

Мое сознание никак не могло переварить этот факт. Ноги уже отказывали, однако образ глядящей с экрана Элизабет гнал меня вперед, придавал сил.

Я задыхался.

Все слышали об адреналине, о том, как он иногда захлестывает вас и дает нечеловеческую энергию. Но у медали есть и оборотная сторона: чувства выходят из-под контроля, обостряются до невыносимого состояния. Если не снизить истерическое возбуждение, оно вас просто придушит.

Я нырнул в боковую улочку — так всегда делают в кино — и увидел, что она кончается тупиком, где стоят омерзительно грязные мусорные контейнеры. От вони я чуть не взвился на дыбы, как скаковая лошадь. Когда-то, в незапамятные времена, ящики, видимо, были зелеными, теперь от всей этой красоты осталась одна ржавчина. Кое-где контейнеры проржавели до дыр, и через них туда-сюда шныряли крысы.

Я попытался высмотреть хоть какой-нибудь проход — заднюю дверь, окно, которое можно

разбить, — и ничего не нашел.

Единственный выход наружу — та улочка, через которую я вбежал и куда вслед за мной с минуты на минуту нырнут полицейские.

Ловушка.

Я затравленно глянул вправо, влево, а потом, уже от отчаяния, вверх.

Пожарные лестницы.

Их было несколько, и все очень высоко. С удесятеренной адреналином силой я прыгнул вверх, вытянув руки к одной из них, и свалился, прямо на задницу. Вскочил и попытался еще раз. То же самое. Слишком высоко.

И что теперь?

Может, подтащить к стене контейнер, встать на него и дотянуться до нижней ступеньки? Нет, крышки контейнеров полностью изъедены ржавчиной, а если я влезу просто на кучу мусора, то до лестницы все равно не достану.

Я глубоко вздохнул и попытался сосредоточиться. В нос хлынула струя вони. Пришлось отодвинуться подальше.

Поблизости раздался треск. Радиопомехи. Похоже на полицейскую рацию.

Я прижался спиной к стене и слушал.

Спрятаться. Немедленно спрятаться.

Треск усилился, стал громче. Послышались голоса: копы приближались. Я распластался по стене, будто это могло спасти. Будто они, вынырнув из-за угла, решат, что я — настенная роспись.

Тишину взорвали сирены.

Машины с сиренами — за мной!

Шаги. Совсем близко. И единственная возможность спрятаться.

Я выбрал контейнер почище и с закрытыми глазами нырнул туда.

Запах прокисшего молока — *очень* прокисшего молока — был первым, который я ощутил. Но далеко не последним. Сидел я на чем-то тошнотворном, к рукаву прилипло нечто гнилое и склизкое. Горло сжалось, желудок бурно запротестовал.

Я услышал, как кто-то топает по улочке, и затаился.

По ноге пробежала крыса.

Я едва сдержал крик. Господи, неужели это все на самом деле? Надо задержать дыхание. Нет, так долго не просидишь. Тогда — дышать через рот. Опять затошнило. Я прижал край рубашки к лицу. Стало немного легче.

Радиопомехи отдалились, шаги пропали. Не-

ужто мне удалось их одурачить? Если и так, то ненадолго. Сирен стало больше, их звуки слились с предыдущими — настоящая блюзовая рапсодия. Рано или поздно копы вернутся. Что же делать?

Я схватился за ржавый край контейнера, чтобы выскочить, и тут же порезал ладонь. Прижал ее к губам. Кровь. Во мне тут же проснулся врач и напомнил об угрозе столбняка. Оставшаяся часть сознания тут же объяснила врачу, что столбняк, пожалуй, наименьшая из грозящих сейчас опасностей.

Я прислушался.

Шагов не слышно, раций — тоже. Сирены продолжали выть. А чего, интересно, я еще ожидал? Сбежавший убийца бродит по нашему славному городу, и бравые парни перевернут все кругом, чтобы жители могли спать спокойно.

Куда же деваться?

Понятия не имею. Зато точно знаю, что оставаться на месте нельзя, нужно удирать отсюда как можно скорее.

Я снова прокрался к выходу. Шагов и раций по-прежнему не слышно. Замечательно. Я задумался. Удрать — дело хорошее, только куда? Надо двигаться к востоку, хоть места там и незнакомые. Правда, я видел неподалеку рельсы…

Метро!

Все, что от меня потребуется, — это сесть в поезд и сделать несколько пересадок. Только вот где ближайшая станция?

Я попытался восстановить в памяти схему метро, и тут, откуда ни возьмись, на улочке появился полицейский.

Он был юн, свежевыбрит и розовощек. Голубые рукава форменной рубашки аккуратно завернуты — два одинаковых валика, натянутых на крепкие бицепсы. При виде меня полицейский застыл от удивления.

Мы оба замерли. Я очнулся на долю секунды раньше.

Если б я попытался ударить его, как какой-нибудь боксер или каратист, мне, скорее всего, пришлось бы выковыривать из черепа собственные зубы. Но от ужаса я бросился на него, как ракета: всем телом, прижав к груди подбородок. Элизабет хорошо играла в теннис. Как-то она сказала, что, когда противник у сетки, лучше всего послать мячик прямо ему в живот, чтобы он не знал, куда кидаться.

Нечто подобное я и сделал сейчас.

Я ударил парня всей своей тяжестью, уцепился за его плечи, как обезьяна за ветку, и опрокинул.

Согнутыми коленями воткнулся ему прямо в грудь, головой с прижатым подбородком — в челюсть.

С оглушительным грохотом мы рухнули наземь.

Раздался хруст в голове, там, где она врезалась в челюсть противника, взорвалась боль. Юный полисмен захрипел, ему не хватало воздуха. Судя по всему, я сломал парню челюсть. Меня охватила паника, я откатился от полицейского, будто он был бомбой, которая вот-вот взорвется.

Я напал на представителя власти.

Некогда размышлять об этом. Надо убраться отсюда как можно скорее и дальше. С трудом поднялся на ноги, хотел шагнуть и почувствовал на своей лодыжке пальцы полицейского. Повернувшись, я увидел его глаза.

В них плескалась боль. Боль, которую причинил я.

Я поднял ногу и пнул противника по ребрам. Он снова захрипел, изо рта хлынула кровь. Неужели я это делаю? Еще пинок. Достаточно сильный, чтобы заставить лежащего разжать ладонь.

Я повернулся и побежал.

25

Эстер и Шона рванули в клинику на такси. Линда села на трамвай и поехала к своему консультанту в Международный финансовый центр, чтобы снять все деньги со счетов для уплаты залога.

Десяток полицейских машин окружили клинику Бека, они расположились врассыпную, как стрелы для дартса, брошенные неверной рукой пьяного. Мигалки сверкали красно-синим, сирены выли. Отовсюду стягивались дополнительные автомобили.

— Что, черт возьми, происходит?

Эстер заметила помощника окружного прокурора Лэнса Фейна. К сожалению, он их тоже заметил и с багровым негодующим лицом подскочил к такси.

— Этот ублюдок сбежал, — выпалил Фейн вместо приветствия.

Эстер с честью выдержала удар.

— Наверное, ваши люди его перепугали.

Подъехали еще две полицейские машины и микроавтобус Седьмого канала телевидения.

Фейн выругался.

— Только прессы мне здесь не хватало. Ты знаешь, кем я теперь выгляжу, Эстер?

— Послушай, Лэнс…

— Подхалимом, который выгораживает богатеньких, вот кем! Как ты могла, Эстер? Знаешь, что мэр со мной сделает? А Такер…

Такер был прокурором округа Манхэттен.

— Господи Боже ты мой! Что со мной сделает Такер!

— Мистер Фейн! — позвал один из полицейских.

Лэнс с ненавистью взглянул на Эстер и Шону, фыркнул и отошел.

Кримштейн тут же набросилась на подругу:

— Твой Бек совсем свихнулся?

— Он напуган, — ответила Шона.

— Он сбежал от полиции, понимаешь? — бушевала Эстер. — Ты хоть знаешь, чем это грозит? — Она кивнула на автобус телевизионщиков. — Они сделают из Бека сбежавшего убийцу, убедят всех, что он опасен. В том числе и присяжных.

— Успокойся.

— Успокоиться? Ты соображаешь, что он натворил?

— Сбежал, вот и все. Как О. Джей, помнишь?

Ему же это не повредило?

— Речь идет не о Симпсоне. Речь идет о богатеньком белом докторе.

— Бек не богат.

— Да не в этом же дело, черт побери! Теперь любой потребует, чтобы Бека пригвоздили к позорному столбу. Забудь об освобождении под залог! Забудь о беспристрастных судьях!

Эстер перевела дыхание, скрестила руки на груди.

— И кстати, это подпортит репутацию не только Фейну.

— А кому еще?

— Мне! — взвизгнула Кримштейн. — Одним махом Бек скомпрометировал меня перед прокурором округа. Если я обещала доставить человека, то должна была его доставить.

— Эстер, — спокойно произнесла Шона.

— Что?!

— За твою репутацию я и сейчас ломаного гроша не дала бы.

Около машин с мигалками раздались какие-то крики. Оттуда тронулась и помчалась вниз по улице машина «скорой помощи». Полицейские заметались в разные стороны, будто бильярдные шарики.

«Скорая» завизжала тормозами, два медика, мужчина и женщина, выпрыгнули из машины и стали торопливо доставать носилки. Слишком торопливо.

— Сюда! — закричал кто-то. — Он здесь!

У Шоны екнуло сердце. Она шагнула к Фейну, Эстер за ней.

— Что случилось? — спросила Эстер.

Фейн не ответил.

— Лэнс!

Тот наконец повернул к ней искаженное гневом лицо.

— Твой клиент…

— Что с ним? Он ранен?

— Он только что напал на полицейского.

* * *

Вот и все.

Я перешел границы допустимого, еще когда сбежал из клиники, а нападением на полицейского окончательно сжег за собой мосты. Возврата нет. Остается только бежать. Бежать изо всех сил.

— Здесь избитый полицейский! — закричал кто-то. Крики усилились, к ним присоединились сирены. И все это за моей спиной. Сердце стучало где-то в горле. Ноги стучали по асфальту, как

заведенные. Я чувствовал, что они тяжелеют, мускулы и суставы словно превращаются в камень. Я ведь не спортсмен. Из носа потекло, жидкость смешалась с грязью на верхней губе, которую я умудрился измазать, сидя в контейнере, и потекла прямо в рот.

Я пытался бежать зигзагами, от дома к дому, словно это могло сбить полицию с толку. Мне не надо было оборачиваться, чтобы понять, далеко ли мои преследователи. Сирены и рации безошибочно выдавали их местонахождение.

У меня нет шансов.

Я несся сквозь квартал, через который раньше не осмелился бы даже проехать. Перепрыгнул через живую изгородь и побежал по высокой траве заброшенной спортплощадки. Люди часто толкуют о росте цен на земельные участки Манхэттена, а тут, недалеко от Харлем-ривер-драйв, было в достатке ничейной земли, усыпанной битым стеклом и занятой лишь обломками качелей, спортивных снарядов и остатками брошенных машин.

Напротив ряда дешевых многоэтажек мной заинтересовалась группа чернокожих подростков — бандитского вида, да и одетых соответственно. Они уже рассчитывали на редкостный «десерт»,

которым вот-вот займутся, когда до них дошло, что за мной гонится полиция.

Ребята радостно заулюлюкали:

— Давай, белый!

Я попытался кивнуть, пробегая мимо: усталый марафонец, приветствующий толпу зрителей. Один из мальчишек выкрикнул: «Диалло!» Я не остановился, хотя слышал об Амадо Диалло. Любой в Нью-Йорке слышал о нем. Полицейские стреляли в него сорок один раз, и каждый раз он был безоружен. На какое-то мгновение я решил, будто клич предупреждает меня о том, что полиция готова стрелять.

Но дело оказалось в другом.

На суде защитник Диалло рассказал, что, когда его клиент запускал руку в карман, чтобы вытащить кошелек, полицейские думали, будто он лезет за оружием. С тех пор люди протестуют против полицейского произвола, выдергивая из карманов кошельки и выкрикивая: «Диалло!» Уличные копы признаются, что каждый раз вздрагивают от этого крика.

Вот и теперь мои новые союзники, несомненно, считавшие меня убийцей, выхватили из карманов кошельки. Два копа, наступавших мне на пятки, притормозили. Расстояние между нами

увеличилось.

Надолго ли?

Горло горело, на бегу я глотал слишком много воздуха. Ноги налились свинцом. Я устал. Внезапно зацепившись за что-то носком ботинка, я потерял равновесие и растянулся на тротуаре, ободрав лицо, колени, руки.

Сумел встать. Ноги дрожали.

Вот и конец.

Промокшая рубашка прилипла к спине, в ушах шумело. Я никогда не любил бегать. Фанатики бега трусцой с пеной у рта доказывают, что они жить не могут без любимого спорта и получают огромное удовольствие от самого процесса. Не сомневаюсь. Удовольствие объясняется нехваткой кислорода в головном мозге, а не пресловутыми эндорфинами.

Польза, поверьте мне, сомнительная.

Устал. Как страшно я устал. Нельзя бежать бесконечно. Я оглянулся. Полицейских не видно. Улица пуста. Дернул ближайшую дверь. Заперто. Другую. Невдалеке опять захрипела рация. Я побежал. В дальнем конце дома была чуть приоткрыта дверца подвала. Ржавая. Здесь все ржавое.

Я нагнулся и потянул металлическую ручку. Дверца со скрипом отошла. Я заглянул в тем-

ноту.

— Отрежьте ему путь! — крикнули неподалеку.

Я даже не осмотрелся. Спустил вниз одну ногу и нащупал первую ступеньку. Болтается. Спустил вторую ногу. Попытался нащупать следующую перекладину, нога повисла в пустоте.

Секунду я колебался, как Уилл Е. Койот — знаменитый мультяшный персонаж — перед тем, как ринуться с горы, а потом решительно ухнул в темноту.

Глубина подвала оказалась небольшой, метров около трех — трех с половиной, но прошла, казалось, вечность, прежде чем я коснулся пола. Падая, я выставил вперед руки. К сожалению, это мало чем помогло — повалился всем телом на цемент, аж зубы щелкнули.

Я лег на спину и посмотрел вверх. Дверца за мной захлопнулась. Лучшего и пожелать нельзя, только вот тьма стала непроглядной. Я мысленно обследовал сам себя, врач во мне немедленно поставил диагноз: все болит.

С улицы доносились звуки погони. Сирены не унимались, а может быть, это звенело у меня в ушах. Голоса, хрип раций.

Они приближаются.

Я перекатился на бок, уперся в пол правой рукой, задев свежий порез, и попытался встать. Тело двигалось с трудом, голова вообще замоталась сама по себе, и я чуть не упал.

Что дальше?

Просто притаиться здесь? Не пойдет: они наверняка начнут прочесывать дом за домом и рано или поздно наткнутся на меня. А если и нет, то я сбежал не для того, чтобы сидеть в сыром подвале. Я сбежал, чтобы встретиться с Элизабет.

Надо идти дальше.

Куда?

Глаза потихоньку привыкали к темноте, во всяком случае, я разглядел вокруг себя силуэты предметов. Кучи коробок, груды тряпья, несколько барных стульев, разбитое зеркало. При виде своего отражения я вздрогнул: на лбу — рана, брюки порваны на коленях, от рубашки вообще остались одни клочья. А измазался так, что запросто смогу служить щеткой для трубочиста.

И куда мне деваться в таком виде?

Лестница. Где-то здесь должна быть лестница. Я медленно двигался вперед в каком-то подобии ритмического танца, ощупывая путь впереди себя левой ногой, словно слепец палочкой. Вот захрустело битое стекло. Я продолжал двигаться.

Впереди раздалось невнятное бормотание, и огромная куча тряпья выросла у меня на дороге. Из нее показалось и вытянулось в мою сторону что-то вроде руки. Я чуть не заорал от страха.

— Гиммлер любит стейки из тунца! — закричала куча.

Человек — пожилой мужчина — начал подниматься. Незнакомец оказался высоким, чернокожим, с такой курчавой белой бородой, что казалось, будто он жует овцу.

— Вы меня слышите? — повторял он. — Вы поняли, что я сказал?

Старик шагнул ко мне, я отпрянул.

— Гиммлер! Он любит стейки из тунца!

Бородача явно тревожил этот факт. Он взмахнул кулаком — я отпрыгнул в сторону. Кулак прошел мимо. Силы замаха — а может, и выпитого — оказалось достаточно, чтобы вновь швырнуть моего собеседника на пол. Он упал плашмя, и я не стал дожидаться, когда бородач встанет. Лестница действительно оказалась неподалеку, я кинулся по ней наверх.

И уперся в запертую дверь.

— Гиммлер!

Пьяный кричал громко, очень громко. Я навалился на дверь. Бесполезно.

— Вы меня слышите? Вы поняли, что я сказал?

Дверь начала потрескивать. Я оглянулся и похолодел от ужаса.

Солнечный свет.

Кто-то приоткрыл дверцу, через которую я проник в подвал.

— Кто здесь?

Голос человека при исполнении. По полу заплясал луч фонарика. Он выхватил из темноты бородатого.

— Гиммлер любит стейки из тунца!

— Что ты орешь, старикан?

— Вы меня слышите?

Я изо всех сил уперся в дверь плечом. Что-то затрещало. Перед глазами вновь всплыл образ Элизабет — как она машет рукой с экрана, смотрит грустными глазами. Я поднажал.

Дверь распахнулась.

Я упал на пол первого этажа, недалеко от входной двери.

Что дальше?

Полицейские неподалеку — слышно, как потрескивают рации, а один из них все еще допрашивает биографа Гиммлера. Времени нет, мне срочно нужна чья-то помощь.

Только вот чья?

Шоне звонить нельзя, за ней наверняка следят. То же самое с Линдой. Эстер будет настаивать, чтобы я сдался.

Парадная дверь открылась.

Я рванул по коридору. Пол был покрыт грязным линолеумом, стены выкрашены дешевой краской. По обеим сторонам шли железные, плотно запертые двери. Я добежал до запасного выхода и взлетел на третий этаж. Там снова вывалился в коридор.

* * *

В коридоре стояла пожилая женщина.

К моему удивлению, она оказалась белой. Скорее всего услышала шум и вышла посмотреть, что происходит. Я затормозил. Женщина стояла довольно далеко от открытой двери в свою квартиру, я бы мог пролететь мимо и вскочить в эту самую дверь…

И что мне это даст?

Мы молча смотрели друг на друга. Потом женщина подняла пистолет.

Господи Иисусе…

— Что вам нужно? — спросила она.

И тут я с удивлением услышал свои собственные слова:

— Могу я воспользоваться вашим телефоном?

— Двадцать баксов, — без колебаний ответила женщина.

Я полез в кошелек и достал купюру. Женщина кивнула и пропустила меня в квартиру. Жилище оказалось маленьким и очень аккуратным. Все поверхности, включая темные деревянные столы, покрывали кружевные салфетки.

— Туда.

Телефонный аппарат был старомодный, с диском. Я просунул палец в дырочку. Смешно: никогда не набирал этот номер, даже не собирался, а помнил его наизусть. Когда-нибудь я озадачу этим моего психолога. А сейчас остается только ждать соединения.

Два гудка, а потом голос:

— Да.

— Тириз? Это доктор Бек. Мне нужна твоя помощь.

26

Шона потрясла головой:

— Бек покалечил человека? Невозможно.

Вены на лбу помощника прокурора снова угрожающе вздулись. Он надвинулся на Шону так, что его физиономия оказалась прямо напротив ее лица.

— Ваш дружок напал на полицейского вон на той улице. Сломал ему челюсть и пару ребер.

Фейн придвинулся еще ближе, теперь капельки его слюны летели на щеку Шоны.

— Слышите, что я вам говорю?

— Я все прекрасно слышу, — ответила Шона. — Отойди подальше, мистер Вонючка, не то я тебе яйца на шею намотаю.

Фейн застыл на несколько секунд, а потом зло отвернулся. То же самое сделала Кримштейн. Она двинулась по направлению к Бродвею. Шона побежала следом.

— Куда ты?

— Я отказываюсь от этого дела.

— Что?!

— Ищи ему другого адвоката, Шона.

— Ты шутишь!

— И не думаю.

— Ты не можешь просто так взять и уйти.

— Как раз сейчас я это делаю.

— Это нечестно.

— Я дала слово, что он явится с повинной.

— Хрен с ним, со словом. Сейчас надо думать о Беке, а не о твоей репутации.

— Тебе — возможно.

— Ты бросаешь клиента в беде?

— Я не стану работать с человеком, который выкидывает такие штучки.

— Брось, Эстер. Ты защищала даже серийных маньяков.

Кримштейн махнула рукой:

— Разговор окончен.

— Ты просто лицемерка! Работаешь только на публику!

— Остынь, Шона.

— Тогда я пойду к твоим друзьям.

— К каким?

— К журналистам.

Эстер встала, как вкопанная.

— И что ты скажешь? Что я не стала работать с изворотливым убийцей? Прекрасно, шагай. Я вылью на твоего Бека столько дерьма, что ма-

ньяк-людоед Джеффри Дамер рядом с ним будет выглядеть невинным ягненком.

— Тебе нечего выливать, — заметила Шона.

Эстер пренебрежительно пожала плечами:

— Меня это никогда не останавливало.

Две женщины мерились злобными взглядами. Ни одна не отвела глаз.

— Ты заявляешь, что моя репутация ничего не стоит, — неожиданно мягко сказала наконец Эстер, — но, уверяю тебя, это не так. Если окружная прокуратура не будет доверять моему слову, от меня не будет толку для других клиентов. Больше того, от меня не будет толку даже для Бека. Это ведь так просто. Я не могу пустить под откос всю мою практику только потому, что твой знакомый действовал в состоянии аффекта.

Шона помотала головой:

— Убирайся с глаз моих.

— Еще два слова.

— Слушаю.

— Невиновные не ведут себя так, как твой Бек, Шона. Ставлю тысячу против одного, что именно он убил Ребекку Шейес.

— Ясно, — сказала Шона. — А вот что скажу тебе я, Эстер. Одно слово против Бека — и тебя будут ложкой соскребать с асфальта. Понятно

объясняю?

Эстер молча повернулась и шагнула прочь. И тут раздался пистолетный выстрел.

* * *

Я медленно сползал по ржавой пожарной лестнице и, услышав выстрелы, чуть не свалился вниз. Пришлось распластаться по стене, ожидая, что же будет дальше.

Еще несколько выстрелов, потом крики. Я ожидал чего-нибудь в этом роде, Тириз сказал, что подхватит меня у дома, но я никак не мог понять, как это ему удастся. Теперь кое-что начало проясняться.

Отвлекающий маневр.

— Тут белый с пистолетом! — закричал кто-то вдалеке. Ему вторили другие голоса: — Белый стреляет! Белый с пистолетом!

Снова выстрелы. И — я специально навострил уши — никаких раций. Я старался ни о чем не думать. Мозг отказывался переваривать случившееся. Три дня назад я был дипломированным врачом, уныло ведущим привычный образ жизни. С тех пор я успел увидеть привидение, получить несколько сообщений с того света, стать подозреваемым даже не в одном, а в двух убий-

ствах, сбежать от полицейских, избить одного из них и обратиться за помощью к процветающему наркодилеру.

Неплохо для семидесяти двух часов. Я чуть не засмеялся.

— Салют, док.

Я посмотрел вниз: Тириз и еще один чернокожий парень — молодой, лет двадцати, ростом чуть ли не с это здание. Здоровяк глядел на меня сквозь темные очки, которые как нельзя лучше подходили к его бандитскому лицу.

— Давайте, док, слезайте.

Я двинулся вниз. Тириз глянул вправо, влево, гигант стоял неподвижно, руки сложены на груди. На последней ступеньке я замялся, не зная, как быть дальше.

— Гляньте слева, док, там ручка.

Я потянул за рычаг, лестница скользнула вниз. Когда я ступил на землю, Тириз поморщился:

— Ну вы и воняете, док.

— Извиняюсь, душ принять не успел.

— Туда.

Тириз быстро пересек задний двор, мне пришлось бежать, чтобы не отстать от него. Громила бесшумно скользил позади, по-прежнему не поворачивая головы, хотя я мог бы поклясться — он

не упустил ничего из происходящего.

Подъехал черный «БМВ» с тонированными стеклами, выдвижной антенной и окантованным номерным знаком. Двери были закрыты, изнутри доносился рэп. Басовый ритм отдавался в груди, как камертон.

Я нахмурился.

— Машина не слишком заметная?

— Будь вы фараоном, преследующим лилейно-белого доктора, куда бы вы заглянули в последнюю очередь? — спросил Тириз.

Наверное, он был прав.

Громила открыл заднюю дверь. Музыка вырвалась наружу с силой, достойной концерта группы «Блэк саббат». Тириз жестом швейцара пригласил меня внутрь. Я сел, он скользнул следом. Громила устроился за рулем.

Я не понимал, что именно бормочет с диска рэпер, хотя какие-то слова все время повторялись.

— Это Брутус.

Тириз, несомненно, имел в виду гиганта водителя. Я попытался поймать взгляд Брутуса в зеркале, но громила по-прежнему оставался в темных очках.

— Очень приятно, — промямлил я.

Брутус и не подумал ответить.

Я вновь переключился на Тириза.

— Как ты это устроил?

— Парочка моих парней подняли пальбу в районе Сто сорок седьмой улицы.

— А полицейские их не схватят?

Тириз хрюкнул.

— Не схватят.

— Точно?

— На той улице — точно. У нас там дом один есть, номер пять, так я жильцам даю по десять баксов в месяц, чтобы они весь свой хлам сваливали прямо перед дверью. Ребята знают, как войти-выйти, а копы нет, сечете? Хороший дом, прямо для такого дельца. Парни пальнули пару раз, а пока копы там сквозь мусор продирались, они — фьють! — и уже далеко.

— А кто кричал про белого с пистолетом?

— Другие ребята. Просто носились по улице и орали, что кругом бегает белый псих.

— Теоретически я.

— Вот-вот, теоретически, — ухмыльнулся Тириз. — Хорошее, длинное слово.

Я откинул голову на спинку сиденья и почувствовал, как тело придавила невыразимая тяжесть. Брутус ехал в восточную часть города. Возле стадиона «Янки» он пересек голубой мост

— никогда не мог запомнить его названия — и въехал в Бронкс. Сначала я сидел скорчившись, чтобы меня не заметили снаружи, потом вспомнил, что стекла тонированные, и посмотрел в окно.

Натуральный ад, как в кино показывают. Знаете эти апокалипсические фильмы о ядерной войне и о том, что после нее останется? Кругом высились руины зданий, одно страшнее другого. Остовы без каких-либо внутренностей.

Мы ехали молча. Я пытался обмозговать случившееся, но голова отказывалась работать. Какая-то ее часть осознавала, что я нахожусь в состоянии, близком к шоку, остальные части отказывались даже думать об этом. Мы проехали еще немного, впечатление разрухи усилилось, казалось, здесь вообще никто никогда не жил. До клиники было всего-навсего километра три, а я в принципе не понимал, где мы находимся. Наверное, все еще в Бронксе, где-нибудь в южной части.

Порванные шины и рваные матрасы валялись прямо на середине дороги. Огромные кучи цемента возвышались в зеленой траве. По обочинам стояли полностью «раздетые» автомобили.

— Небось и не бывали здесь, док? — прищелк-

нул языком Тириз.

Я не ответил.

Брутус затормозил возле одного из полуразрушенных зданий. Я заметил даже какое-то подобие ограды в виде провисшей цепочки. Окна были забиты фанерой, на фанерной же двери болтался листок бумаги — видимо, постановление о сносе. Дверь отворилась, показался человек. Он поднял обе руки, загораживаясь от солнца, как граф Дракула, и заковылял к нам.

Мой мир разваливался на куски.

— Выходим, — объявил Тириз.

Брутус вылез первым и открыл мне дверь. Я поблагодарил его, он стоически молчал. Лицо Брутуса напоминало лица деревянных индейцев из табачных лавок, я не мог — да и не хотел — представить его улыбающимся.

Справа цепь была порвана, мы прошли туда. К нам подковылял человек из дома, Брутус напрягся, но Тириз жестом успокоил его. Он тепло поздоровался с обитателем дома, они обменялись рукопожатием и разошлись.

— Заходите, — сказал мне Тириз.

Я нырнул в дом, по-прежнему ничего не соображая. Сначала я почувствовал вонь: кислую — мочи и ни с чем не сравнимую — человеческих

фекалий. Что-то горело — знакомое, но точно не вспомнить я не сумел. А запах пота, казалось, сочился из самих стен. Было и еще что-то, аромат не смерти, но предсмертной агонии. Какой-то гангрены, словно здесь некто, уже разлагаясь, все еще продолжал жить.

В жаркой духоте, как в печи, валялись прямо на полу, может, полсотни, а может, и сотня человек, будто бревна. Было очень темно, казалось, в доме нет ни электричества, ни водопровода, ни хоть какой-нибудь мебели. Окна заколочены, только кое-где прорывались сквозь щели похожие на лезвия лучи солнца. В их свете можно было разглядеть лишь неясные силуэты и тени.

Я вдруг понял, что никогда не задумывался о том, как принимают наркотики. В клинике я получал уже готовый результат и ни разу не заинтересовался процессом. Сам-то я больше нажимал на алкоголь. Правда, сейчас даже я, при всей своей наивности, догадался, что нахожусь в наркопритоне.

— Туда, — махнул мне Тириз.

Брутус прокладывал нам дорогу между лежащими, а они расступались под его ногами, как море перед Моисеем. Я шел за Тиризом. Кругом вспыхивали огоньки трубок. Картина напомнила

мне давнишний поход в цирк «Барнум и Бэйли», где точно так же мерцали во тьме крохотные лампочки. Очень похоже. Темень. Тени. Вспышки. Никакой музыки. Никаких особых разговоров. Лишь неясное бормотание, хлюпающее посасывание трубок да изредка пронзительные, словно бы нечеловеческие, вскрики.

И стоны. Люди занимались любовью здесь же, на полу, прямо у всех на глазах, безо всякого стыда.

Одна сцена — не буду вдаваться в детали — заставила меня подпрыгнуть от ужаса. Тириз удивленно обернулся.

— У них же денег нет, — объяснил он. — Вот они собой и торгуют. За дозу.

К горлу подкатил комок, я молча глядел на Тириза. Тот пожал плечами:

— Чего вы хотите, док? Миром правят деньги.

Тириз с Брутусом двинулись дальше, я поплелся следом. Стенные перегородки вокруг были разрушены до основания. Люди — старые, молодые, черные, белые, мужчины, женщины — лежали повсюду: обессиленные, разметавшиеся по полу, как знаменитые «расплавившиеся» часы Сальвадора Дали.

— Ты сам-то балуешься, Тириз? — спросил я.

— Случалось. Подсел, когда мне было шестнадцать.

— И как же ты бросил?

Тириз ухмыльнулся:

— Видали моего кореша, Брутуса?

— Такого трудно не заметить.

— Я пообещал ему по штуке баксов в неделю, чтобы он меня удерживал от всего этого. Вот он и ходил за мной повсюду.

Я кивнул. Ничего не скажешь, способ эффективный, полезнее, чем неделя, проведенная с Бетти Форд.[19]

Брутус открыл какую-то дверь. В не слишком роскошно обставленной комнате все же имелись стол со стульями, освещение и холодильник. В углу я заметил портативный электрогенератор.

— Добро пожаловать в мой офис, — объявил Тириз.

— Брутус и сейчас тебе помогает?

Тириз мотнул головой:

— Не-а, теперь это делает Ти Джей. Понимаете, о чем я?

Я понял.

---

[19] Примечания: 19

Бетти Форд — супруга экс-президента Джеральда Форда. Она основала в США знаменитую клинику для лечения от алкоголизма и наркомании.

— И у тебя нет проблем с твоим бизнесом?

— Проблем куча, док.

Тириз сел и пригласил меня сделать то же самое. Его глаза недобро сверкнули.

— Я — один из плохих парней, док.

Я не знал, что ответить, и решил сменить тему.

— В пять часов мне надо быть в парке Вашингтон-сквер.

Тириз раскинулся на стуле.

— Объясняйте-ка толком.

— Долгая история.

Тириз вытащил пилочку и принялся полировать ногти.

— К примеру, мой мальчишка болеет. Я иду к специалисту, так?

Я кивнул.

— У вас проблемы с фараонами, тут я специалист.

— Сомнительная аналогия.

— С вами что-то хреновое стряслось, док. — Он широко раскинул руки. — Перед вами — лучший гид по здешнему миру.

Пришлось рассказать Тиризу все. Или почти все. Он слушал, кивал и, казалось, не верил, что я не убийца. Хотя ему, пожалуй, было все равно.

— О'кей, — сказал Тириз, когда я закончил. —

Сейчас мы приведем вас в порядок, а потом потолкуем еще кой о чем.

— О чем?

Тириз молча подошел к какому-то подобию металлического сейфа, вмонтированному в стену, и отпер его ключом. Вытащил пистолет.

— «Глок», бэби, «глок», — сказал он, протягивая мне оружие.

Я окаменел. Перед глазами мелькнуло и тут же растаяло воспоминание о черном и кроваво-красном. Как давно это было. Я взял пистолет двумя пальцами, будто страшился обжечься.

— Оружие чемпионов, — добавил Тириз.

Я хотел было отказаться, но подумал, что это глупо. Меня уже обвиняют в двух убийствах, нападении на представителя закона, сопротивлении при аресте и бегстве от полиции. Что в сравнении с этим банальное ношение оружия?

— Заряжен, — сказал Тириз.

— А у него есть предохранитель или что-то в этом роде?

— Уже нет.

— А! — только и сказал я.

Я медленно ощупывал пистолет, вспоминая, когда в последний раз держал в руках оружие. Приятно было вновь ощутить его тяжесть, сталь-

ной холодок ствола. Рукоятка удобно легла в ладонь. Меня даже насторожило собственное воодушевление.

— И вот еще. — Тириз сунул мне что-то вроде сотового телефона.

— Что это?

Тириз нахмурился.

— А что, по-вашему? Мобильник, конечно. Только номер у него ворованный, вас по нему никто не отследит.

Я кивнул, чувствуя себя совершенно выбитым из колеи.

Тириз махнул вправо:

— Там, за дверью, можно помыться. Душа, правда, нет, только ванна. Счищайте вашу помойку, а я пока найду что-нибудь из одежды. Потом мы с Брутусом доставим вас к Вашингтон-скверу.

— А о чем ты хотел со мной поговорить?

— Как переоденетесь, так и скажу.

27

Лицо Эрика Ву было спокойно, подбородок чуть задран вверх. Он пристально уставился на раскидистое дерево.

— Эрик? — окликнул Гэндл.

Ву не обернулся.

— Знаете, как называются такие деревья? — спросил кореец.

— Нет.

— Висельные вязы.

— Приятно слышать.

Ву улыбнулся.

— Некоторые историки утверждают, что в восемнадцатом веке в этом парке устраивались публичные казни.

— Это невероятно интересно, Эрик.

— Ага.

Мимо проехали двое раздетых по пояс мужчин на роликах. Уличный оркестр наяривал что-то знакомое. Парк Вашингтон-сквер, названный, как нетрудно догадаться, в честь Джорджа Вашингтона, был одним из тех мест, где еще пытались сохранить дух шестидесятых, хотя

попытки становились все слабее и слабее. Попадались даже разношерстные митингующие, походившие, правда, скорее на актеров, чем на революционеров. Уличные артисты упорно пытались перещеголять друг друга. Пестрая толпа бездомных казалась театральной декорацией.

— Ты уверен, что мы все оцепили? — спросил Гэндл.

Ву кивнул, не отводя глаз от дерева.

— Шесть человек в парке и двое в фургоне.

Гэндл обернулся. Неподалеку стоял белый фургон с надписью «Краски B&T», телефонным номером и симпатичным логотипом в виде человечка, похожего на символ игры «Монополия», с кистью и лестницей в руках. Если кого-нибудь попросят описать фургон, свидетель скорее всего вспомнит лишь название да, может быть, телефон.

Ни того, ни другого в реальности не существует.

Фургон припарковали на проезжей части. В Манхэттене правильно припаркованная машина вызовет гораздо больше подозрений, чем нарушитель. Тем не менее, надо держать ухо востро. Если приблизится полицейский, придется отогнать фургон на Лафайет-стрит, поменять

номера, надписи и вернуться.

— Идите-ка вы в машину, — сказал Ву.

— Думаешь, Бек сможет сюда добраться?

— Сомневаюсь.

— Я решил, что его арест заставит *ее* занервничать и выдать себя. Кто же знал, что она и так назначит ему встречу.

Один из людей, приставленных следить за Беком, кудрявый мужчина в спортивной куртке, умудрился сесть в «Кинко» рядом с доктором и подсмотреть адресованное тому сообщение. Однако к этому времени Эрик Ву уже рассовывал по дому Бека «улики».

Не страшно. Им все равно не уйти.

— Первым делом хватаем ее, а если выйдет, то и его, — приказал Гэндл. — В крайнем случае, будем стрелять. Но лучше брать живыми. Нам есть о чем потолковать.

Ву не ответил. Он все так же разглядывал дерево.

— Эрик?

— Мою мать на таком же дереве повесили, — отозвался Ву.

Гэндл замялся, не зная, что ответить, потом выдавил:

— Сочувствую.

— Ее сочли шпионкой. Шестеро мужчин разделили одну женщину догола и начали хлестать кнутами. Избивали несколько часов. Везде. Даже кожу на лице содрали, как шкурку с апельсина. И все это время она была в сознании. Кричала. Никак не могла умереть.

— Господи Иисусе, — тихо проговорил Гэндл.

— Когда все было кончено, ее повесили на большом дереве. — Эрик показал на висельный вяз. — Вроде этого. Другим в назидание, чтоб никто больше не вздумал шпионить. Птицам и зверям было чем поживиться. Через два дня только кости болтались.

Эрик нахлобучил на голову наушники и повернулся.

— Вам не стоит быть на виду, — повторил он Гэндлу.

Ларри с трудом отвел глаза от огромного вяза, кивнул и пошел к фургону.

28

Я натянул черные джинсы. Объем их талии по ширине не уступал колесу самосвала. Я обмотал все лишнее вокруг себя и, как смог, затянул ремнем. Черная футболка с эмблемой бейсбольной команды «Уайт сокс» болталась на мне, словно платьице. У черной же бейсболки с непонятным логотипом кто-то уже согнул козырек так, чтобы он закрывал лицо. Еще Тириз выдал мне темные очки, как у Брутуса.

Когда я вышел из ванной, он чуть не расхохотался.

— Неплохо выглядите, док.

— Я бы даже сказал, щегольски.

Тириз цокнул языком и покачал головой:

— Ох уж эти белые.

Внезапно лицо его стало серьезным, он протянул мне несколько листков бумаги. Взгляд выхватил заголовки «Последняя воля» и «Завещание». Я вопросительно поднял глаза.

— Это то, о чем я собирался с вами потолковать.

— О завещании?

— У меня есть план.

— Какой?

— Я занимаюсь своим бизнесом еще два года и получаю достаточно денег, чтобы увезти Ти Джея из этой дыры. Шестьдесят к сорока, что все получится.

— Что ты имеешь в виду под словом «получится»?

Тириз посмотрел мне в глаза:

— Вы знаете.

Я действительно знал. Он имел в виду, что останется в живых.

— И куда ты собрался?

Тириз протянул открытку. Солнце, море, пальмы. Открытка была изрядно потрепана, видно, ее часто рассматривали.

— Во Флориду, — задумчиво сказал Тириз. — Я знаю это место. Там тихо. У Ти Джея будет бассейн, школа хорошая. И никого, кто стал бы интересоваться, откуда у меня деньги. Понимаете, о чем я?

Я вернул ему открытку.

— Все понятно, кроме одного: я тут при чем?

— Это, — он поднял открытку, — план на тот случай, если выгорят мои шестьдесят процентов. Это, — Тириз помахал завещанием, — если пере-

весят сорок.

Я все еще не понимал.

— Полгода назад я заскочил в центр. Повидал крутого юриста, два куска за два часа берет, понимаете, о чем я? Зовут Джоэл Маркус. Если я умру, вам надо пойти к нему, вы — мой душеприказчик, или как там это называется. Я все бумаги заполнил, вам скажут, где деньги лежат.

— Почему я?

— Вы не бросите моего парнишку, док.

— А Латиша?

Он сморщился.

— Она баба, док. Как только я в ящик сыграю, она тут же другого перца найдет, понимаете, о чем я? Родит от него, а Ти Джея забросит. Еще и подсядет снова. — Тириз выпрямился и скрестил руки на груди. — Бабам нельзя верить, док, пора бы уж знать.

— Она же мать Ти Джея.

— Кто ж спорит.

— Любит его.

— Да знаю я. Только, док, она всего лишь телка, понимаете? Да оставь я ей деньги, она их за день на ветер пустит. Поэтому я открыл несколько счетов. И вы — главный распорядитель. Если она захочет взять деньги для Ти Джея, вы будете

решать. Вы и этот Джоэл Маркус.

В голове завертелись слова о сексуальной дискриминации, о неандертальском взгляде на женщину и неправильности такого подхода. Правда, я почувствовал, что они прозвучат не к месту. Я крутнулся на стуле и внимательно посмотрел на Тириза. Ему сейчас двадцать пять. Я видел стольких похожих на него. Тириз прав: для меня они всегда были одной общей массой «плохих парней».

— Тириз…

Он посмотрел в мою сторону.

— Бросай ты все свои дела прямо сейчас.

Тириз нахмурился.

— Возьми те деньги, что уже накопил. Найди нормальную работу во Флориде. Я ссужу тебе, сколько не хватит. Бери семью и уезжай отсюда.

Он отрицательно покачал головой.

— Тириз?

Он встал.

— Идемте, док. Время.

* * *

— Мы ищем его изо всех сил.

Лэнс Фейн кипел от злости, его желто-восковое лицо, казалось, сейчас растает. Димонте жевал

зубочистку. Крински что-то писал. Стоун подтягивал брюки.

Карлсон нетерпеливо глядел на только что заработавший факс.

— А что там со стрельбой? — недовольно осведомился Фейн.

Полицейский в штатском — агент Карлсон не удосужился запомнить его имя — пожал плечами.

— Никто ничего не знает. Я думаю, случайное совпадение.

— Случайное? — взвизгнул Фейн. — Вы просто некомпетентный тупица, Бенни! Они бегали по улицам и вопили о белом с пистолетом!

— Я уже сказал: никто ничего не знает.

— Надавите на них, — приказал Фейн. — Надавите как можно сильнее. Не может быть, чтобы они просто так кричали.

— Не волнуйтесь, рано или поздно мы его возьмем.

Стоун похлопал Карлсона по плечу:

— Что там у тебя, Ник?

Тот не ответил. Нахмурившись, он проглядывал пришедший факс. Агент Карлсон был аккуратен до педантизма, он слишком часто мыл руки, а уходя на работу, раз десять возвращался, чтобы

ничего не забыть. Теперь агент явно ощущал — в деле что-то не стыкуется.

— Ник!

Карлсон наконец повернулся.

— Помнишь тот ствол тридцать третьего калибра, который лежал в ячейке на имя Сары Гудхарт?

— В той, ключ от которой нашли на покойнике?

— Да.

— И что с ним не так?

Карлсон нахмурился еще больше.

— В нашей версии сплошные дыры.

— Какие еще дыры?

— Во-первых, мы решили, что ячейка на имя Сары Гудхарт была в свое время зарезервирована Элизабет Бек, верно?

— Верно.

— Кто же тогда платил за нее последние восемь лет? Вряд ли сама покойница.

— Может, ее отец? Он явно знает больше, чем говорит.

Карлсон даже не воспринял слова напарника всерьез.

— А подслушивающие устройства в доме Бека? Кто наставил ему «жучков»?

— Не знаю, — пожал плечами Стоун. — Может быть, наши из других отделов его тоже в чем-то подозревают?

— Тогда бы они уже проявились. А вот тебе рапорт по тому стволу. — Он взмахнул факсом. — Знаешь, что накопали по нашему запросу? В Бюро по контролю над алкоголем, табаком, огнестрельным оружием и взрывчатыми веществами никаких зацепок не обнаружили — слишком много времени прошло. — Бюро использовало новейшие компьютерные программы, позволяющие установить, не засветилось ли орудие преступления в других, ранее совершенных убийствах. — Зато они установили, кто был последним владельцем нашего пистолета. Угадай, кто?

Он передал факс Стоуну. Тот поискал глазами имя.

— Стивен Бек?

— Отец Дэвида Бека.

— Он ведь, по-моему, погиб?

— Да.

Стоун вернул факс Карлсону.

— Выходит, пистолет унаследовал сын. Это — оружие Бека.

— Тогда почему его жена держала пистолет запертым в ячейке, вместе с теми фотографиями?

Стоун колебался недолго.

— Может, боялась, что муж ее пристрелит?

Карлсон снова нахмурился.

— Мы что-то упускаем.

— Слушай, Ник, не усложняй. У нас достаточно улик, чтобы привлечь Бека за убийство Шейес. Нам и этого вполне хватит. Забудь про Элизабет Бек.

Карлсон удивленно поглядел на Стоуна:

— Как это — забудь?

Стоун откашлялся и развел руками.

— Подумай сам. Посадить Бека за убийство Шейес — раз плюнуть. А тому случаю уже восемь лет. У нас, конечно, есть пара зацепок, но его будут судить не по этому делу. Слишком много времени прошло. Возможно, — Стоун театрально вздохнул, — лучше не бередить прошлое.

— О чем ты говоришь?

Стоун подвинулся к Карлсону и заставил его нагнуться.

— Кое-кто в нашей конторе не хочет, чтобы мы копали слишком глубоко.

— Кто же?

— Не важно, Ник. Мы ведь все делаем общее дело, правда? Если мы сейчас выясним, что Киллрой не убивал Элизабет Бек, то просто зря

разворошим муравейник, вот и все. Его адвокат, не дай Бог, потребует пересмотра дела…

— Киллроя так и не обвинили в убийстве Элизабет Бек.

— Списали-то ее на него. Оставь все как есть, Ник. Так будет спокойней.

— Мне не нужно спокойствие. Мне нужна правда.

— Нам всем нужна правда, Ник. Однако еще больше нам нужна справедливость. Бек получит пожизненное за Ребекку Шейес, Киллрой останется в тюрьме. Все будет так, как должно быть.

— Том, у нас везде сплошные дыры.

— Ты толкуешь об этих дырах, а я не вижу ни одной. Ты же сам выдвинул версию о том, что Бек убил свою жену.

— Точно. Жену. А не Ребекку Шейес.

— Не понимаю, о чем ты.

— Между двумя убийствами — сплошные нестыковки.

— Шутишь? Одно к другому подходит — лучше некуда. Шейес что-то знала. Мы начали копать. Беку пришлось заставить ее заткнуться.

Карлсон продолжал хмуриться.

— Что тебе не нравится? — продолжал Стоун. — Думаешь, то, что Бек вчера заглянул к ней

в студию сразу после нашего с ним разговора, чистое совпадение?

— Нет, — ответил Карлсон.

— Тогда что, Ник? Разве ты не видишь: убийство Шейес совершенно логично.

— Слишком логично, — упрямо сказал Карлсон.

— Опять ты за свое!

— Ответь мне на один вопрос, Том. Насколько тщательно Бек организовал и подготовил убийство своей жены?

— Невероятно тщательно.

— Совершенно верно. Он убрал всех свидетелей, он избавился от тел. Если бы не дожди и не тот медведь, мы бы никогда ничего не узнали. Да и сейчас мы мало что можем доказать, больше догадываемся.

— Согласен, и что?

— То, что теперь Бек, согласно нашей версии, ведет себя по-идиотски. Он знает, что мы висим у него на хвосте. Он знает, что ассистент Ребекки Шейес подтвердит, что видел его в студии незадолго до убийства. Так зачем же ему прятать оружие у себя в гараже? Зачем выбрасывать перчатки в ближайшую к дому урну? Он что, свихнулся? Как ты это объяснишь?

— Легко, — сказал Стоун. — В тот раз у него было полно времени, чтобы разработать план. А сейчас он спешил.

— А это ты видел?

Карлсон протянул Стоуну рапорт сотрудника, до недавнего времени следившего за Беком, и пояснил:

— Бек утром ездил к медэксперту. Спрашивается: зачем?

— Не знаю. Может, хотел удостовериться, что в результатах вскрытия нет против него никаких улик.

Карлсон оставался хмурым. Ему снова захотелось вымыть руки.

— Мы что-то упускаем, Том.

— Я этого не замечаю. Ладно, в любом случае мы должны поймать его, а там и разберемся.

Стоун направился к Фейну. Карлсон остался лелеять свои сомнения. Он пытался понять, зачем Бек ездил к медэксперту. Потом достал телефон, тщательно вытер его носовым платком и нажал несколько кнопок. Когда ему ответили, попросил:

— Соедините меня, пожалуйста, с медицинским экспертом округа Сассекс.

24

Давным-давно, десять лет назад, одна из ее подруг жила в отеле «Челси» на Сорок второй улице. Там обитали и приезжие, и ньюйоркцы — каждый со своими закидонами. Художники, писатели, студенты всех мастей и расцветок, отвязанные любители метадона.[20] Лица белили, а ногти красили в черный, расчесывали прямые, как палки, волосы, щедро мазали губы кроваво-красной помадой — тогда это считалось круто.

За прошедшие годы мало что изменилось. Хорошее место для того, кто хочет остаться незамеченным.

Наскоро перехватив кусок пиццы прямо на улице, напротив отеля, она засела у себя в номере и уже не высовывала оттуда носа. Нью-Йорк. Когда-то этот город был ее домом. За последние восемь лет она приехала сюда всего второй раз.

И ужасно по нему скучала.

Она умело заправила волосы под парик, выбрав на сегодня белый с темными корнями. Очки в

---

[20] Примечания: 20

Метадон — наркотик группы опиатов, получаемый синтетическим путем.

проволочной оправе и специальные вставки за щеки до неузнаваемости изменили лицо.

Руки дрожали.

Два билета на самолет лежали на кухонном столе. Сегодня рейсом сто сорок семь компании «Бритиш эйруэйз» они вылетят из аэропорта Кеннеди и приземлятся в лондонском аэропорту Хитроу, где ее человек встретит их с новыми паспортами. Затем — поездом до Гэтвика, а оттуда снова самолетом — в Кению, в Найроби. Там прилетевших будет ждать джип, который доставит их к подножию горы Меру в Танзании, откуда придется идти пешком целых три дня.

И только там, в одном из немногих мест на этой земле, где нет ни радио, ни телевидения, ни даже электричества, они станут наконец свободными.

Билеты были на имя Лизы Шерман и Дэвида Бека.

Она посмотрела на себя в зеркало и придирчиво поправила парик. Отражение расплылось, на какой-то момент она вновь ощутила себя на озере. В сердце затеплилась надежда, и впервые она не сделала ничего, чтобы притушить этот слабый огонек. Улыбнулась и отошла от зеркала.

Спустилась в вестибюль и, выйдя из отеля, повернула направо, на Двадцать третью улицу.

Вашингтон-сквер был довольно далеко отсюда.

* * *

Тириз и Брутус высадили меня на углу Лафайет и Восточной Четвертой, в четырех кварталах от парка. Я хорошо знал эти места. Когда-то Элизабет и Ребекка снимали квартиру недалеко отсюда, в районе Уэст-Виллидж. Девочки чувствовали себя невероятно продвинутыми и богемными: светский фотограф и начинающий юрист в окружении таких же детишек из богатых пригородов, воображающих себя революционерами. Я, честно говоря, не воспринимал их всерьез, но игру охотно поддерживал.

Сам я в то время учился в Колумбийской медицинской школе и, хотя формально проживал на Хейвен-авеню, недалеко от больницы, которая сейчас носит название Нью-Йоркской пресвитерианской, на деле большую часть суток проводил здесь.

Хорошее было времечко.

До встречи осталось полтора часа.

Я двинулся вниз по Восточной Четвертой улице в сторону Нью-Йоркского университета. Университет занимает изрядный кусок здешних мест и старается, чтобы все об этом знали. Он украсил

чуть ли не каждый угол ярко-фиолетовыми флажками со своей эмблемой. Страшные как смерть, эти флажки болтаются на кирпичных зданиях Гринвич-Виллидж. Слишком уж самонадеянно и настырно, на мой взгляд, для столь светского заведения. Но что есть, то есть.

Сердце вновь заколотилось, будто птица в клетке.

Неужели она и впрямь придет?

Я старался не торопиться и отрешиться от того, что может случиться или не случиться в ближайший час.

Свежие царапины чесались и горели. Случайно поймав в витрине свое отражение, я отметил, что в новом одеянии выгляжу по-идиотски. Нечто вроде гангстера-первоклашки.

Штаны сползали. Я старался незаметно подтягивать их одной рукой, не сбавляя шага.

Может быть, Элизабет уже там?

Вот и парк. Юго-восточная его часть примерно в квартале отсюда. В воздухе слышалось какое-то шуршание, возможно, поднимался ветер, а скорее всего, просто играли мое воображение да взвинченные нервы. Я шел, опустив голову. Интересно, мою фотографию уже показали по телевизору? Может, даже прервали передачи

срочным сообщением? Скорее всего, нет. Однако глаза на всякий случай лучше не поднимать.

Я ускорил шаг. Летом Вашингтон-сквер всегда казался мне слишком шумным. Чрезмерная активность и выглядевшая какой-то натужной веселость даже вызывали раздражение. Мое любимое место — игровые столы, около которых всегда толпился народ. Иногда я играл тут в шахматы. Играю я, не побоюсь сказать, неплохо, и все же в парке этого явно недостаточно. Богатые и бедные, белые и чернокожие, бездомные и жители престижных районов — все равны перед древними черными и белыми фигурами. Лучший игрок, какого я когда-либо здесь видел, проводил большую часть дня, бегая по проезжей части со щеткой для мытья машин в руках и пытаясь вытрясти из автомобилистов немного мелочи.

Элизабет еще не пришла.

Я занял место на скамейке.

Осталось пятнадцать минут.

Напряжение в груди возрастало. В жизни мне не было так страшно. Я вспомнил Шону с ее цифровой фотографией. А если и впрямь мистификация? Если Элизабет все-таки мертва? Как же я буду жить?

«Глупости, — одернул я себя. — Пустая трата

сил. Она жива, и точка. Без вариантов».

Я уселся поудобнее и начал ждать.

* * *

— Он здесь, — сообщил по телефону Эрик Ву.

Ларри Гэндл выглянул из тонированного окна фургона. Дэвид Бек сидел на том самом месте, где они и ожидали, одетый как уличный панк. На лице его алели царапины и цвели синяки.

Гэндл покачал головой:

— Понять не могу, как ему удалось сюда прорваться.

— Мы легко можем спросить у него самого, — сказал Ву своим монотонным голосом.

— Надо быть как никогда осторожным, Эрик.

— Разумеется.

— Все на местах?

— Конечно.

Гэндл взглянул на часы:

— Она появится с минуты на минуту.

* * *

Самой внушительной постройкой между улицами Салливан и Томпсон была башня из бурого кирпича, возвышавшаяся в южной части парка

Вашингтон-сквер. Большинство людей считают, что эта башня — часть мемориальной церкви Джадсон. На самом деле все не так. Уже около двух десятилетий в башне расположены общежитие для студентов и некоторые административные отделы Нью-Йоркского университета. Каждый, кто притворится, будто идет по делу, может с легкостью попасть наверх.

Отсюда прекрасно виден весь парк. Она посмотрела вниз и заплакала.

Бек пришел. Он был одет в самый идиотский наряд, какой только можно вообразить. С другой стороны, она ведь сама предупреждала, что за ним могут следить. Вот он сидит на скамейке — одинокий, напряженный, правая нога нервно подрагивает. С Дэвидом всегда так, когда он волнуется.

— Ах, Бек…

Боль и отчаяние в ее голосе.

Что же она наделала?

Как все глупо…

Ей пришлось заставить себя отвернуться. Ноги задрожали, она сползла на пол, прижавшись спиной к кирпичной стене башни. Бек пришел на ее зов.

И *они* пришли тоже.

Нет сомнений. Она заметила как минимум троих. На самом деле их, конечно, больше. И фургон. Она позвонила по номеру, указанному на боку машины. Никто не ответил. Проверила название фирмы «Краски B&T». Такой фирмы не существовало.

Ее план раскрыт. Несмотря на предосторожности, они все поняли и пришли.

Она закрыла глаза. Глупо. Как глупо было думать, будто у нее что-то выйдет. Как она осмелилась даже надеяться? Тоска победила здравый смысл. Она наивно убедила себя, что найденные на озере трупы — некий знак судьбы, призыв к действию, тогда как на самом деле это лишь очередной виток той страшной истории.

Глупо.

Она выпрямилась и разрешила себе еще раз взглянуть на Бека. Сердце стукнуло тяжело, как камень о стену. Отсюда он казался таким маленьким, несчастным и одиноким. Привык ли Бек к тому, что ее нет в живых? Скорее всего. Наладил ли какую-то свою, отдельную от нее жизнь?

Вероятно. И наладил, выходит, только для того, чтобы теперь она по глупости перевернула все вверх тормашками?

Получается, да.

Из глаз снова полились слезы.

Она вытащила из кармана билеты на самолет. Готовность. Ее козырем всегда была готовность к любым неожиданностям, иначе она бы не выжила. Поэтому она и запланировала их встречу здесь, в полном народу парке, где знала каждый уголок и таким образом получала преимущество над теми, кто попытался бы ей помешать.

Даже самой себе она не признавалась, что возможность… нет, слабая надежда встретиться все же существовала.

Теперь и ее нет.

Захлопнулась, если вообще была, узкая лазейка к счастью.

Пора идти. Одной. И на этот раз — навсегда.

Интересно, как отреагирует Бек, когда поймет, что она уже не появится? Будет ли терзать компьютер в тщетной надежде получить еще одно сообщение? Всматриваться в лица прохожих, надеясь увидеть ее лицо? Или просто забудет обо всем и станет жить дальше? И чего ей больше хочется — чтобы он забыл или чтобы помнил?

Не важно. Сейчас главное — спасение. В первую очередь его спасение. Выбора нет. Пора идти.

С трудом отвела она взгляд от фигуры на скамейке и поспешила вниз по лестнице. Она выйдет

через запасный выход прямо на Западную Третью улицу так, что ей не придется даже показываться в парке. Толкнув тяжелую металлическую дверь, она вышла на улицу Салливан и поймала такси.

Села на заднее сиденье и закрыла глаза.

— Куда? — спросил водитель.

— Аэропорт Кеннеди.

30

Прошло уже слишком много времени.

Я терпеливо сидел на скамейке и ждал. От скуки глядел на знаменитую мраморную арку, спроектированную якобы Стэнфордом Уайтом, известным архитектором начала XX века, который в свое время влюбился в пятнадцатилетнюю девочку и убил из ревности соперника. Я в его авторство не верил. Как можно спроектировать что-то, уже сделанное другими? Ведь не секрет, что эта арка — почти точный слепок с Триумфальной арки в Париже. Ньюйоркцы восхищаются сооружением, которое, по сути дела, является не более, чем копией. Никогда не понимал почему.

Теперь нельзя даже дотронуться до арки. Для защиты от «мастеров граффити» ее огородили цепью, очень похожей на ту, что я недавно видел в Южном Бронксе. В парке вообще полно оград, почти все газоны окружены заборчиками, иногда даже двойными.

Где же Элизабет?

Кругом разгуливали голуби, полные чувства собственного достоинства и поэтому напоми-

навшие политических деятелей. Некоторые подходили, поклевывали мои кеды и разочарованно поднимали глаза, будто удивляясь, что они несъедобны.

— Здесь Тай обычно сидит.

Голос принадлежал одетому в отрепья бездомному, сидевшему напротив меня.

— А, — сказал я.

— Он их кормит. Они его любят.

— А, — повторил я.

— Из-за этого они и собрались. Не то чтобы вы им нравитесь, они просто думают, вдруг вы — Тай. Или его знакомый.

— Угу.

Я посмотрел на часы. Прошло уже почти два часа. Она не появилась. Что-то не так. Я опять засомневался — не разыграл ли кто меня? — но отогнал такие мысли прочь. Лучше продолжать верить, что сообщения пришли от Элизабет. Если же все-таки розыгрыш, это рано или поздно выяснится.

Что бы ни случилось, я люблю тебя.

Вот что говорилось в сообщении. Что бы ни случилось. Выходит, что-то могло случиться. Что-то могло пойти не так. То есть теперь я должен отбросить надежду и жить дальше.

Черта с два!

Странное чувство. Да, меня загнали в угол. За мной охотится полиция. Я на грани помешательства, измучен, избит и при этом чувствую себя гораздо сильнее, чем все предыдущие годы. Не знаю почему. Знаю только, что теперь я не позволю этому чувству уйти. Только Элизабет знала о часе поцелуя, Бэтледи, «Тинейджерах-секспуделях». Следовательно, писала мне именно она. Или тот, кто заставил ее все рассказать. В любом случае, она жива. Я принял это, как данность. У меня просто не было другого выхода.

Итак, что дальше?

Я вытащил свой новый мобильник. Поскреб в задумчивости подбородок, и вдруг меня осенило. Я нажал несколько кнопок. Сосед напротив, все это время читавший газету, бросил в мою сторону чересчур острый, как показалось, взгляд. Не нравится мне это. Осторожность никогда не помешает. Я поднялся со скамейки и отошел туда, где он уже не мог меня слышать.

— Алло, — услышал я голос Шоны.

— Телефон старого Тедди, — сказал я.

— Бек? Какого черта…

— Три минуты.

Я отключился. Скорее всего, телефон Линды и

Шоны прослушивается и полиция будет ловить каждое наше слово. Но этажом ниже живет пожилой вдовец по имени Теодор Мэлоун. Шона и Линда приглядывают за ним, у них есть ключи от его квартиры. Я позвоню туда. Ни фэбээровцы, ни полицейские не успеют поставить жучки на его телефон. Во всяком случае, за три минуты.

Я набрал номер.

Шона, прерывисто дыша, схватила трубку.

— Да!

— Поможешь мне?

— Ты хоть представляешь, что здесь творится?

— Думаю, на меня открыта большая охота.

Я все еще чувствовал странное спокойствие, видимо, от собственной наглости.

— Бек, ты должен объявиться.

— Я никого не убивал.

— Я-то знаю. И все же, пока ты скрываешься…

— Ты поможешь или нет? — перебил я.

— Говори, что делать.

— Время смерти уже установлено?

— Около полуночи. С натяжкой, однако рассчитали, что ты мог уйти из дому, как только я уехала.

— Прекрасно. Тогда сделай кое-что.

— Что именно?

— Во-первых, выведи Хлою на прогулку.

— Собаку?

— Да.

— Зачем?

— Просто потому, — объяснил я, — что ей надо погулять.

* * *

— Он звонит по телефону, мой человек не смог его подслушать, — объявил Эрик Ву в телефонную трубку.

— Бек что, срисовал твоего парня?

— Возможно.

— А вдруг он прямо сейчас отменяет встречу?

Эрик не ответил. Он внимательно наблюдал, как доктор Бек спрятал сотовый в карман и двинулся через парк.

— У нас проблема, — сказал Ву.

— Какая?

— Похоже, он вообще уходит.

На другом конце линии воцарилось молчание. Ву спокойно ждал.

— Мы уже его теряли, — рассуждал Гэндл.

Ву молча ждал.

— Мы не можем рисковать, Эрик, — решительно сказал Гэндл. — Хватай его. Хватай, выясняй

все, что он знает, и кончай с этим.

Эрик кивнул, глядя в сторону фургона, и двинулся за Беком.

— Будет сделано.

* * *

Я миновал статую Гарибальди, обнажающего меч. Странно, у меня уже сложился план действий. Оставим Киллроя на потом, сейчас это не важно. А вот ПФ из ежедневника Элизабет — загадочный ПФ, оказавшийся Питером Флэннери, юристом, специализирующимся на случаях некачественной медицинской помощи, — дело другое. Пора навестить его контору и немножко с ним поболтать. Я не имел ни малейшего понятия, что именно собираюсь выяснить. Да и не важно: главное — делать хоть что-нибудь, а там посмотрим.

Справа показалась детская площадка, детей на ней было совсем немного. Зато слева, на площадке для собак, наоборот, резвилось множество наряженных в разноцветные одежки псов. На открытой сцене два человека показывали фокусы. Я миновал группу одетых в пончо студентов, полукругом рассевшихся на газоне. Справа меня обогнал молодой человек с азиатским типом

лица и добела выкрашенными волосами. Он был сложен как Терминатор из одноименного фильма. Я оглянулся. Тип, читавший газету на скамейке, исчез.

Очень странно.

Он пробыл там почти столько же, сколько я. А теперь, просидев несколько часов, решил уйти одновременно со мной. Совпадение? Может быть…

Остерегайся слежки…

Так говорилось в сообщении. Даже не добавлено «возможной» или «вероятной» слежки. Похоже, отправитель был точно уверен, что слежка неизбежна. Я обдумывал это на ходу. Невозможно. Любой хвост потерял бы меня после того, что случилось сегодня.

Тип с газетой не мог проследить за мной. Во всяком случае, не представляю себе, как бы он это сделал.

А не могли они перехватить сообщение?

Каким образом? Я стер его. Я даже не пользовался своим компьютером.

Когда я пересек западную часть парка и уже шагнул на тротуар, на мое плечо легла чья-то ладонь. Сначала прикосновение было мягким, будто ко мне, шутя, подкрался старый друг. Я

обернулся и успел с удивлением осознать, что меня остановил азиат с выбеленными волосами.

Потом он стиснул мое плечо.

31

Его пальцы впились в плечевой сустав, как копья.

Боль — безумная боль — охватила левую сторону тела. Ноги подогнулись. Я попытался закричать или вырваться, но не смог даже шевельнуться. К нам, маневрируя, подъехал белый фургон. Скользнув, открылась боковая дверь. Азиат передвинул пальцы с плеча на шею и сжал ее с двух сторон. У меня глаза на лоб полезли. Другой рукой похититель что-то такое сотворил с моей спиной, от чего я сложился пополам, а затем почувствовал, как меня запихивают в машину.

Из фургона показались чьи-то руки, втянувшие меня внутрь. Я рухнул на металлический пол. Никаких сидений. Дверь закрылась. Фургон снова влился в поток машин.

Все похищение — с мгновения, когда я ощутил руку на плече, до момента, когда тронулся фургон, — заняло секунд пять.

Пистолет!

Я попытался залезть в карман, когда кто-то наступил мне на спину. Руки тоже прижали, а

секунду спустя левую пристегнули наручниками к выступу на полу и рывком перевернули меня на спину, чуть не выдернув плечо из сустава. Я увидел, что похитителей двое: белые, лет тридцати. Я хорошо разглядел обоих. Слишком хорошо: при случае я мог бы их легко опознать, и они не могли не понимать этого.

Плохой знак.

Вторую руку тоже приковали, и я оказался растянут на полу, как цыпленок. Похитители сели мне на ноги. Теперь я потерял всякую возможность сопротивляться.

— Чего вы хотите? — спросил я.

Никто не ответил. Фургон притормозил на углу, качок-азиат скользнул внутрь, и мы снова тронулись. Он наклонился, рассматривая меня с легким любопытством.

— Что вы делали в парке? — осведомился азиат.

Странно, я ожидал какого-нибудь рычания, угроз, а этот тип говорил мягким и высоким, похожим на детский, голоском.

— Кто вы? — спросил я.

Он двинул меня кулаком в живот. Да так здорово, что я готов был поклясться: костяшки его пальцев пробили меня насквозь и коснулись

пола. Я хотел откатиться или хотя бы свернуться в клубок, но с прикованными руками и двумя головорезами на ногах об этом не могло быть и речи. Воздуха. Хоть немного воздуха. Меня сейчас стошнит.

Остерегайся слежки…

Все предосторожности — сообщения без подписи, предостережения, слова, известные только нам, — вдруг обрели смысл. Элизабет боялась. У меня не было ответов на все вопросы, да, честно говоря, ни на один не было. Я понял только, что за ее шифровками стоял страх. Страх быть пойманной.

Пойманной вот этими самыми людьми.

Я задыхался, каждая клеточка моего тела вопила: «Воздуха!» Наконец азиат кивнул остальным, и они освободили мне ноги. Я тут же подтянул колени к груди и попытался хоть немного вздохнуть, извиваясь, будто эпилептик. Постепенно это удалось. Азиат опустился на колени. Я, не мигая, смотрел ему в глаза. Во всяком случае, старался. Впечатление было, словно в ответ на меня глядит не человек и даже не животное, а нечто неодушевленное. Если бы у офисной мебели были глаза, она бы смотрела именно так.

И все-таки я не моргнул.

Мой мучитель тоже был молод, лет двадцати, максимум двадцати пяти. Приложив два пальца к внутренней стороне моей руки, прямо над локтем, он вновь спросил своим мелодичным голоском:

— Что вы делали в парке?

— Мне нравится там гулять, — ответил я.

Его пальцы прошили мою плоть и впились прямо в нервный узел. Я взвыл, глаза снова выкатились. Я и не знал, что бывает такая боль. Она пронзала все тело. Задергавшись, как рыба на крючке, я попытался лягнуть азиата ногой. Не вышло: ноги валялись на полу, как две резиновые ленты. Опять перехватило дыхание.

Он не отстанет.

Я ожидал, что похититель уберет руку или хотя бы ослабит хватку. Он и не собирался. Изо рта вырвалось короткое тихое повизгивание. Азиат скучающе глядел на мои мучения.

Фургон ехал. Я пытался ослабить боль, разбить ее на интервалы. Не получалось. Нужна передышка, хотя бы на секунду. Освободит же он меня когда-нибудь! Но азиат сидел, как каменный, и смотрел в никуда своими пустыми глазами. В голове застучал пульс, горло сжалось. Я не смог бы ответить на его вопрос, даже если бы захотел.

И он это знал.

Прекратить боль. Единственное, о чем я мог думать. Любой ценой прекратить боль. Все мое существо, казалось, сфокусировалось на нервном узле чуть повыше локтя. Тело горело огнем, пульс в голове стучал все громче.

За секунду до того, как мой мозг, казалось, взорвется, он ослабил хватку. Я снова застонал, на этот раз облегченно. Увы, передышка оказалась короткой. Рука похитителя поползла по животу и остановилась.

— Что вы делали в парке?

Я лихорадочно попытался изобрести какое-нибудь более-менее правдоподобное вранье и не успел. Глубоко запуская руку, азиат нажал мне на живот, и боль вернулась, став еще сильнее. Его пальцы вонзились в печень, как штыки, я безвольно извивался на полу. Рот распахнулся в беззвучном крике, голова моталась взад-вперед. Во время одного из этих вынужденных кивков я увидел затылок водителя. Фургон как раз остановился, видимо, на светофоре, шофер глядел на дорогу прямо перед собой. А потом все случилось очень быстро.

Я увидел, как водитель повернул голову, словно услышал шум. Только поздно: что-то стукнуло его

слева, и он рухнул, как подкошенный. Передняя дверь открылась.

— Руки вверх, быстро!

Я увидел пистолеты. Два. Нацеленные внутрь фургона. Азиат убрал пальцы. Я остался лежать без движения.

За дулами пистолетов я смог рассмотреть знакомые лица и чуть не заорал от радости.

Тириз и Брутус.

Один из белых шевельнулся. Тириз, не раздумывая, выстрелил. Грудная клетка его жертвы будто взорвалась. Человек упал на спину с открытыми глазами. Мертв. Никаких сомнений. Впереди, приходя в себя, застонал водитель. Брутус, не оборачиваясь, двинул его локтем в лицо. Водитель тут же затих снова.

Оставшийся белый поднял руки вверх. Мой восточный палач даже не изменил выражения лица и глядел на все происходящее как бы издалека, не поднимая и не опуская рук. Брутус сел на место водителя и включил зажигание. Тириз направил пистолет прямо на азиата.

— Снимите с него наручники, — приказал он.

Белый посмотрел на азиата. Тот кивнул. Белый освободил меня. Я попытался сесть. Ощущение было такое, словно внутри у меня что-то

разбилось и острые осколки вонзились во внутренности.

— Все нормально? — спросил Тириз.

Я ухитрился кивнуть.

— Укокошить их?

Я повернулся к белому:

— Кто вас нанял?

Белый опять взглянул на азиата. Я сделал то же самое.

— Кто вас нанял? — повторил я ему свой вопрос.

Азиат наконец улыбнулся, что, впрочем, не изменило выражения его глаз. И снова все случилось очень быстро.

Я не успел заметить, когда желтый Терминатор поднял руки. Лишь ощутил, как он схватил меня за шкирку и кинул прямо на Тириза. Я взвился в воздух, отчаянно лягаясь ногами, будто это могло остановить мое тело. Тириз осознал, что происходит, но отодвинуться уже не смог. Я приземлился прямо на него и попытался как можно скорее откатиться в сторону. Но к тому времени, как мы распутались, азиат уже испарился, скрывшись через боковую дверь.

— Чертов Брюс Ли, весь на стероидах, — сказал Тириз.

Я снова кивнул.

Водитель опять завозился. Брутус занес кулак, однако Тириз остановил его.

— Эти двое не знают ни хрена, — сказал он мне.

— Я понял.

— Пришить их, или пусть гуляют?

Как будто это было одно и то же, вроде как монетку кинуть.

— Пусть гуляют, — решил я.

Брутус доехал до безлюдного квартала, видимо, где-то в Бронксе, я точно не знаю. Оставшийся в живых белый выскочил сам, второго, вместе с водителем, выволок Брутус и бросил у обочины, как старый хлам. Мы двинулись дальше. Несколько минут все молчали.

Тириз закинул руки за голову и развалился на сиденье.

— Здорово, что мы поблизости ошивались, а, док?

В ответ на это «заявление тысячелетия» я смог только кивнуть.

32

Результаты экспертиз хранились в архиве в Лэйтоне, Нью-Джерси, недалеко от границы с Пенсильванией. Специальный агент Ник Карлсон прибыл туда в нерабочее время. Он жутко, до зубовного скрежета, ненавидел склады. Открыты круглые сутки, никакой охраны, только маленькая камера на входе… Одному Господу известно, что могут скрывать эти бетонные стены. Карлсон знал о наркотиках, деньгах и контрабанде всех сортов и, честно говоря, мало переживал по этому поводу. А вот один случай врезался ему в память: несколько лет назад в таком вот здании заперли похищенного нефтяного магната. Человек задохнулся. Карлсон присутствовал при обнаружении тела. С тех пор, оказываясь на складе, он опасался, что где-то здесь, всего в метре от него, томятся несчастные пленники, потерянные, прикованные наручниками, тщетно взывающие о помощи.

Люди часто говорят о жестокости этого мира. Они даже не подозревают, насколько он жесток на самом деле.

Тимоти Харпер, окружной медэксперт, вышел из похожего на гараж помещения, держа в руках коричневый, перетянутый резинкой конверт. На конверте стояло имя Элизабет Бек.

— Нужно расписаться, — сказал он Карлсону.

Карлсон послушно подписал разрешение.

— Бек не сказал вам, зачем ему эти документы?

— Он назвался безутешным супругом, говорил что-то о фотографиях, больше ничего… — Харпер пожал плечами.

— А о вскрытии он вас расспрашивал?

— Так, задавал какие-то общие вопросы.

— Какие именно?

Харпер поразмыслил немного.

— Спрашивал, помню ли я, кто именно опознал тело.

— А вы вспомнили?

— Сначала — нет, потом — да.

— И кто же?

— Отец убитой. Потом Бек спросил, много ли ему понадобилось времени.

— Кому? На что?

— Отцу, на опознание.

— Странный вопрос. Зачем Беку эта информация?

— Честно говоря, я сам не понял. Он хотел выяснить, как скоро его тесть идентифицировал тело: сразу или через некоторое время.

— Для чего он хотел это выяснить?

— Вот уж не знаю.

Карлсон попытался хоть как-то объяснить услышанное. Не получилось.

— И что вы ему ответили?

— Правду. Что я не помню. Что, вероятно, все было, как обычно, а то бы я насторожился.

— Что-то еще?

— Нет, вроде нет. Послушайте, если мы закончили, мне надо идти — у нас тут двое мальчишек вмазались на «цивике» в телефонную будку.

Карлсон сжал документы в руке.

— Да, — сказал он. — Закончили. Если вы мне еще понадобитесь, где вас найти?

— Я буду у себя в офисе.

* * *

«Питер Флэннери, адвокат» — было набрано выцветшими золотыми буквами на поцарапанной стеклянной двери. В стекле зияла дыра размером с кулак, которую кто-то заклеил скотчем. Судя по виду скотча, лет ему было немало.

Я по-прежнему прятался за козырьком кеп-

ки. После «беседы» с азиатом нещадно болели внутренности. Мое имя звучало на всех радиостанциях вкупе с обещаниями каких угодно снисхождений в обмен на явку с повинной. Я официально числился в розыске.

К такому быстро не привыкнешь. И все-таки, несмотря на беды, я чувствовал невероятный подъем, будто все плохое происходило не со мной, а с кем-то лишь смутно мне знакомым. Я, сидящий тут, не переживал. У меня была одна цель — найти Элизабет, остальное казалось нереальным, как в театре.

Тириз вошел со мной. В приемной ожидало около полудюжины человек. У двоих на шеях гипсовые воротники. Еще у одного в руках птичья клетка. Для чего — понятия не имею. Никто не потрудился взглянуть на нас, очередь будто прикинула, стоим ли мы того, чтобы поднять глаза, и решила, что нет, не стоим.

Секретарша посмотрела на нас брезгливо, как на собачье дерьмо в траве. На голове у нее красовался на редкость отвратительный парик.

Я спросил, можно ли видеть Питера Флэннери.

— У него клиент.

Казалось, секретарша вот-вот надует пузырь из жвачки.

Тириз выступил вперед и жестом фокусника достал из кармана скрученную трубочкой пачку денег толщиной с мое запястье.

— Передайте вашему начальнику, что за нами не задержится, — ухмыльнулся он. — А если он примет нас прямо сейчас, так и вам перепадет.

Через две минуты мы входили в святая святых юридической конторы мистера Флэннери. В кабинете пахло сигарами и лимонным освежителем. Стояла мебель типа той, что вы можете найти в крупных универмагах — дешевая подделка под дуб и красное дерево, залапанная до черноты. На стенах не было дипломов, лишь сомнительные сертификаты, призванные, видимо, впечатлить легковерных посетителей. Один из них, в частности, сообщал, что хозяин кабинета состоит в Международной ассоциации дегустаторов вин. Другой доводил до вашего сведения, что Флэннери присутствовал на Лонг-айлендской официальной конференции в 1996 году. Большое дело. Висели тут и выцветшие фото молодого Флэннери с какими-то, надо полагать, то ли звездами, то ли политиками. Я не узнал ни одного. Венчали экспозицию фотографии улыбающегося Флэннери с клюшкой для гольфа в руках.

— Прошу вас, джентльмены, — повел рукой

адвокат. — Садитесь.

Я принял предложение. Тириз привалился к стене, скрестив руки на груди.

— Итак, — начал Флэннери, выплюнув слово, как комок жвачки, — чем я могу вам помочь?

Питер Флэннери напоминал усохшего атлета. Его некогда золотые локоны выцвели и поредели, черты лица расплылись. Он был одет в вискозный костюм-тройку — я таких сто лет уже не видел, — из кармана пиджака свисала золоченая цепочка от часов.

— У меня к вам несколько вопросов по давнему случаю, — сказал я.

Глаза Флэннери, еще не до конца потерявшие юношескую голубизну, уставились на меня. На столе я заметил фотографию самого Питера с толстой женщиной и неуклюжей девочкой-подростком лет четырнадцати. Все трое напряженно улыбались, я бы даже сказал — морщились, будто собирались чихнуть.

— Давнему случаю? — переспросил мой собеседник.

— Моя жена посетила вас восемь лет назад. Мне нужно знать зачем.

Адвокат бросил быстрый взгляд на Тириза. Тот стоял неподвижно, скрестив руки на груди и

спрятав глаза за темными стеклами.

— Я не понял. Вы что, разводились?

— Нет.

— Тогда… — Флэннери шутливо поднял руки вверх и пожал плечами. — Принцип конфиденциальности. Неразглашение информации клиента. Боюсь, я не смогу вам помочь.

— Думаю, моя жена не была вашей клиенткой.

— Вы совсем запутали меня, мистер… — Он выжидательно замолчал.

— Бек, — закончил я. — Не мистер. Доктор.

Когда я назвал имя, подбородок Флэннери дрогнул. Я забеспокоился, не в курсе ли он последних новостей. Нет, тут что-то другое.

— Мою жену звали Элизабет.

Флэннери молчал.

— Вы ведь помните ее?

Он опять задумчиво поглядел на Тириза.

— Она была вашей клиенткой, мистер Флэннери?

Юрист откашлялся.

— Нет.

— Но все-таки приходила сюда?

Флэннери завозился в кресле.

— Да.

— О чем вы говорили?

— Это было так давно, доктор Бек.

— Не может быть, чтобы вы вообще ничего не помнили.

Флэннери не ответил напрямую.

— Вашу жену ведь убили, верно? — начал он издалека. — Я помню, что-то такое было в газетах…

Я попытался вернуться к своему вопросу.

— Зачем она к вам приходила?

— Я — адвокат, — напыщенно произнес Флэннери.

— Только не ее.

— И все же, — с намеком в голосе продолжил Флэннери, — мое время небесплатно. — Он кашлянул в кулак. — Если не ошибаюсь, речь шла о кое-какой компенсации.

Я оглянулся через плечо. Тириз уже подходил к столу, доставая деньги и отсчитывая купюры. Он положил перед Флэннери трех Бенджаминов Франклинов, многозначительно блеснул темными очками и отступил на свое место.

Флэннери, не притрагиваясь, оглядел деньги. Затем сложил вместе сначала кончики пальцев, а потом ладони целиком и сказал:

— Допустим, я откажусь вам отвечать?

— Не понимаю почему, — возразил я. — Разве вы давали подписку о неразглашении?

— Я не об этом, — ответил Флэннери. Его глаза впились в мои. — Вы любили свою жену, доктор Бек?

— Очень.

— И не женились повторно?

— Нет. При чем тут это?

Он откинулся на спинку кресла.

— Уходите. Забирайте свои деньги и уходите.

— Нет. Этот вопрос очень важен для меня, мистер Флэннери.

— А вот этого я не понимаю. Ее нет в живых уже восемь лет. Убийца давно сидит в тюрьме.

— Что ж такое вы боитесь мне сообщить?

Флэннери ответил не сразу. Тириз вновь отлепился от стены и шагнул к столу. Флэннери смерил его взглядом и неожиданно для меня устало вздохнул.

— Сделайте любезность, — попросил он, — не давите на психику, хорошо? Здесь бывали головорезы, рядом с которыми вы — просто Мэри Поппинс.

Тириз угрожающе наклонился. Это не возымело действия. Я окликнул его по имени и, когда он обернулся, помотал головой. Тириз разочарованно вернулся обратно. Флэннери просто тянет время. Пусть. Я могу позволить себе подождать.

— Вам и самому не захочется этого знать, — после долгой паузы заявил адвокат.

— Захочется.

— Мой рассказ не вернет вам жену.

— Может, и вернет.

Последние слова привлекли внимание Флэннери. Сперва он нахмурился, а потом лицо его смягчилось.

Адвокат отъехал в кресле чуть-чуть назад и в сторону и уставился на занавески, столь мятые и пожелтевшие, словно их не меняли со времен слушаний по «Уотергейту». Потом сложил руки на объемистом брюшке, которое приподнималось и опадало в такт его дыханию.

— В то время я был государственным защитником, — начал он. — Знаете, что это такое?

— Вы защищали неимущих, — сказал я.

— Примерно так. Согласно «правам Миранды»,[21] если обвиняемый не может позволить себе нанять адвоката, его назначат. Вот меня и назначали.

Я кивнул. Флэннери не заметил этого, он все

---

[21] Примечания: 21

Права лица, подозреваемого в совершении преступления, которыми оно обладает при задержании и которые ему должны быть разъяснены при аресте до начала допроса. Были сформулированы Верховным судом США в деле «Миранда против штата Аризона».

еще разглядывал занавески.

— Однажды я должен был защищать подозреваемого в одном из самых громких убийств на территории штата.

В животе у меня похолодело.

— Кого убили? — спросил я.

— Брэндона Скоупа. Сына миллиардера. Помните тот случай?

Я застыл от ужаса. Дыхание перехватило. Неудивительно, что фамилия Флэннери показалась мне знакомой. Брэндон Скоуп. Я чуть не замотал головой. Не потому, что не помнил то громкое дело, а потому, что не хотел, чтобы Флэннери повторял имя убитого.

Это случилось восемь лет назад. Да, именно восемь лет. Месяца за два до смерти Элизабет. Для ясности дела позвольте вкратце пересказать то, что писали тогда газеты: Брэндон Скоуп, тридцати трех лет, был ограблен и убит. Его убили двумя выстрелами, а потом выбросили у недостроенного здания в Гарлеме. Деньги, которые он имел при себе, исчезли. Газетчики залились слезами и запели покойному дифирамбы. Писали о благотворительной деятельности Брэндона, о том, как он помогал нищим, бездомным и уличным детям, а ведь мог бы спокойно работать в папочкиной

корпорации и горя не знать. Что-то вроде этого. Это было одно из тех убийств, что «всколыхнули нацию» и привели к многочисленным обвинениям и выяснениям отношений. Скоуп-старший основал благотворительный фонд имени сына, который возглавила моя сестра Линда. Трудно переоценить то добро, которое она сделала на этом посту.

— Помню, — мягко сказал я.

— А в курсе вы, кого арестовали?

— Уличного паренька, — припомнил я. — Одного из тех, кому он помогал, так?

— Точно. Арестовали Хелио Гонсалеса. На тот момент ему было двадцать два года, обитал он в Баркер-Хаус, в Гарлеме, и имел нехилый послужной список: грабеж, поджог, вооруженное нападение и так далее. Просто луч света во мраке — наш мистер Гонсалес.

У меня пересохло во рту.

— Обвинение в конце концов провалилось? — спросил я.

— Да. На него много не накопали. Отпечатки пальцев — так там и других было полно. Правда, в доме Гонсалеса обнаружили несколько волосков Скоупа и даже пятнышко крови, подходящее по группе. Но, поскольку Брэндон бывал в этом

доме раньше, защита могла напирать на то, что это не улики. Правда, для ареста и этого было достаточно, а потом могло всплыть и что-то еще.

— Так почему его отпустили?

Флэннери не отводил взгляда от занавесок. Мне это не понравилось. Такие типы обычно живут в мире начищенных туфель и фальшивых улыбок. Я знал людей подобного сорта. Никогда не имел с ними ничего общего, но знать — знал.

— Полиция максимально точно установила время смерти. По температуре тела эксперт вычислил, что Скоупа убили в районе одиннадцати. Плюс-минус полчаса.

— И при чем тут моя жена?

Флэннери опять сплел кончики пальцев.

— Ваша жена тоже работала с бедными. В одной организации с убитым.

Я не знал, к чему он клонит, однако чувствовал: мне это и в самом деле не понравится. На какое-то мгновение я заколебался: уж не послушаться ли Флэннери? Просто встать сейчас со стула, уйти и забыть все, как страшный сон.

— И что из этого? — спросил я.

— Это благородно, — кивая головой, объяснил Флэннери. — Спасать обездоленных.

— Рад слышать.

— Именно поэтому я пошел в свое время в юристы. Хотел помогать нуждающимся.

Я сглотнул и выпрямился.

— Вы расскажете наконец, при чем тут моя жена?

— Она его освободила.

— Кого?

— Моего клиента. Хелио Гонсалеса. Ваша жена его освободила.

Я нахмурился.

— Каким образом?

— Обеспечила ему алиби.

Я застыл. Перестало биться сердце, остановилось дыхание. Я чуть не стукнул себя в грудь, чтобы заставить легкие заработать.

— Как? — спросил я.

— Как она обеспечила ему алиби? — уточнил адвокат.

Я медленно кивнул, хотя он по-прежнему не смотрел на меня. Пришлось выдавить слабое:

— Да.

— Просто, — ответил Флэннери. — В ночь убийства ваша жена и Хелио были вместе.

Все поплыло перед глазами, меня будто качнула волна, в голове застучало.

— А как же газеты? Об этом ничего не писали.

— Да, мы сумели сохранить все в секрете.

— Зачем?

— По просьбе вашей жены. Да и полиция не хотела шумихи из-за ареста невиновного. Поэтому историю постарались замять. Плюс ко всему показания вашей жены потребовали… м-м-м… уточнений.

— Каких еще уточнений?

— Сперва она кое-что присочинила.

В голове грохот. Все плывет, я качаюсь и тону. Выныриваю. Грохот.

— Что именно?

— Ваша жена утверждала, что в момент убийства они с Гонсалесом находились в офисе благотворительной организации. Якобы она консультировала парня по поводу поисков работы. Никто, естественно, на это не купился.

— Почему?

Флэннери скептически вздернул бровь.

— Консультации в одиннадцать часов ночи?

Я обалдело кивнул.

— Поэтому, как адвокат мистера Гонсалеса, — рассказывал Флэннери, — я напомнил вашей жене, что полиция обязательно проверит алиби. Что в помещении благотворительной организации, где она работает, стоит камера слежения,

которая фиксирует приходы-уходы сотрудников и посетителей. Тут ей и пришлось признаться.

Он замолк.

— Продолжайте, — сказал я.

— По-моему, все и так ясно.

— И тем не менее?..

Флэннери пожал плечами.

— Она хотела избежать огласки, спасти от позора себя и, видимо, вас. Именно поэтому она настояла на полной секретности. Ваша жена, доктор Бек, была у Гонсалеса дома. К тому времени она спала с ним уже два месяца.

Я остался сидеть, как сидел. Все молчали. Невдалеке попискивала какая-то птица. Наверное, та, в клетке, в приемной. Я поднялся на ноги, Тириз отступил на шаг.

— Спасибо за помощь, — сказал я самым вежливым голосом.

Флэннери учтиво кивнул занавескам.

— Это неправда, — сообщил я ему.

Он не ответил. Да я и не ждал ответа.

33

Детектив Карлсон сел в машину. И хотя его галстук по-прежнему был тщательно заколот, он позволил себе снять пиджак и повесить его на деревянные плечики, а те, в свою очередь, на крючок над задним сиденьем. Кондиционер гудел громко и старательно. Карлсон прочитал надпись на конверте: «Элизабет Бек, дело номер 94-87002».

Пальцы аккуратно стянули резинку. Сыщик открыл конверт и разложил содержимое по пассажирскому сиденью.

Что же пытался обнаружить доктор Бек?

Предположение Стоуна, что Бек хотел изъять возможные улики, вполне логично. Оно идеально подходит к теории, которую сам же Карлсон и выдвинул. Он первым заметил, что в убийстве Элизабет Бек все не так просто, как кажется. Что истинным автором «похищения» молодой женщины мог быть ее собственный муж.

Что же его смущает?

Многочисленные дыры, которые, как видел теперь Карлсон, зияют в его теории. Правда, Стоун

совершенно верно возразил, что идеальных расследований просто не бывает. Везде случаются нестыковки. Если все слишком хорошо совпадает, значит, вы что-то упускаете.

Почему же Карлсон сомневается в виновности Бека?

Наверное, как раз потому, что версия выглядит слишком уж аккуратной, доказательства и улики так и выстраиваются ровными рядами, полностью ее подтверждая. А может быть, сработала пресловутая интуиция, хотя Карлсон и не верил в подобные методы. Интуиция нужна ленивым, тем, кто вместо сбора доказательств и выкапывания фактов рассчитывает на столь эфемерные вещи. Самые бездарные сыщики, каких только знал в своей жизни Карлсон, полагались на так называемую интуицию.

Он прочел первый лист. Общие сведения. Элизабет Паркер Бек. Адрес, дата рождения (так, погибла в возрасте двадцати пяти лет), женского пола, европейского типа, рост — метр семьдесят пять, вес — сорок пять килограммов. Худощавого телосложения. Поверхностный осмотр показал, что трупное окоченение уже прошло. Характерные признаки позволили установить, что смерть произошла около трех суток назад. Причиной

смерти стало ножевое ранение в грудь. Смерть наступила в результате кровопотери из-за повреждения правой аорты. Кроме того, на руках и ногах убитой были найдены ножевые раны; жертва предположительно защищалась от нападавшего.

Карлсон вытащил блокнот и ручку фирмы «Монблан». Написал: «Защищалась от нападавшего???» — и несколько раз подчеркнул. Ножевые ранения. Не похоже на почерк Киллроя. Тот издевался над своими жертвами — связывал веревкой, вытворял что хотел, а когда они вконец ослабевали, убивал.

Почему же у Элизабет Бек хватило сил защищаться?

Теперь второй лист. Карлсон прочел про цвет волос и глаз и, дойдя до середины страницы, застыл, удивленный.

Преступник заклеймил свою жертву посмертно.

Карлсон перечитал заинтересовавшую его строчку. Занес в блокнот и подчеркнул слово «посмертно». Нелогично. Киллрой всегда клеймил женщин еще живыми. На суде немало говорилось о том, как ему нравился запах горящей плоти, как наслаждался он криками жертвы.

Сперва ножевые ранения, теперь — вот это. Что-то явно не сходится.

Карлсон снял очки и устало потер глаза. Он ненавидел неразбериху. Да, кое-какие нестыковки бывают всегда, но в этом деле они превратились в зияющие дыры. С одной стороны, результаты вскрытия подтверждали, что убийство Элизабет Бек было лишь замаскировано под работу Киллроя. С другой — те же результаты порождали новые загадки.

Агент попытался продумать все заново, шаг за шагом. Во-первых, почему Бек так рвался увидеть эти записи? Очевидного ответа не было. Любой прочитавший результаты вскрытия понял бы, что Элизабет, скорее всего, убил вовсе не Киллрой. Но ведь этого не докажешь.

Серийные убийцы, несмотря на то, что пишут в газетах, тоже меняют привычки. Киллрой просто мог захотеть чего-нибудь новенького. И все-таки прочитанное наводит на размышления.

И самый важный вопрос: почему никто не заметил этих нестыковок раньше?

Карлсон перебрал возможные ответы. Киллроя никогда не привлекали за убийство Элизабет Бек. Теперь ясно почему. Те, кто расследовал дело, видимо, почувствовали его несоответствие

почерку Киллроя. А скрыли этот факт потому, что он сыграл бы на руку адвокатам преступника. Главная трудность в суде над серийным убийцей в том, что сеть, раскинутая обвинением, слишком широка, хоть что-то, да выскользнет. Все, что нужно защите, — это вцепиться в один спорный случай, камня на камне от него не оставить, а там и другим уже никто не поверит. Поэтому, не располагая добровольным признанием, вы не предъявляете обвинения сразу, а действуете шаг за шагом. Поэтому те, кто занимался этим делом, решили замолчать обстоятельства убийства Элизабет Бек.

Однако тут возникает следующий вопрос.

Отец и дядя убитой, оба полицейские, опознали тело. И тот, и другой, скорее всего, читали результаты вскрытия. Неужели они не поразились такому количеству несоответствий? Неужели позволили убийце остаться безнаказанным лишь для того, чтобы не разрушать обвинение Киллроя? Сомнительно.

И что из этого следует?

Карлсон перебрал оставшиеся бумажки и наткнулся на очередную загадку. Струя воздуха из кондиционера показалась вдруг слишком холодной, Карлсон приоткрыл окно и вытащил

ключи из замка зажигания. Один из документов сообщал, что, согласно результатам экспертизы, в крови Элизабет Бек были обнаружены наркотики: кокаин и героин. Более того: следы тех же веществ были найдены в волосах и мягких тканях, что указывало на более чем постоянное употребление.

Скажете, это на нее похоже?

Размышления Карлсона прервал звонок мобильника.

— Слушаю.

— У нас есть кое-что новенькое, — радостно заявил Стоун.

Карлсон отложил документы.

— Что?

— Бек зарезервировал место на рейс в Лондон из аэропорта Кеннеди. Вылет через два часа.

— Еду.

* * *

Мы вышли из кабинета, и Тириз положил мне руку на плечо.

— Суки они все, — сочувственно подытожил он. — Я ж говорю: нельзя им верить.

Я предпочел не отвечать.

Меня удивило, как быстро Тириз сумел отыс-

кать Хелио Гонсалеса. С другой стороны, почему уличная сеть связи должна быть развита хуже, чем все остальные? Попросите торговца из крупной фирмы связаться с представителем фирмы-партнера, и ему потребуется всего несколько минут. Попросите меня организовать консультацию любого другого врача в пределах штата — мне понадобится лишь один телефонный звонок. Думаю, у гангстеров то же самое.

Хелио только что вышел на свободу после очередной четырехлетней отсидки за вооруженный грабеж. Выглядел он соответственно. Неизменные темные очки, на голове непонятно что, белая футболка и фланелевая рубашка, застегнутая только на одну, верхнюю, пуговицу. Казалось, у Хелио за спиной развеваются крылья, словно у летучей мыши. Рукава рубашки были закатаны так, что открывали тюремные наколки и вздувающиеся под ними гранитные глыбы мускулов. В мускулах, заработанных в тюрьме, есть нечто, что коренным образом отличает их от избалованных и надутых собратьев, накачанных в спортклубах.

Мы сидели на открытой веранде где-то в Куинси, где точно — сказать не могу. Рядом гремела музыка — в груди отдавался ритм латиноаме-

риканской мелодии. Мимо прошествовала темноволосая девица в слишком обтягивающем топике-«лапше». Тириз кивнул мне. Я посмотрел на Хелио. Тот противно ухмыльнулся. Я подумал, что этого типа можно охарактеризовать одним словом — подонок. Законченный, циничный подонок. Глядя на такого, вы понимаете: он так и будет катиться от преступления к преступлению, вопрос лишь в том, когда это кончится. Мысль с моей стороны не слишком-то гуманная. Я вдруг сообразил, что с первого взгляда то же самое можно сказать и про Тириза. Неважно. Элизабет могла верить в то, что даже подобные типы могут исправиться. И я старался так думать.

— Несколько лет назад вас арестовали за убийство Брэндона Скоупа, — начал я. — Затем отпустили. Я не причиню вам никаких неприятностей, хочу задать лишь один вопрос.

Хелио снял очки и обратил на Тириза тяжелый взгляд.

— Ты что, копа ко мне приволок?

— Полиция тут ни при чем. Я — муж Элизабет Бек.

Я подождал его реакции. Не дождался. Пришлось пояснить:

— Это женщина, которая обеспечила вам али-

би.

— Знаю я, кто она.

— Тогда скажите: вы правда были вместе во время убийства?

Хелио долго молчал.

— Ага, — протянул он наконец, скаля на меня пожелтевшие зубы. — Всю ночь.

— Ерунда, — заявил я.

Хелио снова перевел взгляд на Тириза:

— Чего этот чувак ко мне прискребывается?

— Мне нужно знать правду, — упрямо повторил я.

— По-вашему выходит, я, что ли, кокнул этого Скоупа?

— Нет. Я знаю, что не вы.

Это собеседника удивило.

— Тогда чего вам надо?

— Чтобы вы кое-что подтвердили.

Хелио молча ждал.

— Моя жена была у вас в ту ночь? Да или нет?

— А что вы хотите услышать?

— Правду.

— А если она и в самом деле была?

— Сомневаюсь.

— С чего это вы так уверены?

— Скажи ему то, что он хочет знать, — вмешал-

ся Тириз.

Хелио опять помолчал. Потом произнес:

— Все было, как в ее показаниях, ясно? Мы с ней всю ночь кувыркались, нравится вам это или нет.

Я посмотрел на Тириза:

— Оставь нас одних на секунду. Пожалуйста.

Тириз кивнул, встал и пошел к машине. Привалился к задней двери, скрестив руки на груди, Брутус рядом. Я снова заговорил с Хелио:

— Где вы познакомились с моей женой?

— В центре, где она работала.

— Элизабет пыталась вам помочь?

Он пожал плечами, не глядя на меня.

— Вы знали Брэндона Скоупа?

В глазах Хелио промелькнуло что-то, похожее на страх.

— Пойду я отсюда…

— Здесь только вы и я. Диктофона у меня нет, можете обыскать.

— Вы хотите, чтобы я сам отказался от собственного алиби?

— Да.

— И зачем мне это нужно?

— Потому что кто-то убивает всех причастных к тому делу. Прошлой ночью в собственной студии

погибла подруга моей жены. Сегодня меня чуть не похитили, хорошо, Тириз помешал бандитам. Элизабет тоже хотят убить.

— Я думал, ее давно убили.

— Это долгая история, Хелио. Если я не выясню, кто за этим стоит, нам всем крышка.

Не знаю, преувеличил я или нет. В тот момент меня это не волновало.

— Где вы были в ту ночь?

— С ней.

— Могу доказать, что вы врете.

— Как?

— В тот день Элизабет была в Атлантик-Сити. В качестве доказательства у меня есть ее старый ежедневник. Ваше алиби растворится как сон, Хелио. И я это сделаю. Я точно знаю, что убийство Брэндона Скоупа — не ваших рук дело. Но если вы мне не поможете, я сделаю все, чтобы вас за него посадили. Говорите правду, и останетесь на свободе.

Блеф. Откровенный, наглый блеф. Однако он возымел действие.

— Не убивал я этого придурка, честно.

— Знаю, — повторил я.

Хелио напряженно раздумывал.

— Понятия не имею, зачем она это сделала,

ясно?

Я кивнул, подбадривая его.

— В ту ночь я обчистил дом на Форт-Ли. Конечно, это не алиби. Вот я и решил, что сидеть мне за убийство. А она меня вытащила.

— А вы не спросили почему?

Он потряс головой.

— Я просто пустился наутек. Мне адвокат передал, что она наговорила. Я, конечно, подтвердил. Меня тут же выпустили.

— С тех пор вы не встречались с Элизабет?

— Нет. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — С чего вы так уверены, что она со мной не спала?

— Я знаю свою жену.

Хелио усмехнулся:

— Думаете, она вас никогда не дурачила?

Я не ответил.

Он поднялся со стула.

— Передайте Тиризу, что с него причитается.

Хелио прищелкнул языком, повернулся и ушел.

34

Багажа у нее никакого, билет заказан через Интернет. Это хорошо — его проверит машина, а не служащий аэропорта. Она сидела на блестящем пластиковом стуле в зале ожидания, не сводя глаз с электронного табло, на котором вот-вот должен был высветиться номер ее рейса.

За окном стелилась взлетная полоса. Телевизор показывал новости Си-эн-эн. «Последние события в мире спорта», — бодро возвестил диктор. Она мысленно перенеслась на пять лет назад, в Индию, в небольшую деревушку неподалеку от Гоа. В остальном настоящая дыра, деревушка была знаменита тем, что в ней жил столетний йог. Когда-то он пытался научить ее технике медитации, правильному дыханию, умению расслабляться. У нее выходило не очень хорошо. Правда, временами она ныряла в какую-то черноту, но в большинстве случаев в этой черноте рядом с ней оказывался Бек.

Куда теперь податься? Выбора нет, она вынуждена бежать. В этом — спасение. Здесь поднялся ненужный шум, и необходимо скрыться, что-

бы другие смогли его унять. Больше ничего не остается, за ней погоня. Она была чертовски осторожна, однако, оказалось, *они* все еще следят. Даже спустя восемь лет.

Какой-то малыш подбежал к окну и звонко шлепнул по стеклу ладонями. Запыхавшийся отец догнал шалуна и со смехом подхватил его на руки. Она вздохнула, подумав о том, что у них тоже могли бы быть… Справа сидела пожилая пара, муж и жена о чем-то болтали в ожидании рейса. Подростками они с Беком часто встречали мистера и миссис Штейнберг, которые рука об руку каждый вечер прогуливались по Даунинг-плейс. Их дети давно вылетели из гнезда, и старики жили только друг другом. Бек всегда говорил про них: «Посмотри! Вот шагает наше будущее». Миссис Штейнберг умерла, когда ей было восемьдесят два. Мистер Штейнберг, всегда отличавшийся отменным здоровьем, пережил ее на месяц. Говорят, такое случается, когда два сердца бьются в унисон. Уходит один — и другой следует за ним. Интересно, они с Беком подходят под это определение?

Они не прожили вместе шестьдесят два года, как Штейнберги, но если осознать, что свою жизнь помнишь отчетливо лет этак с пяти, а уже

с семи они с Беком были неразлучны, если вспомнить, что у каждого из них вряд ли наберется много воспоминаний, не связанных с другим, если подсчитать не просто годы, проведенные вместе, а то, какую часть жизни они практически не расставались, станет ясно — они срослись между собой теснее, чем та пожилая пара.

Она повернулась и посмотрела на экран. Возле надписи «Рейс 174» замигала лампочка.

Объявили посадку.

* * *

Карлсон и Стоун в сопровождении Димонте и Крински навестили менеджера «Бритиш эйруэйз» — женщину в сине-белой форме с галстучком. На бейджике стояло имя «Эмили».

— Такой не регистрировался, — с забавным акцентом сообщила она.

Димонте выругался. Крински пожал плечами. Неудивительно: Бек виртуозно уходил от погони весь день. Трудно было ожидать, будто он окажется настолько глуп, что полетит под своим именем.

— Все без толку, — подытожил Димонте.

Карлсон, по-прежнему сжимавший в руке документы из архива, спросил Эмили:

— Кто у вас лучший специалист по компьютерам?

— Надеюсь, что я, — с горделивой улыбкой ответила та.

— Вы можете открыть на экране заказ Бека?

Эмили легко выполнила просьбу.

— Когда он сделан?

— Три дня назад.

— Вон еще когда собрался бежать. Сукин сын, — прокомментировал Димонте.

Карлсон покачал головой:

— Не думаю.

— Почему?

— По нашей версии, он убил Ребекку Шейес, чтобы замести следы. Зачем, если он все равно собирался улетать? Для чего оставлять за собой лишнее убийство? И чего он ждал целых три дня?

— Ник, ты перемудрил, — заметил Стоун.

— Мы что-то упускаем, — который раз повторил Карлсон. — Во-первых, почему он вообще собрался бежать?

— Потому что мы его прижали.

— Три дня назад он даже не знал о нашем существовании.

— Может, Бек чувствовал, что мы вот-вот по-

явимся.

Карлсон нахмурился.

Димонте повернулся к Крински:

— Пустая трата времени. Пошли-ка отсюда. — Он взглянул на Карлсона. — Мы оставим парочку наших людей на всякий случай.

Карлсон рассеянно кивнул. Когда полицейские удалились, он спросил Эмили:

— Наш клиент должен был лететь один или с попутчиками?

Эмили нажала несколько клавиш.

— Заказ на одного.

— Где он заказал билет? В кассе? По телефону? В турагентстве?

— Не в турагентстве, это точно, а то была бы пометка, что мы должны заплатить им комиссионные. Заказ сделан напрямую.

«И тут глухо», — подумал Карлсон.

— А как оплачен заказ? — задал он очередной вопрос.

— Кредитной картой.

— Могу я записать ее номер?

Эмили продиктовала цифры. Карлсон передал записку Стоуну. Тот отрицательно покачал головой:

— Кредитка не его. Во всяком случае, не из тех,

которые мы знаем.

— Проверь, что за номер.

Стоун уже доставал мобильный.

Карлсон потер подбородок.

— Вы сказали, он заказал билет три дня назад.

— Совершенно верно.

— А время заказа уточнить можете?

— Да, конечно. Компьютер всегда отмечает время. Вот, пожалуйста, восемнадцать часов четырнадцать минут.

Карлсон кивнул:

— Прекрасно. А теперь посмотрите, пожалуйста, кто еще заказывал билеты примерно в это же время.

Эмили задумалась.

— Я никогда такого не делала, — сказала она. — Подождите, сейчас попробуем.

Она застучала по клавишам. Подождала. Стукнула еще несколько раз.

— К сожалению, компьютер выдает информацию только по имени заказчика, а не по дате и времени.

— Но в принципе такие данные существуют?

— Да. Сейчас, еще минутку.

Клавиши опять защелкали.

— Мы можем просмотреть все заказы на этот

день. Я выведу их на экран по пятьдесят штук сразу. Так будет быстрее.

Первые пятьдесят записей дали им супружескую пару, которая сделала заказ в тот же день, только часом позже. Не то. Вторые пятьдесят оказались пустышкой. В третий раз они сорвали банк.

— Лиза Шерман, — объявила Эмили. — Заказала билет в тот же день, на восемь минут позже вашего клиента.

Сама по себе информация еще ни о чем не говорила, однако Карлсон почувствовал, как волоски на коже стали дыбом.

— О, вот это интересно, — добавила Эмили.

— Что?

— Ее место.

— И что с ним?

— Мисс Шерман должна сидеть рядом с Дэвидом Беком. Семнадцатый ряд, места «E» и «F».

Вот это в точку.

— Она уже зарегистрировалась?

Щелканье клавиш. Экран поменял надписи.

— Да. Судя по времени, она как раз садится в самолет.

* * *

Она приготовила кошелек и встала. Походка была твердой, голова высоко поднята. Парик, очки, вставки за щеки создавали облик Лизы Шерман, который совпадал с фотографией в паспорте.

Она прошла уже четыре турникета, когда услышала позывные срочного сообщения Си-эн-эн, машинально взглянула на экран и застыла, пораженная. В нее тут же врезался человек, кативший сумку-тележку. Он раздраженно взмахнул рукой, она не заметила, уставившись в телевизор.

Ведущая начала читать сообщение, в правом верхнем углу экрана появились две фотографии: ее старой подруги, фотографа Ребекки Шейес, и… Бека!

Она рванулась поближе к телевизору. Под фотографиями красными буквами загорелось: «Смерть в студии».

«…в убийстве подозревается доктор Бек.
Впервые ли он совершил преступление?
Предоставим слово Джеку Тернеру».

Ведущая исчезла. Вместо нее появились два

человека с полицейскими эмблемами на куртках. Они выкатывали носилки, на которых лежал черный пластиковый мешок с телом убитой. Увидев на экране здание, она едва сдержала стон. Восемь лет. Восемь лет прошло, а Ребекка снимала все ту же студию.

Репортаж продолжил мужской голос, принадлежавший, по-видимому, Джеку Тернеру:

> «Смерть известного нью-йоркского фотографа таит в себе немало загадок. Ребекку Шейес нашли в фотолаборатории ее собственной студии убитой двумя выстрелами в голову с близкого расстояния».

На экране возникла фотография смеющейся Ребекки.

> «В убийстве подозревается старый друг Ребекки доктор Дэвид Бек, педиатр».

Фотография Бека, хмурого, с поджатыми губами. При взгляде на него у нее закружилась голова.

> «Сегодня утром Бек сбежал из-под аре-

ста, а позже напал на полицейского. Он объявлен в розыск, вооружен и очень опасен. Если вы можете сообщить какие-либо данные о его местонахождении, звоните…»

Засветились желтые цифры телефонных номеров. Джек Тернер продиктовал цифры вслух и продолжил:

«Особенно загадочной эту историю делает информация, просочившаяся к нам из Федерального бюро расследований. Дело в том, что имя доктора Бека связано со смертью двух человек, чьи тела недавно были найдены в Пенсильвании, в летней резиденции семьи Бека. А самое удивительное, что, помимо всего прочего, он подозревается в случившемся восемь лет назад похищении собственной жены, Элизабет».

На экране появилась фотография девушки, которая показалась ей лишь смутно знакомой. Ее старая фотография. Внезапно она почувствовала себя голой и беззащитной. К счастью, фото быстро исчезло с экрана, а вернувшаяся ведущая

спросила:

«– Скажите, Джек, правда ли, что Элизабет Бек считалась убитой серийным маньяком Элроем Келлертоном, больше известным под кличкой Киллрой?

– Да, Тереза. Власти пока молчат на эту тему, официальных заявлений еще не было; как я уже говорил, информация поступила к нам из наших собственных источников.

– А каким мог быть мотив убийства Ребекки, Джек?

– Еще не знаем. Говорят, что между ними мог существовать любовный треугольник. Мисс Шейес недавно вышла замуж за Гари Лэмонта, который пока отказывается давать нам интервью. Повторяю, это всего лишь догадка».

Слезы потекли по ее лицу.

«– А доктор Бек все еще в розыске?

– Да, Тереза. Полиция просит каждого, кто что-нибудь знает о нем, оказать содействие в розысках, но советует отказаться от мысли действовать самостоятельно.

Повторяю: преступник опасен».

Дальше пошли другие новости. Болтовня. Пустая болтовня.

Она опустила глаза. Ребекка… Господи, почему Ребекка? И ведь только что вышла замуж! Наверное, покупала платья и чайные сервизы, все, над чем они, бывало, хохотали, считая мещанством. Как? Как Ребекка оказалась связана со всей этой историей? Она же ничего не знала!

Почему они ее убили?

«Что же я наделала?» — вспыхнуло в голове.

Вернулась, вот что. Они узнали. Как? Проще некуда. Следили за близкими ей людьми. Дура. Подставила под удар всех, кого любила. Расшевелила осиное гнездо. Доигралась: лучшая подруга убита.

«Заканчивается посадка на рейс сто семьдесят четыре „Бритиш эйруэйз“ до Лондона».

Некогда лить слезы и бить себя в грудь. Надо что-то делать. Все, кого она любит, в опасности. Бек — и этим объяснялось его нелепое одеяние — в розыске. Против него поднялись слишком могущественные силы. Если они решили обвинить его в убийстве, ему не выкрутиться.

Она не может просто взять и скрыться. Только

не сейчас. Нельзя бросать Бека в беде.

Она повернулась и бросилась к выходу.

* * *

Когда Питер Флэннери увидел наконец выпуск новостей, он снял телефонную трубку и позвонил своему приятелю, полицейскому.

— Кто ведет расследование по делу Бека?

— Фейн.

«Еще тот козел», — подумал Флэннери, а вслух произнес:

— Видел я сегодня вашего беглеца.

— Дэвида Бека?

— Да. Приходил ко мне в контору.

— Зачем?

Флэннери отъехал назад на своем кресле.

— Соедини-ка меня лучше с Фейном.

35

С наступлением ночи Тириз нашел мне пристанище в доме родственников Латиши. Мы надеялись, что полиция не докопается до нашего с ним знакомства, однако зачем рисковать?

Тириз подключил свой ноутбук, и я проверил почту, надеясь найти очередное анонимное сообщение. Ничего. На всякий случай зашел на «Bigfoot». Тоже пусто.

С тех самых пор, как мы покинули офис Флэннери, Тириз с интересом поглядывал на меня и вот решился:

— Можно спросить вас кой о чем, док?

— Валяй.

— Когда этот тип, адвокат, вспомнил про убийство того парня, как его…

— Брэндона Скоупа, — напомнил я.

— Точно. Вы выглядели так, будто вас по башке чем-то тяжелым треснули.

— И ты хочешь знать почему?

Тириз кивнул.

— Я знал Брэндона Скоупа. Они с Элизабет вместе работали в благотворительном обществе.

Мой отец рос, а потом работал вместе с его отцом. В свое время он даже обучал Брэндона.

— Ага, — произнес Тириз. — И все?

— А что, этого недостаточно?

Тириз молчал. Я повернулся и встретил его пристальный взгляд. Мне показалось, он проник в самые темные закоулки моей души. К счастью, это впечатление быстро рассеялось.

— Какие планы? — спросил Тириз.

— Позвоню кое-куда. Ты уверен, что звонки не отследят?

— Не могу представить как. Знаете что, давайте свяжемся еще через один номер. Это будет надежней.

Я кивнул. Набрал цифры, названные Тиризом, и продиктовал какому-то незнакомцу нужный мне номер. Тириз двинулся к двери.

— Пойду гляну, как там Ти Джей. Через час вернусь.

— Тириз!

Он обернулся. Мне хотелось поблагодарить его, но как это сделать, я не знал. Тириз понял.

— Не стоит, док. Вы мне нужны. Для моего мальчишки, ясно?

Я снова кивнул. Он вышел. Я взглянул на часы, прежде чем перезвонить Шоне на сотовый. Она

схватила трубку:

— Алло?

— Как Хлоя? — спросил я.

— Замечательно.

— Далеко вы гуляли?

— Не близко. Километра три-четыре отшагали, если не все пять.

Какое же облегчение я почувствовал!

— И что теперь…

Я хмыкнул и разъединился. Перезвонил своему невидимому помощнику, надиктовав очередные цифры. Он пробурчал, что не нанимался работать оператором, и все-таки соединил.

— Что? — рявкнула Эстер Кримштейн так, что трубка едва не разлетелась.

— Это Бек, — быстро заговорил я. — Ваш телефон защищен или нас могут подслушать?

Эстер заколебалась.

— Можете говорить, это безопасно, — пробормотала она.

— У меня была причина для побега.

— Убийство?

— Что?

Опять молчание. Потом голос:

— Простите, Бек. Я ужасно вымотана. Я просто взбесилась, когда вы сбежали, наговорила Шоне

кучу гадостей и отказалась вас защищать.

— И слушать не хочу, — заявил я. — Вы нужны мне, Эстер.

— Я не буду помогать вам прятаться.

— А я и не прошу. Правда, я собираюсь защищаться только на моих условиях.

— Вы не в том положении, чтобы диктовать условия, Бек. Вам светит тюрьма. Теперь никто не согласится отпустить вас под залог.

— Предположим, у меня есть доказательство, что я не убивал Ребекку Шейес.

Удивленная тишина.

— А оно у вас есть?

— Да.

— Какое же?

— Железное алиби.

— Подтвержденное кем?..

— А вот с этого места, — сказал я, — наш разговор становится на редкость интересным.

* * *

Специальный агент Ник Карлсон поднес к уху мобильный телефон.

— Да?

— Готов переварить новости?

— Что случилось?

— Несколько часов назад Бек, под ручку с молодым чернокожим бандитом, посетил дешевого адвокатишку Питера Флэннери.

Карлсон нахмурился.

— Я думал, его защищает Эстер Кримштейн.

— Бек не собирался нанимать Флэннери. Он хотел узнать подробности давнего случая.

— Какого именно?

— Восемь лет назад некий отпетый рецидивист по фамилии Гонсалес был арестован за убийство Брэндона Скоупа. Алиби парню обеспечила Элизабет Бек. Вот об этом-то наш доктор и расспрашивал.

У Карлсона голова пошла кругом. Какого черта…

— Что-то еще?

— Пока все, — сказал Стоун. — Ты сейчас где?

— Я тебе перезвоню, — уклонился от ответа Карлсон и, разъединившись, набрал какой-то номер.

— Национальный центр баллистического анализа, — отозвался женский голос.

— Работаешь сверхурочно, Донна?

— Не знаю, как сбежать поскорей, Ник. Что хочешь?

— Сделай одолжение…

— Нет! — отрезала Донна. Потом вздохнула. — Какое?

— У тебя тот пистолет из ячейки на имя Сары Гудхарт?

— Да, и что?

Карлсон объяснил, чего он хочет.

— Шутишь? — спросила Донна.

— Ты же знаешь меня. Никакого чувства юмора.

— И правда.

Донна помолчала.

— Хорошо, сделаю. Только уже не сегодня.

— Спасибо, Донна, ты прелесть.

* * *

Когда Шона вошла в подъезд, ее кто-то окликнул:

— Извините, вы — мисс Шона?

Обернувшись, она увидела мужчину в дорогом костюме и с набриолиненными волосами.

— А вы?..

— Специальный агент Карлсон.

— Вечер добрый, мистер агент.

— Мы в курсе, что Бек вам звонил.

Шона подавила притворный зевок.

— Молодцы.

— Вы знаете, что полагается за пособничество беглому преступнику?

— Ты сильно не пугай, — по-прежнему равнодушно заявила Шона. — А то я прямо тут описаюсь.

— Думаете, я шучу?

Шона вытянула руки перед собой.

— Арестуй меня, красавчик. — Она глянула Карлсону за спину. — Я думала, вы всегда парами ходите.

— Нет, я один.

— Сама догадалась. Можно уже пройти?

Карлсон не спеша поправил очки.

— Я считаю, что доктор Бек никого не убивал.

Шона застыла, как вкопанная.

— Поймите меня правильно. Все против него. Мои коллеги уверены, что Бек — убийца. За ним по-прежнему идет охота.

— И что, — не скрывая подозрения, спросила Шона, — вы с ними не согласны?

— Мне кажется, происходит что-то странное.

— Что же?

— Я думал, вы меня просветите.

— А как вы докажете, что не врете?

Карлсон пожал плечами:

— Боюсь, что никак.

Шона задумалась.

— Неважно, — заметила она наконец. — Все равно я ничего не знаю.

— Даже то, где он прячется?

— Понятия не имею.

— А если бы знали?

— Не сказала бы. Сами ведь понимаете.

— Понимаю, — согласился Карлсон. — Стало быть, отказываетесь сообщить, что значат все эти разговоры насчет прогулок с собакой?

Шона мотнула головой.

— Скоро Бек сам все расскажет.

— А если его раньше подстрелят? Ваш друг напал на одного из полицейских, это развязало руки остальным.

Шона постаралась сохранить спокойствие.

— Ничем не могу помочь.

— Очень жаль.

— Можно вопрос?

— Валяйте.

— Почему вы считаете Бека невиновным?

— Точно сказать не могу. Какие-то мелочи не сходятся. — Карлсон наклонил голову. — Вы знали, что Бек заказал билеты на самолет до Лондона?

Шона внимательно разглядывала вестибюль,

пытаясь выиграть пару секунд, прежде чем ответить. Какой-то мужчина перехватил ее взгляд и призывно улыбнулся. Шона даже не заметила.

— Дьявольщина, — сказала она.

— Я только что из аэропорта, — продолжил Карлсон. — Билеты заказаны три дня назад. Бек, естественно, не явился. Но самое странное то, что заказ оплачен кредитной картой на имя Лоры Миллз. Вам это имя о чем-нибудь говорит?

— А должно?

— Может, и нет. Мы пытаемся найти ее, хотя, скорее всего, это псевдоним.

— Чей?

Карлсон снова пожал плечами.

— А Лизу Шерман вы тоже не знаете?

— Нет. Кто она?

— Женщина, которая заказала билеты на тот же рейс, что и наш малыш. На соседнее кресло.

— И тоже не явилась?

— Не совсем. Зарегистрировалась, а вот в самолет не села. Весело, да?

— Не очень, — задумчиво сказала Шона.

— К сожалению, никто в аэропорту не видел Лизы Шерман. Она не сдавала багаж, билет зарегистрировал компьютер. Мы проверили ее по своим каналам, и как вы думаете, что нашли?

Шона молча покачала головой.

— Правильно, ничего. Видимо, очередной псевдоним. А имя Брэндон Скоуп вы когда-нибудь слышали?

Лицо Шоны вытянулось.

— А он-то тут при чем?

— Доктор Бек в сопровождении чернокожего молодого человека навестил сегодня адвоката Питера Флэннери. Тот когда-то защищал подозреваемого по делу об убийстве этого самого Скоупа. Бек расспрашивал его о роли Элизабет в освобождении арестованного. Есть идеи — почему?

Шона порылась в косметичке.

— Что-то ищете? — поинтересовался Карлсон.

— Сигареты. У вас не будет?

— Извините, не курю.

— Черт!

Шона посмотрела детективу прямо в глаза:

— Зачем вы мне все это рассказываете?

— У меня уже четыре трупа. Интересно знать, что происходит.

— Четыре?!

— Ребекка Шейес, Мелвин Бартола, Роберт Вулф — это те два друга с озера — и Элизабет Бек.

— Элизабет убил Киллрой.

Карлсон отрицательно покачал головой.

— Почему вы так решили? — удивилась Шона.

Детектив показал ей большой коричневый конверт.

— Вот поэтому.

— Что это?

— Результаты вскрытия тела.

Шона сглотнула. Ее охватил страх. Возможно, именно содержимое конверта прольет свет на полученные Беком сообщения.

— Можно посмотреть? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Зачем?

Шона не ответила.

— И почему Бек так хотел взглянуть на эти документы? — допытывался Карлсон.

— Не понимаю, о чем вы, — сказала Шона. Слова зазвенели в ее ушах и, как ей показалось, в ушах собеседника.

— Элизабет Бек принимала наркотики? — спросил агент.

Вопрос ошеломил Шону.

— Элизабет? Никогда!

— Уверены?

— Конечно. Наоборот, она пыталась спасать наркоманов, это было частью ее практики.

— Знаю я сотрудников полиции нравов, ко-

торые после работы не прочь расслабиться с проститутками.

— Элизабет была совсем не такой. Не ангел с крыльями, конечно. И все же наркотики?.. Невозможно.

Карлсон снова помахал конвертом.

— Анализ показал содержание в крови кокаина и героина.

— Значит, ее Келлертон заставил.

— Нет.

— Почему вы так уверены?

— Результаты другой экспертизы. В ногтях и волосах обнаружены наркотические вещества, принятые убитой как минимум за несколько месяцев до смерти.

У Шоны подогнулись колени. Она привалилась к стене.

— Слушайте, Карлсон, не играйте вы со мной в кошки-мышки. Дайте посмотреть, что у вас там, а?

Сыщик притворно задумался.

— Как вам такой вариант, — предложил он. — Я даю посмотреть один лист из этого конверта. Любой.

— Что за бред, Карлсон?

— Спокойной ночи, Шона.

— Эй, эй, погодите минутку!

Шона нервно облизнула губы, думая о странных сообщениях, побеге Дэвида, смерти Ребекки и невероятных результатах вскрытия трупа Элизабет. В одно мгновение ее убедительная версия о фотомонтаже перестала быть такой уж убедительной.

— Фотографию, — сказала она. — Я хочу посмотреть фотографию жертвы.

— Очень интересно, — улыбнулся Карлсон.

— Почему?

— А ее нет.

— Мне казалось…

— Я тоже не понимаю, — перебил ее детектив. — Я позвонил доктору Харперу, медэксперту округа, и попросил проверить, кто еще подавал заявку на эти документы. Он скоро перезвонит.

— Вы имеете в виду, что кто-то украл из дела фотографии?

Карлсон пожал плечами.

— Ну же, Шона. Расскажите мне все.

Она чуть не сдалась. Чуть не рассказала ему о сообщениях и уличной видеокамере. А как же Бек? Этот сыщик при всей его привлекательности мог оставаться врагом.

— Можно посмотреть остальные документы?

Карлсон медленно протянул ей конверт. «Ну хватит», — подумала Шона. Она шагнула вперед, вырвала документы из руки детектива и выхватила из конверта первый лист. Скользнула глазами вниз по странице и, увидев записи о росте и весе убитой, едва не вскрикнула. В груди похолодело.

— Что? — спросил Карлсон.

Шона не ответила.

Зазвонил сотовый. Сыщик достал его из кармана брюк.

— Карлсон.

— Это Тим Харпер.

— Нашли старые записи?

— Да.

— Кто-то получал на руки результаты вскрытия Элизабет Бек?

— Всего один человек, — ответил Харпер. — Три года назад, как только их переместили в архив.

— Кто?

— Отец убитой. Кстати, полицейский. Его зовут Хойт Паркер.

36

Ларри и Гриффин сидели на открытой террасе, опоясывающей заднюю часть дома Скоупа. Над раскинувшимся по всей усадьбе тщательно ухоженным садом царствовала ночь. Мелодично трещали сверчки. Казалось, даже они для богачей поют с особым усердием. Из-за стеклянных дверей доносились тренькающие звуки пианино, ярко освещенные окна бросали на траву красные и золотые блики, будто дом украшен иллюминацией.

И Гэндл, и Скоуп были одеты в темные брюки. Кроме того, на Ларри красовалась голубая рубашка поло, а Гриффин облачился в шелковую сорочку от своего личного портного из Гонконга. Потягивая прохладное пиво, Ларри молча разглядывал четко очерченный силуэт патрона. Чуть задрав голову и скрестив ноги, Скоуп сидел и рассматривал свои обширные владения. Его правая рука лежала на ручке кресла, янтарный ликер плескался в бокале.

— И вы не знаете, где Бек? — спросил Гриффин.

— Нет.

— А что это за двое чернокожих, которые его отбили?

— Понятия не имею. Ву уже разыскивает их.

Гриффин сделал большой глоток из бокала. Секунды ползли медленно, как во сне.

— Ты считаешь, он жив?

Ларри хотел пуститься в объяснения, приводя доводы «за» и «против», рассматривая различные варианты. Но, уже открыв рот, передумал и лишь сухо сказал:

— Да.

Гриффин прикрыл глаза.

— Ты помнишь, как родился твой первый ребенок?

— Конечно.

— Присутствовал при родах?

— Да.

— А вот в наше время такой моды не было. Мы, отцы, коротали время в холле, листая старые журналы. Я помню, как появилась медсестра и повела меня к жене. Я завернул за угол и увидел Эллисон с Брэндоном на руках. Меня охватило странное чувство, Ларри. Что-то поднималось изнутри, распирая так, что я боялся лопнуть. Чувство невыразимое, ошеломляющее, ни с чем не сравнимое. Думаю, все молодые отцы ощущают

нечто подобное.

Скоуп замолчал. Ларри повнимательнее посмотрел на шефа. По лицу старика, поблескивая в неярком свете, текли слезы.

— Наверное, все в такой день испытывают одно и то же: радость и боязнь — боязнь ответственности за нового, маленького человечка. Однако было и кое-что еще, то, что я не мог выразить словами. Не мог до тех пор, пока Брэндон не пошел в школу.

У старика, по-видимому, перехватило горло. Он закашлялся, слезы потекли сильнее. Звуки пианино стали громче, даже сверчки примолкли, будто прислушиваясь.

— Мы стояли и ждали школьного автобуса, я держал сына за руку. Брэндону недавно исполнилось пять, он поднял голову и взглянул на меня, как это делают все дети в его возрасте. Он был в коричневых брюках и уже успел посадить пятно на коленку. Я отчетливо помню, как зашипела, открываясь, дверь желтого автобуса. Брэндон отпустил мою руку и вскарабкался по ступенькам. Мне хотелось дотянуться до него, снять с подножки и увести домой. Вместо этого я застыл, как вкопанный. Он нырнул в автобус, и дверь опять зашипела, теперь уже закрываясь.

Брэндон сел у окна, и я увидел его лицо. Он помахал мне, я помахал в ответ, а когда автобус тронулся, сказал себе: «Меня покидает целый мир». Этот желтый автобус с какими-то ненадежными металлическими боками и незнакомым мне водителем увозил всю мою жизнь. И вот тогда я понял, что же именно почувствовал в день рождения сына. Страх. Не просто ответственность, нет. Ледяной, пронизывающий страх. Можно бояться болезни, старости, смерти. Но ничто не сравнится с тем страхом, который камнем лег на мое сердце, когда я смотрел вслед школьному автобусу. Понимаешь?

— Кажется, да, — кивнул Ларри.

— В тот момент я осознал: как бы я ни старался, с мальчиком все-таки может что-нибудь случиться. Я не смогу быть все время рядом, дабы в случае чего отвести беду. С тех пор я думал об этом постоянно. Наверное, так думают все родители. И когда несчастье случилось…

Гриффин замолчал и пристально посмотрел на Гэндла.

— Я все еще пытаюсь вернуть его обратно, — сказал он. — Я торгуюсь с Богом, предлагая ему что угодно, если Брэндон снова окажется в живых. Конечно, это лишь мечты. И вдруг появляешься

ты и говоришь, что в то время, как мой сын — моя боль, моя жизнь — гниет в земле, *она* все еще жива. — Он затряс головой. — Я не могу осознать этого, Ларри, понимаешь?

— Понимаю.

— Я не смог защитить его тогда. Я не хочу промахнуться теперь.

Гриффин Скоуп повернулся и окинул взглядом свой сад. Отхлебнул из бокала. Гэндл понял, что разговору конец. Он поднялся и канул в темноту.

* * *

В десять вечера Карлсон подошел к двери дома номер двадцать восемь по Гудхарт-роуд. Поздновато для неожиданного визита, хотя свет в доме еще горел, а в одном из окон Карлсон увидел отсвет телевизора. Да и в любом случае у него есть заботы поважнее, чем чей-то спокойный сон.

Детектив уже поднес палец к звонку, когда дверь отворилась. На пороге стоял Хойт Паркер. Несколько секунд они мерились взглядами, как два боксера посреди ринга, пока рефери произносит ничего не значащие слова о недопустимости ударов ниже пояса и тому подобном.

Карлсон не стал дожидаться гонга.

— Ваша дочь принимала наркотики?

Паркер чуть вздрогнул, но выдержал удар.

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Можно войти?

— Моя жена только что уснула, — сказал Хойт, впуская Карлсона и закрывая за ним дверь. — Вы не против, если мы поговорим прямо здесь?

— Как скажете.

Хойт скрестил руки на груди и закачался с носка на пятку. Его крупное тело было обтянуто синими джинсами и футболкой, которая, наверное, сидела гораздо свободнее килограммов этак семь-восемь назад. Карлсон знал, что Хойт — опытный полицейский, ни хитростью, ни искусными ловушками его не возьмешь.

— Вы ответите на мой вопрос? — осведомился он.

— А вы объясните, для чего это нужно? — парировал Хойт.

Карлсон решил поменять тактику.

— Зачем вы украли фотографии из документов о вскрытии?

— А почему вы решили, что я их украл?

Никакого возмущения, никакого волнения — чистое любопытство.

— Потому что сегодня я смотрел документы.

— В честь чего такая бурная деятельность?

— Простите?

— Мою дочь убили восемь лет назад. Ее убийца давно в тюрьме. А сегодня вы решили посмотреть документы по вскрытию. Я хочу знать зачем.

Разговор явно заходил в тупик, причем заходил очень быстро. Карлсон решил ненадолго сдать позиции, усыпив тем самым бдительность Паркера, и посмотреть, что из этого выйдет.

— Вчера ваш зять посетил медэксперта. Он требовал показать ему результаты вскрытия тела жены. Я надеюсь выяснить для чего.

— Ему удалось увидеть бумаги?

— Нет. Вы не знаете, почему он так настойчиво их требовал?

— Даже не догадываюсь.

— Однако вы насторожились.

— Как и вы. Поведение Дэвида кажется мне подозрительным.

— А почему, — продолжал Карлсон, — вы спросили, удалось ли Беку увидеть документы?

Паркер молча пожал плечами.

— Вы расскажете мне, что сделали с фотографиями?

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — бесцветным голосом произнес Хойт.

— Вы — единственный, кто получал на руки

этот конверт.

— И что это доказывает?

— Когда вы просматривали документы, там были фотографии?

Глаза Паркера вспыхнули и тут же погасли.

— Да, — ответил он. — Да, были.

Карлсон не смог сдержать улыбку.

— Хороший ответ.

Он расставил Хойту ловушку, и тот виртуозно ее обошел.

— Потому что, ответь вы, что их там не было, я бы спросил, почему вы тотчас же не поставили в известность медэксперта и так далее. Правильно?

— Вы подозрительны, агент Карлсон.

— Да уж. Есть какие-то идеи по поводу того, куда могли подеваться снимки?

— Возможно, их засунули по ошибке в другой конверт.

— Возможно. Только не похоже, что вы расстроены этим обстоятельством.

— Моя дочь погибла. Расследование по ее делу закрыто. Было бы из-за чего расстраиваться.

Не разговор, а пустая трата времени. А может быть, и нет. Точной информации Карлсон не получил, но поведение Паркера говорило само

за себя.

— Вы до сих пор считаете, что вашу дочь убил Киллрой?

— Несомненно.

Карлсон повертел конверт.

— Даже после того, как прочитали это?

— Да.

— Тот факт, что большинство увечий нанесено после смерти жертвы, вас не смущает?

— Успокаивает, — ответил Паркер. — Значит, моя дочь меньше мучилась.

— Я не об этом. Я об уликах против Келлертона.

— В описании вскрытия я не вижу ничего противоречащего обвинению.

— Случай не похож на остальные.

— Различия объясняются физической силой моей дочери.

— Не понял.

— Я знаю, что Келлертон наслаждался муками своих жертв, — начал объяснять Хойт. — И клеймил их, когда они все еще были живы. Мы предположили, что Элизабет пыталась вырваться или хотя бы защититься. Нам кажется, она отбивалась от него. И, пытаясь совладать с девушкой, он не рассчитал силы и убил ее. Это объясняет

ножевые раны на ее руках и то, почему клеймо было посмертным.

— Ясно.

Неожиданный хук слева. Карлсон едва устоял на ногах. Хорошее, да что там хорошее — прекрасное объяснение. Полное здравого смысла. Даже слабая жертва может доставить преступнику массу неприятностей. Объяснение Паркера сводило концы с концами. Хотя не совсем.

— И как же тогда вы объясните результаты анализа на наркотики?

— Никак, — ответил Хойт. — Вы же не просите жертву изнасилования рассказать, как складывались ее отношения с мужчинами до того, как она стала жертвой. Была моя дочь наркоманкой или нет — это к делу не относится.

— Так все-таки была?

— Не важно.

— В расследовании убийства не бывает ничего не важного, и вы это знаете.

Паркер сделал шаг вперед.

— Поосторожнее, — предупредил он.

— Вы мне угрожаете?

— И не думал. Просто предупреждаю, чтобы вы не торопились снова вытаскивать на свет дело об убийстве Элизабет.

Прозвучал финальный гонг. Противники стояли друг напротив друга, ожидая результатов матча, которые в любом случае никого не устроят, как бы ни старались судьи.

— Если это все… — сказал Паркер.

Карлсон кивнул и сделал шаг назад. Хозяин дома взялся за дверную ручку.

— Хойт!

Тот обернулся.

— Я не поверил ни единому вашему слову. Это так, для общего сведения, — объяснил Карлсон. — Ясно?

— Как божий день, — ответил Паркер.

37

Шона вошла в квартиру и повалилась на свой любимый диван. Линда присела рядом и похлопала себя по коленке. Шона склонила к ней голову и закрыла глаза, а Линда начала тихонько перебирать ее волосы.

— Как Марк? — спросила Шона.

— Нормально. Расскажешь, где была?

— Долгая история.

— Я здесь весь день сидела и ждала новостей о брате.

— Бек мне звонил.

— Что?!

— Он в безопасности.

— Слава Богу!

— И не убивал Ребекку.

— Я знаю.

Шона повернула голову и подняла на подругу глаза. Та подозрительно моргала.

— Все будет хорошо, — сказала Шона.

Линда кивнула, отвернувшись.

— Что случилось?

— Те фотографии сделала я, — прошептала

Линда.

Шона резко села.

— Элизабет пришла ко мне на работу, вся в синяках. Я хотела отвести ее к врачу. Она отказалась. Попросила только ее сфотографировать.

— Так это что, не была автомобильная авария?

Линда отрицательно покачала головой.

— Кто же ее избил?

— Элизабет заставила меня пообещать, что я никому не скажу.

— Ага. Восемь лет назад, — хмыкнула Шона. — Давай, рассказывай.

— Все не так просто.

— Догадываюсь. Кстати, почему она пришла именно к тебе? И почему вы решили, что эти снимки могут защитить… — Голос Шоны прервался, она смерила Линду жестким взглядом. Та и глазом не моргнула, но Шона вспомнила, что сообщил ей в подъезде Карлсон.

— Брэндон Скоуп, — тихо сказала Шона.

Линда молчала.

— Это он избил Элизабет. О Господи, неудивительно, что она прибежала к тебе. Она хотела сохранить все в секрете. Я или Ребекка, мы бы заставили ее пойти в полицию. Но не ты.

— Она заставила меня пообещать, — упрямо

повторила Линда.

— И ты так просто согласилась?

— А что оставалось делать?

— Погнать ее в участок, хоть бы и пинками.

— Не все такие смелые и независимые, как ты, Шона.

— Ой, только не морочь мне голову.

— Элизабет не хотела идти в полицию, — настаивала Линда. — Сказала, что ей необходимо время. Что нужно собрать побольше доказательств.

— Каких еще доказательств?

— Что он набросился на нее, наверное. Я не знаю. Она бы не стала меня слушать. Не могла же я тащить ее насильно.

— Конечно. Тем более что и не хотела.

— Что, черт возьми, ты имеешь в виду?

— То, что ты работала в благотворительном фонде Скоупов! Веселенькая бы вышла история, если бы все узнали, что главный благотворитель в свободное время избивает женщин!

— Я молчала, потому что меня заставила Элизабет.

— А ты и обрадовалась, да? Закрыла рот на замок, чтобы защитить свою любимую благотворительность.

— Это нечестно…

— Тебе она была важней, чем Элизабет.

— Ты не знаешь, сколько хорошего мы делаем! — закричала Линда. — Ты не знаешь, сколько людей мы спасли…

— Заплатив кровью Элизабет Бек, — закончила Шона.

Линда звонко треснула ее по щеке. Женщины уставились друг на друга, тяжело дыша.

— Я правда хотела рассказать, — сказала Линда. — Это она мне не позволила. Может быть, я и слабая, но ты не имеешь права говорить такие вещи.

— А когда Элизабет похитили? О чем ты думала, рыдая вместе с нами?

— Думала, что это, наверное, связано. Поэтому пошла к отцу Элизабет и во всем призналась.

— И что он?

— Поблагодарил меня и сказал, что в курсе. Попросил особо не распространяться, так как ситуация довольно деликатная. А потом, когда стало известно, что убийца — Киллрой…

— Ты решила сохранить все в тайне.

— Брэндон Скоуп погиб. К чему смешивать его имя с грязью?

Зазвонил телефон. Линда дотянулась до ап-

парата. Поздоровалась, помолчала и передала трубку Шоне.

— Тебя.

Не глядя на подругу, Шона взяла трубку.

— Алло?

— Приезжай ко мне в офис, — приказала Эстер Кримштейн.

— С какой стати?

— Я не люблю извиняться, Шона, поэтому просто считай, что я старая толстая дура. Хватит тебе этого? Лови такси и дуй ко мне. Пора нам спасать невиновного.

* * *

Заместитель прокурора округа Лэнс Фейн ворвался в офис Эстер Кримштейн, как только что разбуженная, взъерошенная ласка. Два детектива, Димонте и Крински, следовали в кильватере. Все трое были взвинчены.

Эстер и Шона стояли у стола.

— Джентльмены, — объявила Эстер, сделав пригласительный жест рукой, — прошу садиться.

Фейн злобно поглядел на нее, потом с отвращением — на Шону.

— Я пришел не для того, чтобы вы тут со мной

в игрушки играли.

— Конечно, нет. Игрушкой своей ты сам дома с удовольствием займешься, — ответила Эстер. — Садись.

— Если вы знаете, где Бек…

— Садись, Лэнс, пока у меня от тебя голова не разболелась.

Все уселись. Димонте водрузил на стол ноги в ботинках из змеиной кожи. Кримштейн, улыбаясь все так же ослепительно, взяла их обеими руками и сбросила на пол.

— Мы собрались здесь, джентльмены, с одной целью: спасти вашу карьеру. Давайте же этим и займемся, согласны?

— Я требую объяснить…

— Ш-ш-ш, Лэнс. Говорю сейчас я. Твое дело — слушать и иногда повторять: «Да, мэм» или «Спасибо, мэм». В противном случае вы — конченые люди.

Лэнс метнул на нее злобный взгляд.

— Ты помогаешь виновному избежать правосудия, Эстер.

— Если бы я тебя не знала, Лэнс, то сказала бы, что ты выглядишь на редкость сексапильно, когда злишься. Итак, слушайте, дважды повторять не буду. Я делаю тебе одолжение, Фейн. Не хочу,

чтобы ты выглядел полным идиотом. Нет, ты, конечно, идиот, это понятно, и тут уж ничего не поделаешь. Но если ты меня внимательно выслушаешь, то в разряд полных идиотов пока не перейдешь. Уловил? Прекрасно. Во-первых, я правильно поняла, что точное время смерти Ребекки уже установлено? Полночь плюс-минус полчаса? Я не ошибаюсь?

— И что из этого?

Эстер поглядела на Шону:

— Хочешь сказать сама?

— Нет, давай ты.

— Ведь это ты проделала львиную долю работы…

— Не тяни волынку, Кримштейн, — возмутился Фейн.

Дверь позади него отворилась, и секретарша Эстер внесла несколько листков бумаги и небольшую аудиокассету.

— Спасибо, Шерил.

— Не за что.

— Можешь идти домой. И завтра приходи попозже.

— Спасибо.

Шерил вышла. Кримштейн надела полукруглые очки и начала читать принесенные ей

документы.

— Мне все это начинает надоедать, Эстер.

— Ты любишь собак, Лэнс?

— Кого?!

— Собак. Я сама не очень ими увлекаюсь, но эта… Шона, где у тебя фотография?

— Вот она.

Шона продемонстрировала всем присутствующим большую фотографию Хлои.

— Бородатый колли.

— Не правда ли, очень милая, Лэнс?

— С меня хватит.

Лэнс Фейн поднялся. Крински тоже. Димонте не тронулся с места.

— Вот сейчас ты уйдешь, — пообещала Кримштейн, — а собачка утопит всю твою карьеру в огромной луже.

— О чем ты, черт побери?

Эстер протянула Фейну два листка.

— Эта псина — доказательство того, что Бек никого не убивал. Прошлой ночью он был в «Кинко». Вошел туда с собакой. Вызвал небольшой переполох, как я понимаю. Вот тут — показания четырех свидетелей, независимо друг от друга опознавших Бека. Он воспользовался одним из компьютеров и занимал его, согласно счету, с

четырех минут первого до двенадцати двадцати трех ночи.

— И ты хочешь, чтобы я принял это как алиби?

— Пока нет. Просто почитай. — Эстер ухмыльнулась. — Вот, ребята, копии для вас.

Кримштейн протянула копии Крински и Димонте. Крински скользнул глазами по строчкам и попросил разрешения воспользоваться телефоном.

— Конечно, — сказала Эстер. — Только если собираетесь говорить по межгороду, запишите на счет вашего ведомства. — Она сладенько улыбнулась. — Спасибо.

Фейн прочел документ, и лицо его посерело, как пепел.

— Думаешь о том, как бы передвинуть время смерти, да? — спросила Эстер. — Можешь попробовать. Только знаешь что? В ту ночь на мосту велись ремонтные работы. Бек бы просто не проехал.

Фейн в прямом смысле слова крякнул, а потом пробормотал что-то, рифмующееся со словом «щука».

Кримштейн ответила ему тихим «тс-с-с».

— Будет, будет, Лэнс. Тебе впору меня благодарить.

— Да за что же?

— Только представь, каким дураком я бы могла тебя выставить! Вообрази себя перед камерами: ты появляешься на сотнях экранов, готовый объявить об аресте опаснейшего преступника. На тебе твой лучший галстук, ты вещаешь, как нелегко хранить покой жителей большого города и скольких совместных усилий потребовала поимка ужасного убийцы. Хотя нет, ты, разумеется, присвоил бы всю славу себе. Щелкают вспышки. Ты улыбаешься и зовешь репортеров по именам, а в мыслях уже усаживаешься за большой дубовый стол в красивом кабинете. И тут — бах! — откуда ни возьмись, выскакиваю я с этим неожиданным алиби. Лэнс, о Лэнс, неужели ты не чувствуешь, что должен мне по гроб жизни?

Глаза Фейна метали молнии.

— На нем еще покушение на полицейского.

— Нет, Лэнс, нет. Подумай сам: ты, заместитель генерального прокурора округа, принял ошибочное решение. Спустил всех собак на невинного человека. И не просто на человека, а на детского врача, который работает с беднейшими слоями населения за невысокую зарплату, вместо того чтобы обслуживать зажиточных больных в богатых кварталах города.

Она откинулась назад, улыбаясь.

— Вот как было дело. В то время, пока десятки полицейских с оружием в руках прочесывали весь город, тратя, кстати, бог знает сколько денег налогоплательщиков, один из них, молодой, мускулистый и рьяный, накрыл жертву в пустынном переулке. И представь себе, начал избивать. Вокруг, повторяю, никого, поэтому юнец не щадил перепуганного беглеца. Что еще оставалось делать несчастному, затравленному доктору Дэвиду Беку, кроме как защитить себя?

— Никто на это не купится.

— Купится, Лэнс. Не хочу показаться нескромной, но кто умеет выкручиваться лучше, чем присутствующая здесь Э. Кримштейн? Кроме того, ты еще не слышал моих рассуждений о сходстве этого случая с историей Ричарда Джевелла,[22] или о чрезмерном рвении окружной прокуратуры, или о том, как ты со своими помощниками так хотел засадить несчастного Дэвида Бека, спасителя бедных детей, что приказал под-

---

[22] Примечания: 22

В 1996 году в Атланте произошел взрыв в Олимпийском парке, в результате которого погибли два человека, а ранения получили более ста человек. Спецслужбы задержали некоего Ричарда Джевелла, работавшего на Олимпиаде охранником. Однако вина Джевелла не была доказана, и впоследствии министру юстиции США Джанет Рино пришлось принести ему извинения.

кинуть улики в его жилище.

— Подкинуть?

Казалось, Фейна с минуты на минуту хватит удар.

— Ты в своем уме, Эстер?

— Подумай, Лэнс: мы знаем, что доктор Бек не мог убить Ребекку Шейес. У нас полностью доказанное алиби, показания четырех — и мы накопаем больше — независимых, неподкупленных свидетелей. Тогда как улики попали в дом? Ваша работа, мистер Фейн. И ваших головорезов. Если я возьмусь за дело всерьез, Марк Фурман[23] будет выглядеть Махатмой Ганди по сравнению с тобой.

Руки Фейна сжались в кулаки. Он сделал несколько глубоких вздохов, стараясь успокоиться.

— Хорошо, — медленно начал он. — Допустим, его алиби сработает…

— Сработает, не сомневайся.

– *Допустим,* сработает. И что дальше?

— Ну вот, наконец-то разумный вопрос! Ты ведь попал, Лэнс. Арестуешь его — окажешься в

---

[23] Примечания: 23

Лос-анджелесский детектив, сыгравший ключевую роль в деле О. Джея Симпсона. Был обвинен прессой в расизме и шовинизме по отношению к подозреваемым, а также в избиении заключенных.

дураках. Не арестуешь — окажешься там же. Не уверена, что смогу помочь тебе выпутаться.

Эстер встала и заходила туда-сюда по кабинету, как бы размышляя.

— Однако я подумала об этом и, кажется, знаю, как тебе выйти из этой ситуации с наименьшими потерями.

— Слушаю, — пробурчал Фейн.

— За последнее время ты сделал только одну умную вещь, Лэнс. Всего одну, за нее-то мы и зацепимся. Ты держался подальше от газетчиков. Поэтому тебе не придется слишком краснеть, объясняя, как доктор Бек ушел из раскинутой для его поимки сети. Ты соберешь пресс-конференцию и объявишь, что вся информация, просочившаяся в новости, получена журналистами из их собственных, неофициальных источников. Но газетчики неправильно истолковали происходящее. На самом деле доктор Бек разыскивался как свидетель, а не как преступник. Его ни в чем не подозревали, ты все это время был уверен, что Бек никакого убийства не совершал, ты просто знал, что он одним из последних разговаривал с Ребеккой, и хотел поговорить с ним по этому поводу.

— Не пройдет.

— Еще как пройдет! Может быть, не гладко,

может быть, со скрипом, и все же проскочит. Я помогу. Я должна тебе, потому что мой клиент пустился в бега. Поэтому я, известный противник окружной прокуратуры, поддержу твое заявление. Наплету журналистам, как мы с тобой сотрудничаем, как ты делал все возможное, чтобы права моего клиента были соблюдены, как искренне мы с доктором Беком помогаем и будем помогать тебе в расследовании.

Фейн молчал.

— Как я уже сказала, Лэнс, я могу либо вытащить тебя, либо утопить.

— А что взамен?

— Ты снимаешь обвинение в нападении на полицейского и сопротивлении при аресте.

— Невозможно.

Эстер широким жестом указала на дверь:

— Тогда пока. С удовольствием увижу тебя на страницах скандальной хроники.

Плечи Фейна едва заметно дрогнули.

— Если я соглашусь, твой Бек будет с нами сотрудничать? Согласится ответить на все вопросы?

— Ради Бога, Лэнс, не торгуйся. Не в том ты положении. Я предлагаю сделку — ты либо принимаешь мои условия, либо имеешь дело с прессой.

Выбор за тобой. Время пошло. Тик-так! — Эстер покачала туда-сюда указательным пальцем.

Фейн посмотрел на Димонте. Тот яростно жевал зубочистку. Крински положил телефонную трубку и кивнул Фейну. Фейн, в свою очередь, кивнул Кримштейн.

— Давай обговорим детали.

38

Я проснулся, поднял голову и едва не закричал.

Казалось, все мышцы сорваны напрочь, тело болело в таких местах, о существовании которых я и не подозревал. Я хотел соскочить с кровати. Мысль оказалась дурацкой. Невероятно дурацкой. «Не торопись!» — вот девиз сегодняшнего утра.

Больше всего досталось ногам. Неудивительно: несмотря на мое вчерашнее бегство, я отнюдь не спортсмен. Попытаюсь перекатиться на бок… Точки, на которые давил вчера таинственный азиат, заныли так, будто там содрали свежие швы. Сейчас бы проглотить пару таблеток обезболивающего, да нельзя — мне нужна свежая голова.

Я посмотрел на часы. Шесть утра. Пора звонить Кримштейн. Она ответила сразу же.

— Все в порядке. Вы свободны.

Я почувствовал лишь слабое облегчение.

— Что собираетесь делать? — спросила Эстер.

Интересный вопрос.

— Пока не знаю.

— Подождите секундочку.

Я услышал в отдалении еще один голос.

— Вас просит Шона.

В трубке зашуршало, потом послышался голос Шоны:

— Нам надо встретиться.

Хотя Шона никогда не страдала излишней сентиментальностью и было бы глупо дожидаться от нее любезностей или поздравлений, я удивился тому, как напряженно, а может, даже испуганно она говорила.

— Что случилось?

— Не по телефону.

— Я буду у тебя через час.

— Я не рассказывала Линде об… этом. Ну, ты понял.

— Возможно, сейчас пора, — ответил я.

— Угу, — пробормотала она. Затем с непривычной ласковостью добавила: — Бек, я тебя люблю.

— И я тебя тоже.

Хватаясь за мебель и передвигаясь от предмета к предмету, я наполовину дополз, наполовину доковылял до душа и стоял под упругими струями, пока не кончилась горячая вода. Помогло не очень.

Тириз раздобыл для меня сиреневый спортив-

ный костюм. Я с трудом удержался, чтобы не попросить у него большую золотую медаль.

— И куда вы двинете? — спросил он.

— Пока что к сестре.

— А потом?

— На работу, наверное.

Тириз покачал головой.

— Что такое? — спросил я.

— Вы наступили на хвост каким-то плохим парням, док.

— Ага. Я и сам догадался.

— Тот качок, Брюс Ли, вас в покое не оставит.

Я обдумал его слова. Судя по всему, он прав. Я не могу просто пойти домой и сидеть там, пока Элизабет снова меня не найдет. Во-первых, я сам хочу действовать, долгое ожидание теперь не входит в распорядок дня доктора Бека. Во-вторых, типы из фургона вряд ли обо мне забыли и едва ли позволят весело шагать своей дорогой.

— Я вас прикрою, док. С Брутусом. Пока все не кончится.

Я чуть не произнес что-то бодрое типа: «Я не могу позволить тебе рисковать» или «У тебя собственные дела», но, подумав, решил, что если ребята не пойдут защищать меня, то просто вернутся к торговле наркотиками. Тириз хотел

помочь: потому что нуждался во мне, а я, скажем честно, нуждался в его помощи. Бессмысленно предупреждать его об опасности — в таких вещах он разбирался получше. Поэтому я ограничился кивком.

* * *

Карлсон дождался звонка из Национального центра баллистического анализа даже раньше, чем предполагал.

— Я сделала, что ты просил, — сказала Донна.

— И как результат?

— Слыхал когда-нибудь про ИБИС?

— Да, немного.

Он знал, что ИБИС расшифровывается как «интеграционная баллистическая идентификационная система», новая компьютерная программа, которую центр использовал, чтобы исследовать идентичность пули и гильзы.

— Теперь даже не нужна сама пуля, — рассказывала Донна. — Достаточно прислать нам фотографии. Мы оцифруем их и проверим все, что нужно, прямо на экране.

— И?

— Ты был прав, Ник. Подошло.

Карлсон разъединился и набрал другой номер.

Когда кто-то взял трубку, Карлсон спросил:

— Где доктор Бек?

39

Брутус ждал около машины.

— Доброе утро, — сказал я.

Брутус не сказал ничего. Интересно, он вообще разговаривает? Я скользнул на заднее сиденье, рядом, ухмыляясь, уселся Тириз. Вчера вечером мой добровольный «адъютант» убил человека. Конечно, парень сделал это, спасая мне жизнь, но, судя по его поведению, он даже не помнит, что нажал на курок. Я, как никто, должен был понимать, как Тириз дошел до жизни такой. Я не понимал. Я вообще слабоват по части моральных принципов и, когда что-то случается, просто стараюсь осознать ситуацию и сделать свой собственный выбор. Элизабет была более принципиальна в таких вопросах, она обладала своеобразным моральным компасом и, несомненно, ужаснулась бы гибели человека. И не важно, что этот человек пытался похитить, изувечить и даже убить меня. А может быть, важно. Я уже ни в чем не уверен. Горькая правда в том, что я далеко не все знал о своей жене. А она, в свою очередь, обо мне.

В университете меня учили, что делать подоб-

ный выбор неэтично. Правила просты: первым получает помощь наиболее тяжелый больной. Независимо от того, кто он и что натворил. Ему хуже всех — ты лечишь его первым. Прекрасная теория, я понимаю ее необходимость. Только вот если в больницу доставят, с одной стороны, моего племянника Марка с резаной раной, а с другой — напавшего на него серийного педофила с пулей в голове? Я сделаю выбор, и, думаю, никто не сомневается, каким он будет.

Можно спорить, что тут я ступаю на скользкую почву. Согласен, хотя в жизни подобные ситуации случаются чаще, чем кажется. Проблема в том, что когда вы делаете выбор, его эхо влияет на всю дальнейшую жизнь, и не только теоретически: непредсказуемые последствия любого поступка не просто уродуют вашу душу, они могут сокрушить всю вашу жизнь.

— Вроде все тихо, док.

— Похоже на то, — отозвался я.

Брутус высадил меня возле дома Шоны и Линды на Риверсайд-драйв.

— Мы будем за углом, — сказал Тириз. — Если что — звоните.

— Хорошо.

— Пистолет при вас?

— Да.

Тириз положил руку мне на плечо.

— Тут либо вы, либо они, док, — сказал он. — Держите палец не спусковом крючке.

Какой уж тут выбор…

Я вылез из машины. Вокруг гуляли мамаши и няньки, толкая перед собой суперсовременные детские коляски, которые складывались и раскладывались, поднимались и опускались, наклонялись под нужным углом вперед и назад, играли музыку и, кроме ребенка, а то и двух, вмещали еще памперсы, салфетки, печенье фирмы «Гербер», коробочки с соком (для детей постарше), запасную одежду, бутылочки и даже аптечки. Все это я знал не понаслышке (работая с неимущими вовсе не обязательно отказываться от вызовов в богатые районы), и после испытаний, выпавших на мою долю за последние дни, меня странно успокаивала столь идиллическая картина. А также тот факт, что она может спокойно сосуществовать рядом с тем ужасом, через который мне пришлось пройти.

Я подошел к дому. Линда и Шона уже спешили навстречу. Первой успела Линда — подбежала и обвила меня руками. Я обнял ее в ответ. Удивительно приятное ощущение.

— Как ты? — спросила сестра.

— Прекрасно, — ответил я.

Все мои заверения не помешали ей снова и снова в различных вариациях повторять этот вопрос. Шона остановилась в нескольких шагах от нас, вытирая слезы. Я поймал ее взгляд через плечо Линды и улыбнулся.

Объятия и поцелуи продолжились в лифте. Шона вела себя сдержаннее, чем обычно. Сторонний наблюдатель приписал бы это тактичности, желанию дать брату и сестре без помех проявить свои чувства. Сторонний наблюдатель не знал Шону. Шона всегда оставалась собой, в любых обстоятельствах. Она бывала резкой, требовательной, забавной, сердечной, искренней, верной и преданной. Она никогда не притворялась и не носила масок. Если бы вы искали полную противоположность понятию «нежная фиалка», вам не пришлось бы долго выбирать. Шона была такой, какая она есть. Даже прямой удар в лицо не заставил бы ее отступить.

Я внутренне напрягся.

Когда мы вошли в квартиру, Линда и Шона обменялись многозначительными взглядами. Рука Линды соскользнула с моего плеча.

— Шона хочет сначала поговорить с тобой

наедине, — сказала сестра. — Я буду на кухне. Сделать тебе сандвич?

— Да, спасибо, — сказал я.

Линда поцеловала и обняла меня еще раз, как будто хотела увериться, что вот он я — живой, из плоти и крови, а потом вышла из комнаты. Я взглянул на Шону. Она по-прежнему держала дистанцию. Я развел руки, будто спрашивая: «Ну?»

— Почему ты сбежал? — спросила Шона.

— Получил еще одно сообщение.

— По тому адресу, на «Бигфуте»?

— Да.

— Почему оно пришло так поздно?

— Потому что было зашифровано. Я не сразу сообразил.

— Как зашифровано?

Я рассказал про Бэтледи и «Тинейджеров-секспуделей».

— Так вот зачем ты использовал компьютер «Кинко»? Ты разгадал шифр, гуляя с Хлоей?

— Точно.

— И что было в том сообщении?

Я не мог понять, почему Шона расспрашивает меня так подробно. Человек она, как я уже говорил, открытый, детали обычно лишь путают ее, отвлекают от главного.

— Элизабет хотела, чтобы мы встретились в парке на Вашингтон-сквер вчера, в пять часов вечера. Предупредила, что за мной могут следить. И приписала, что, несмотря ни на что, любит меня.

— И поэтому ты бежал? Чтобы не пропустить встречу?

Я кивнул.

— Эстер сказала, что под залог меня освободят не раньше полуночи.

— Ты попал в парк в назначенное время?

— Да.

Шона качнулась ко мне.

— И что?

— Она не появилась.

— И несмотря на это, ты убежден, что сообщения были именно от Элизабет?

— У меня нет других объяснений.

В ответ на мои слова Шона улыбнулась.

— Что? — спросил я.

— Ты помнишь мою подругу Венди Петино?

— Модель, — сказал я. — Глупая, как пробка.

Шону явно насмешило мое определение.

— Как-то, — продолжила она, — Венди взяла меня с собой на обед к ее знакомому, «гуру-экстрасенсу». Клялась, будто он умеет читать мысли, предсказывать будущее и тому подобное. В тот

момент гуру помогал ей общаться с погибшей матерью — та покончила с собой, когда Венди было всего-навсего шесть.

Я слушал Шону молча, не задавая лишних вопросов, так как знал: она никогда не говорит зря и рано или поздно все объяснится.

— И вот мы пообедали и перешли к кофе. Гуру — по-моему, его звали Омей — поглядел на меня блестящими пронзительными глазами, знаешь, как они обычно смотрят, и сказал, что чувствует — он так и сказал: «Чувствую» — мой скептицизм и предлагает высказать все, что у меня на уме. Ну, ты меня знаешь, я сказала ему, что он — мешок с дерьмом и выкачивает из бедной Венди последние деньги. Омей не рассердился, что разозлило меня еще больше, и протянул маленький кусочек картона, размером с визитную карточку, попросив написать что-нибудь, что знаю только я: какую-то дату, чьи-то инициалы, все, что угодно. Я проверила карточку, она была пуста, но я все-таки решила использовать свою собственную. Ясновидец не возражал. Я достала визитку, Омей предложил ручку, однако я опять отказалась и взяла свою — боялась, что у него она с каким-нибудь секретом. Он снова согласился. Я написала твое имя. Просто: «Бек». Гуру взял

картонку. Я следила во все глаза, не сделает ли он пальцами какой-нибудь фокус, но он просто передал ее Венди, а потом взял за руку меня. Закрыл глаза, затрясся, как в припадке, и, клянусь тебе, я почувствовала, как что-то прошило меня, какое-то непонятное ощущение. Омей открыл глаза и спросил: «Кто такой Бек?»

Шона присела на диван. Я устроился рядом.

— Я, конечно, знала, что некоторые люди обладают невероятной ловкостью рук и способны одурачить вас своими фокусами. Только я-то сидела совсем близко и пристально наблюдала за ним. И почти купилась. Представляешь, чуть не поверила, что этот Омей обладает невероятными способностями. Как ты сказал, у меня не было других объяснений. Венди с торжествующей улыбкой сидела рядом. Тогда я так и не поняла, в чем дело.

— Он разузнал о тебе, — предположил я. — О том, что мы с тобой дружим.

— Не обижайся, но как он мог догадаться, что я напишу не «Марк», не «Линда», а именно «Бек»?

Она была права.

— Так что, теперь ты веришь в такие вещи?

— Говорю же тебе: я чуть не купилась. Почти. Однако Омей оказался прав: я — скептик. Все

доказывало, что он действительно был провидцем, кроме одного — я ему не верила. Потому что провидцев не бывает. Как и привидений.

Она замолчала. «Дипломатия — не твоя игра, моя дорогая Шона».

— Поэтому я провела небольшое расследование, — продолжила она. — Профессия модели хороша тем, что ты можешь позвонить кому угодно и тебе не откажут. Вот я и позвонила иллюзионисту, выступление которого пару лет назад видела на Бродвее. Он выслушал мою историю и захохотал. Когда я спросила, что же тут смешного, фокусник поинтересовался, не за обедом ли все происходило. Я удивилась: при чем тут это? Но ответила, что да, за обедом, и спросила, как он догадался. Вместо ответа иллюзионист спросил, а не кофе ли мы пили. Я опять подтвердила, что да, кофе. Гуру пил черный? И снова в точку. — Шона улыбнулась. — Не догадался?

Я помотал головой:

— Ни малейшей идеи.

— Когда Омей передавал визитку Венди, он пронес картонку над своей чашкой. Черный кофе, Бек. Отражает не хуже зеркала. Вот как он узнал, что я написала. Это был старый, бородатый трюк. Просто, правда? Проводишь карточкой над

своей чашкой и видишь все, словно в зеркале. А я ему почти что поверила! Чувствуешь, к чему я клоню?

— Конечно, — сказал я. — Ты имеешь в виду, что я такой же болван, как и Венди-Пробка.

— И да и нет. Понимаешь, Бек, секрет популярности Омея в том, что люди жаждут чуда. Венди попалась на его удочку, потому что захотела, чтобы все это мумбо-юмбо существовало на самом деле.

— А я хочу верить в то, что Элизабет жива?

— Больше, чем человек, умирающий в пустыне, хочет найти оазис, — подтвердила Шона. — Хоть я и не совсем это имела в виду.

— Что же?

— Встреча с гуру научила меня тому, что, если не видишь других объяснений случившемуся, это не значит, будто их нет. Это значит только, что *ты* их не видишь.

Я откинулся на спинку дивана, скрестил ноги и молча смотрел на Шону, которая избегала моего взгляда. Не похоже на нее.

— Так что произошло, Шона?

Она старательно отводила глаза.

— Я ничего не понял, — сказал я.

— Мне казалось, я объяснила достаточно яс-

но…

— Нет, недостаточно. По телефону ты сказала, что нам надо встретиться. Наедине. Зачем? Чтобы ты сообщила мне, что моя погибшая жена по-прежнему считается погибшей? — Я потряс головой. — Я в это не верю.

Шона молчала.

— Объясни, — попросил я.

Она отвернулась и тоном, от которого у меня мурашки пошли по коже, сказала:

— Я боюсь.

— Чего?

Я слышал, как Линда звенит на кухне тарелками и стаканами и как чмокает, открываясь, холодильник.

— Все это длинное вступление, — сказала Шона, — требовалось не столько тебе, сколько мне.

— Все равно не понимаю.

— Я видела кое-что… — Голос Шоны сорвался. Она сделала глубокий вдох и попыталась снова: — Я видела кое-что, что мой рациональный мозг принять не в состоянии. Прямо как с Омеем. Я понимаю, какое-то объяснение должно существовать, но найти его не могу.

Шона нервно перебирала пуговки блузки, отряхивала несуществующие соринки. И неожиданно

сказала:

— Я начинаю верить тебе, Бек. Теперь я тоже думаю, что Элизабет жива.

У меня комок подкатил к горлу.

Шона резко встала.

— Смешаю коктейль. Будешь?

— Нет.

Шона удивленно взглянула на меня.

— Уверен, что не хочешь…

— Объясни, что ты такое видела?

— Результаты вскрытия.

Я чуть не свалился с дивана. Потом с трудом выговорил:

— Как?

— Ты встречался с Ником Карлсоном из ФБР?

— Этот тип меня допрашивал.

— Он считает, что ты невиновен.

— Мне так не показалось.

— Однако сейчас он думает именно так. Когда улики указали на тебя, Карлсон решил, что слишком уж гладко все сходится.

— Это он тебе сказал?

— Да.

— И ты ему поверила?

— Я понимаю, это наивно, но, знаешь, поверила.

Я, в свою очередь, верил чутью Шоны. Если она говорит, что Карлсон — нормальный парень, то это значит, что он либо великолепный актер, либо великолепный сыщик.

— И все-таки, — сказал я, — при чем тут результаты вскрытия?

— Карлсон нашел меня. Спрашивал, почему ты сбежал. Я не сказала. Они отслеживали твои перемещения и знали, что ты хотел увидеть записи о вскрытии тела Элизабет. Карлсону стало интересно — зачем. Он позвонил коронеру и получил все документы. И показал их мне, дабы я помогла ему понять, что в них такого необычного.

— Показал их тебе?!

Шона кивнула.

У меня пересохло в горле.

— Ты видела фотографии тела?

— Их там нет, Бек.

— Что?!

— Карлсон думает, что их кто-то стащил.

— Кто?

Шона пожала плечами.

— Единственным человеком, когда-либо получавшим бумаги на руки, был отец Элизабет.

Хойт. Опять все вернулось к нему. Я посмотрел на Шону.

— Но хоть что-то ты видела?

Ее кивок показался мне томительно-медленным.

— Что?

— Результаты экспертизы. Они показали, что Элизабет принимала наркотики. Не просто раз или два, а длительное время.

— Невероятно, — сказал я.

— Может быть, а может, и нет. Одного анализа было бы недостаточно, чтобы заставить меня сомневаться. Люди обычно скрывают свою склонность к наркотикам. Трудно поверить в это, когда дело касается Элизабет, но в то, что она жива, поверить еще труднее. Возможно, в анализы вкралась ошибка или результат спорный. Так ведь бывает, верно? Можно как-то объяснить.

Я облизнул пересохшие губы.

— А что нельзя объяснить?

— Рост и вес, — ответила Шона. — Там написано, что Элизабет весила около сорока пяти килограммов, а ростом была метр семьдесят пять.

Очередной удар под дых. Рост жены равнялся метру шестидесяти двум, а вес — шестидесяти килограммам.

— Ничего общего, — прошептал я.

— Абсолютно.

— Она жива.

— Возможно, — подтвердила Шона и метнула взгляд в сторону кухни. — У нас тут выяснилось кое-что еще.

Она громко позвала Линду. Сестра появилась в дверном проеме и застыла. Она суетливо вытирала руки о фартук и казалась неожиданно маленькой и жалкой. Я удивленно смотрел на нее.

— Что еще? — спросил я.

Линда заговорила. Она рассказала о таинственных снимках, о том, как Элизабет пришла к ней ночью и попросила сфотографировать ее, как Линда была только рада сохранить в секрете нападение Брэндона Скоупа на мою жену… Сестра не оправдывалась и ничего не приукрашивала. Хотя, с другой стороны, что тут приукрашивать? Линда просто огорошила меня своей историей, все так же стоя в дверях и ожидая неминуемой расплаты. Я слушал, опустив голову и не глядя ей в лицо. На самом деле я тут же простил ее. У всех есть свои слабые места. У всех.

Мне захотелось обнять Линду и сказать, что все понимаю. Но я не смог, мне нужно было время. Когда она замолчала, я просто кивнул:

— Спасибо, что рассказала.

Линда поняла намек и снова ушла на кухню. Почти минуту мы с Шоной сидели молча.

— Бек?

— Отец Элизабет обманывал меня, — сказал я.

Она кивнула.

— Мне надо с ним поговорить.

— Он ничего не сказал тебе раньше. Где гарантия, что скажет сейчас?

Шона была права. Я рассеянно пощупал в кармане пистолет.

— Посмотрим.

* * *

Карлсон перехватил меня на лестничной площадке.

— Доктор Бек?

В это же самое время на другом конце города, в офисе окружного прокурора, проходила пресс-конференция. Репортеры скептически выслушали путаные объяснения Фейна, без конца придираясь к неточностям и накладкам в его рассказе. Это, собственно, и было целью Фейна: заморочить журналистам головы, внести как можно больше путаницы в их репортажи. В таких случаях путаница полезна. Она приводит

к пространным разъяснениям, толкованиям, описаниям и другим «ниям», а публика этого не любит, публике подавай что покороче да поинтереснее.

Карлсон шагнул ко мне.

— Можно задать вам несколько вопросов?

— Не сейчас, — отрезал я.

— У вашего отца имелся пистолет, — сказал сыщик.

Его слова пригвоздили меня к полу.

— Что?

— Стивен Бек, ваш отец, купил «смит-и-вессон» тридцать восьмого калибра за несколько месяцев до своей смерти.

— И как это связано с обвинениями в мой адрес?

— Уверен, что оружие унаследовали вы. Я прав?

— Я не обязан с вами говорить.

Я нажал кнопку вызова лифта.

— Пистолет у нас, — сказал Карлсон.

Я, похолодев, повернулся.

— Он был в ячейке на имя Сары Гудхарт вместе с фотографиями.

Я не верил своим ушам.

— Почему вы не сказали мне этого раньше?

Карлсон криво улыбнулся.

— Ах да, я же был плохим парнем, — вспомнил я. Затем, снова повернувшись к лифту, добавил: — Не вижу связи.

— А мне кажется, видите.

Я снова надавил кнопку.

— Вы ходили к Питеру Флэннери, — продолжал Карлсон. — Спрашивали его об убийстве Брэндона Скоупа. Я хочу знать: почему?

Я нажал кнопку изо всех сил и не отпускал ее несколько секунд.

— Вы что, заблокировали лифт? — наконец догадался я.

— Да. Так почему вы навестили адвоката Флэннери?

Мои мозги заработали с неистовой скоростью. В голове промелькнула идея — довольно опасная для сложившихся обстоятельств. Шона поверила этому типу. Может, и мне сделать то же самое? Довериться ему хотя бы чуть-чуть?

— Потому что подозреваю то же, что и вы, — ответил я.

— Что именно?

— Что Киллрой не убивал мою жену.

Карлсон сложил руки на груди.

— А при чем тут Питер Флэннери?

— Вчера вы отслеживали все мои передвижения, верно?

— Верно.

— Я решил сделать то же самое. Проследить за действиями, которые Элизабет совершила восемь лет назад. Инициалы и телефон Флэннери были в ее ежедневнике.

— Понятно, — сказал Карлсон. — И что вы узнали от мистера Флэннери?

— Ничего, — соврал я. — Этот ход оказался тупиковым.

— А я, представьте, так не думаю, — не согласился Карлсон.

— Почему?

— Вы знаете, что такое баллистическая экспертиза?

— Видел что-то по телевизору.

— Попросту говоря, каждый пистолет оставляет уникальные, только ему присущие следы на вылетающей из его ствола пуле. Как отпечатки пальцев у людей.

— Это я знаю.

— После вашего визита к Флэннери я попросил своего человека провести баллистическую экспертизу ствола, лежавшего в ячейке на имя Сары Гудхарт. И знаете, что мы обнаружили?

Я покачал головой, хотя на самом деле знал.

Карлсон помолчал немного, чтобы придать своим словам больший вес, а потом сказал:

— Из пистолета, который вы унаследовали от вашего отца, когда-то убили Брэндона Скоупа.

Открылась дверь одной из квартир, оттуда вышла женщина с сыном-подростком. Мальчишка хныкал, опустив плечи, вся его фигура выражала упрямство и стремление добиться своего. Его мать поджала губы и высоко подняла голову, будто не желая ничего слушать. Карлсон пробормотал что-то в рацию. Пропуская семейство к лифту, мы сделали шаг назад, наши глаза встретились, и между нами проскочила искра молчаливого взаимопонимания.

— Агент Карлсон, вы верите в то, что я — убийца?

— Честно? — спросил Карлсон. — Сильно сомневаюсь.

Любопытный ответ.

— Вы, конечно, знаете, что я не обязан отвечать на ваши вопросы. Я даже имею право позвонить Эстер Кримштейн и похоронить все, что вы пытаетесь сейчас сделать.

Он нахмурился, но спорить со мной не стал.

— И что дальше?

— Дайте мне два часа.

— На что?

— Два часа, — повторил я.

Карлсон задумался.

— При одном условии, — через пару секунд ответил он.

— Каком?

— Вы скажете мне, кто такая Лиза Шерман.

Вопрос меня озадачил.

— Никогда не слышал этого имени.

— Вчера вечером вы вместе с ней должны были лететь в Лондон.

Элизабет.

— Я понятия не имею, о чем вы говорите, — отрезал я.

Звякнул сигнал прибытия лифта, двери разъехались.

Мамаша с поджатыми губами и ее надутый упрямец сын вошли в кабину и оглянулись на нас. Я махнул, чтобы они придержали дверь.

— Два часа, — снова сказал я.

Карлсон нехотя кивнул. Я заскочил в лифт.

40

— Вы опоздали! — с деланным французским акцентом закричал на Шону щуплый человечек-фотограф. — И выглядите как — comment dit-on?[24] — как из помойки!

— Умолкни, Фредерик, — бросила в ответ Шона, не заботясь о том, как на самом деле зовут фотографа. — Откуда ты, кстати, из Бруклина?

Тот воздел руки к потолку:

— Я не могу работать в таких условиях!

К ним уже спешила Арета Фельдман, агент Шоны.

— Не волнуйтесь так. Франк, наш гример быстренько приведет ее в порядок. Шона всегда выглядит будто чучело, когда приходит на съемку. Сейчас все будет нормально. — Понизив голос, она прошипела Шоне в ухо: — Что с тобой стряслось?

— Пусть он заткнется.

— Со мной-то не изображай примадонну.

— У меня была тяжелая ночь, ясно?

— Нет, не ясно. Иди гримируйся.

---

[24] Примечания: 24
Как бы это сказать? (фр.)

Увидев, в каком состоянии лицо Шоны, гример застонал от ужаса.

— Что за мешки у тебя под глазами? — воскликнул он. — У нас съемка или что?

— Съемка, — мрачно отозвалась Шона.

— Да, кстати, — вспомнила Арета, — это тебе.

Она протянула Шоне письмо.

Шона покосилась на конверт.

— Что это?

— Понятия не имею. Курьер принес десять минут назад. Сказал — срочно.

Шона взяла письмо и перевернула конверт. На обратной стороне знакомым почерком было написано всего одно слово — «Шоне». В животе заныло.

Уставившись на надпись, Шона попросила:

— Подождите секунду.

— Уже и так время поджимает…

— Одну секунду.

Гример и агент отступили на шаг. Шона вскрыла конверт. Оттуда выпал листок бумаги, на котором тем же почерком было написано:

«Зайди в женский туалет».

Шона встала со стула, стараясь дышать как можно ровнее.

— Что случилось? — спросила Арета.

— Мне надо отлить, — ответила Шона, сама удивившись тому, как спокойно звучит ее голос. — Где здесь туалет?

— Вниз по коридору налево.

— Скоро вернусь.

Спустя две минуты Шона толкнула дверь душевой. Она была заперта. Шона постучала, прошептав:

— Это я.

И подождала.

Через несколько секунд она услышала скрежет отпираемой задвижки. Затем — тишина. Шона глубоко вздохнула и вновь надавила на дверь, та подалась. Она вошла и застыла. Перед ней, у ближайшей душевой кабинки, стояло привидение.

Шона с трудом подавила крик.

Ее не обманули ни темноволосый парик, ни очки в проволочной оправе, ни постройневшая фигура.

— Элизабет…

— Запри дверь, Шона.

Без единой мысли в голове Шона повиновалась. Повернувшись, она сделала шаг к старой подруге. Элизабет отпрянула.

— У нас нет времени.

Наверное, первый раз в жизни Шона потеряла дар речи.

— Ты должна убедить Бека, что я погибла, — сказала Элизабет.

— Поздновато.

Взгляд Элизабет обежал помещение, будто отыскивая пути к отступлению.

— Я зря вернулась. Глупая, дурацкая ошибка. Я не могу остаться. Ты должна сказать ему…

— Мы видели результаты вскрытия, Элизабет, — перебила Шона. — И уже не загоним джинна обратно в бутылку.

Элизабет закрыла глаза.

— Что, черт возьми, случилось? — спросила Шона.

— Нельзя мне было приезжать.

— Это я уже слышала.

Элизабет закусила нижнюю губу.

— Мне необходимо снова уехать.

— Ты не имеешь права.

— Что?!

— Ты не имеешь права исчезнуть еще раз.

— Если я останусь, Бек погибнет.

— Он уже погиб, — сказала Шона.

— Ты ничего не знаешь.

— И знать не хочу. Если ты снова бросишь Бе-

ка, он не выживет. Я восемь лет ждала, что он примирится наконец с твоей смертью. Обычно так случается, ты знаешь. Раны заживают, жизнь продолжается. Только не для Бека.

Шона снова сделала шаг к Элизабет.

— Я не дам тебе еще раз сбежать.

Две пары глаз наполнились слезами.

— Неважно, почему ты пропала тогда, — сказала Шона, подвигаясь еще ближе. — Важно, что сейчас ты вернулась.

— Я не могу остаться, — слабым голосом повторила Элизабет.

— Ты должна.

— Даже если это убьет Бека?

— Да, — твердо, не колеблясь, ответила Шона. — Даже если так. И ты знаешь, что я права. Поэтому ты здесь. Знаешь, что не можешь бросить его снова. И знаешь, что я тебе этого не позволю.

Шона сделала еще шаг.

— Я так устала скрываться, — тихо проговорила Элизабет.

— Вижу.

— Я не представляю, что теперь делать.

— И я тоже. Но новый побег не выход. Расскажи Беку все, Элизабет. Он поймет.

Элизабет подняла голову.

— Знаешь, как я его люблю?

— Да, — отозвалась Шона. — Знаю.

— Я не могу позволить, чтобы он пострадал.

— Слишком поздно, — сказала Шона.

Теперь между ними оставался лишь шаг. Шоне хотелось сделать его и обнять подругу, однако она осталась на месте.

— Ты можешь связаться с Беком? — спросила Элизабет.

— Да, он дал мне номер сотового…

— Позвони ему и скажи: «Дельфин». Я встречу его там сегодня вечером.

— Я не знаю, что значит этот чертов дельфин.

Элизабет скользнула ей за спину, открыла дверь душевой и шепнула:

— Бек знает.

С этими словами она испарилась.

41

Мы с Тиризом сели, как обычно, сзади. Утреннее небо было угольно-черным, цвета надгробного камня. Когда машина пересекла мост Джорджа Вашингтона, я сказал Брутусу, куда поворачивать дальше. Сквозь неизменные черные очки Тириз внимательно изучал мое лицо.

— Куда едем? — спросил он наконец.

— К моему тестю.

Тириз явно ждал пояснений.

— Он полицейский, — добавил я.

— Как зовут?

— Хойт Паркер.

Брутус улыбнулся. Тириз тоже.

— Вы его знаете?

— Самому с ним работать не приходилось, а имя слышал.

— Как это «работать»?

Тириз только отмахнулся. Мы въехали в пригород. За последние три дня я пережил немало нового и мысленно добавил к списку своих приключений поездку по местам моего детства в машине с затененными стеклами и в компании

двух торговцев наркотиками. Я давал Брутусу указания до тех пор, пока мы не подрулили к знакомому дому на Гудхарт-роуд.

Я вышел, добрался до двери и позвонил. За спиной взревела, газуя, машина. Над городом сгустились тучи, внезапно небо расколола молния. Я снова нажал кнопку звонка, руку пронзила боль. Тело по-прежнему ныло после вчерашней пробежки и пыток таинственного азиата. На секунду я задумался, что бы случилось, не подоспей ко мне — очень, надо сказать, вовремя — Тириз и Брутус. И лишь огромным усилием воли отогнал эту мысль.

Наконец я услышал голос Хойта:

— Кто там?

— Бек.

— Открыто.

Я потянулся к дверной ручке. Пальцы остановились на полпути. Черт! За свою жизнь я приходил сюда бесчисленное множество раз, и никогда Хойт не спрашивал: «Кто там?» Он был из людей, предпочитающих словам действия. Прятаться в кустах не в его стиле, Хойт в жизни ничего не боялся. Вы звоните в дверь — он открывает, встречаясь с вами лицом к лицу.

Я глянул назад: Тириз с Брутусом уже умчались,

с их внешностью негоже болтаться возле дома белого копа в белом квартале.

— Бек?

Деваться некуда. Я вспомнил про пистолет. Взявшись левой рукой за дверную ручку, правую я опустил в карман. На всякий случай. Приоткрыл дверь и просунул голову в щель.

— Иди в кухню! — послышался голос Хойта.

Я вошел. В доме пахло лимоном — похоже на один из тех дезинфицирующих приборов, что вставляются в розетку. Запах показался мне отвратительным.

— Есть будешь? — спросил Хойт.

Я все еще не видел его.

— Нет, спасибо.

Я двинулся в кухню. Прошел мимо старых фотографий на камине и на этот раз не зажмурился. Когда мои ноги зашуршали по линолеуму, я огляделся. Пусто. Я уже собрался выйти, когда почувствовал прикосновение холодного металла к затылку.

— Ты вооружен, Бек?

Я молча замер.

Не убирая пистолета, Хойт ощупал меня свободной рукой. Нашел «глок», вытащил и швырнул через всю кухню.

— Кто привез тебя?

— Двое друзей, — с трудом проговорил я.

— Что за друзья?

— Какая вам разница, черт побери?

Он отпустил меня. Я повернулся. Дуло смотрело прямо в грудь, оно казалось огромным — гигантский рот, готовый проглотить меня целиком, со всеми потрохами. Трудно было отвести взгляд от этого темного ледяного туннеля.

— Ты пришел убить меня? — осведомился Хойт.

— Что?! Нет.

Я заставил себя посмотреть на тестя. Он был небрит, глаза покраснели, все тело тряслось. Пил. И пил много.

— Где миссис Паркер? — спросил я.

— В надежном месте.

Странный ответ.

— Я отослал ее.

— Зачем?

— Я думал, ты знаешь.

Может быть, и знал. Или начинал догадываться.

— Зачем мне убивать вас, Хойт?

Паркер все еще держал пистолет на уровне моей груди.

— А ты всегда носишь с собой оружие, Бек? За это я бы мог бросить тебя в кутузку.

— Вы поступили со мной гораздо хуже, — отрезал я.

Его лицо осунулось. С губ сорвался стон.

— Чье тело мы кремировали тогда, Хойт?

— Так ты ни черта не знаешь!

— Я знаю, что Элизабет жива.

Его плечи дрогнули, однако оружие осталось на том же уровне. Я увидел, как напряглась рука, держащая пистолет, и на какое-то мгновение поверил, что Хойт нажмет сейчас на курок. Отскочить? Бесполезно, он пристрелит меня секундой позже, вот и все.

— Сядь, — мягко сказал тесть.

— Шона видела описание вскрытия. Мы догадались, что в морге была не Элизабет.

— Сядь, — повторил Хойт, поднимая пистолет, и мне показалось, что, если я не послушаюсь, он выстрелит.

Паркер провел меня обратно в гостиную. Я сел на пресловутую кушетку, хранительницу дорогих моему сердцу секретов, подозревая, что все они покажутся детскими сказками по сравнению со взрывом, который вот-вот раздастся в этой комнате.

Хойт уселся напротив. Его рука будто совсем не уставала, пистолет по-прежнему смотрел прямо на меня. Тренировка, наверное. Видно было, как измучен этот человек, истощение струилось из него, как газ из плохо завязанного воздушного шарика. Он сдувался прямо на глазах.

— Что происходит? — спросил я.

— Почему ты считаешь, что Элизабет все еще жива? — осведомился Паркер вместо ответа.

Я промолчал. Может, это ошибка и он вовсе ничего не знает? Нет, немедленно понял я. Он видел тело в морге, опознавал его. И тут я вспомнил сообщение.

Не говори никому…

Неужели я зря пришел сюда?

И опять нет. Сообщение было отослано три дня назад — практически в иную эру. Теперь я просто обязан был принимать какие-то решения, должен был действовать, идти напролом.

— Ты видел ее? — спросил тесть.

— Нет.

— Где она?

— Не знаю.

Внезапно Хойт поднял голову и приложил палец к губам, показывая, чтобы я молчал. Он встал и прокрался к окну. Занавески были задернуты.

Хойт осторожно отодвинул одну из них и выглянул сбоку.

Я поднялся.

— Сядь.

— А вы стреляйте, Хойт.

Он посмотрел на меня.

— Элизабет в беде, — сказал я.

— И ты думаешь, что можешь помочь ей? — Он презрительно фыркнул. — В ту ночь я спас жизнь вам обоим. А что сделал ты?

Я почувствовал, как что-то дрогнуло в груди.

— Потерял сознание, — ответил я.

— Верно.

— Вы… — Слова выговаривались с трудом. — Вы спасли нас?

— Сядь.

— Если вы знаете, где она…

— Если бы я знал, где она, я бы тут с тобой не беседовал.

Я сделал шаг к нему. И еще один. Он угрожающе вздернул пистолет. Я не остановился, пока дуло не уперлось мне в живот.

— Либо говорите все, либо стреляйте.

— Ты готов к такому выбору?

Я посмотрел Хойту прямо в глаза и, наверное, впервые в жизни выдержал его взгляд. Между

нами что-то проскочило, хотя я не мог сказать точно, что именно. С его стороны, возможно, отвращение. Только плевал я на это.

— Вы знаете, как мне не хватает вашей дочери?

— Сядь, Дэвид.

— Нет, пока…

— Я расскажу тебе все, — мягко сказал тесть. — Только садись.

Пятясь обратно к кушетке, я не спускал с него глаз. Затем опустился на подушки. Хойт положил пистолет на журнальный столик.

— Хочешь выпить?

— Нет.

— Тебе бы не повредило.

— Не сейчас.

Он пожал плечами и подошел к бару, старому и обшарпанному. Тренькнули стаканы; беспорядок, в котором они стояли, наводил на мысль, что этот поход — далеко не первый за сегодняшний день. Хойт не спеша нацедил себе выпивку. Я хотел поторопить его, однако решил чересчур не напирать — ему необходимо собраться с мыслями, подыскать нужные слова. Во всяком случае, мне хотелось думать именно так.

Наконец тесть рухнул в кресло, держа стакан

обеими руками.

— Я всегда тебя недолюбливал, — начал он. — Тут не было ничего личного, пойми. Ты из порядочной семьи, твой отец был хорошим человеком и мать… она ведь тоже по-своему ничего, так?

Одной рукой Хойт зажал стакан, а другой взъерошил шевелюру.

— Мне просто казалось, что твоя… — Паркер поднял глаза к потолку, подыскивая подходящее слово, — излишняя привязанность мешает моей дочери взрослеть. Теперь-то… теперь-то я понял, как вам обоим повезло.

В комнате будто похолодало. Я старался не дышать, не двигаться, чтобы не спугнуть его.

— Я начну с той ночи на озере, — сказал Хойт. — Когда они схватили Элизабет.

— Кто «они»?

Хойт уставился в стакан.

— Не перебивай, — нахмурился он. — Сиди и слушай.

Я кивнул, хотя тесть этого не увидел. Он все смотрел в стакан, словно истина и в самом деле плавала в вине.

— Ты знаешь кто, — в итоге ответил он. — Или сейчас узнаешь. Те два типа, трупы которых нашли на озере.

Внезапно Хойт обежал взглядом комнату, схватил пистолет, поднялся и вновь подошел к окну. Мне хотелось спросить, чего он так боится, но я боялся сбить его с мысли.

— Мы с братом приехали на озеро поздно. Может быть, слишком поздно. Успели перехватить их уже на дороге. Помнишь, там, где два здоровых валуна?

Хойт кинул быстрый взгляд в окно, затем перевел глаза на меня. Я помнил эти большие камни. Они стояли по обе стороны грязной проселочной дороги, в полумиле от озера Шармэйн. Огромные, округлые, примерно одной величины, окруженные массой легенд и догадок о том, как они здесь появились.

— Мы спрятались за валунами, я и Кен. Когда похитители подъехали поближе, я прострелил им колесо. Машина остановилась. Когда они вылезли, я застрелил обоих. В голову.

Еще раз поглядев в окно, Хойт вернулся к креслу, отложил пистолет и сел, уставившись в стакан. Я ждал, затаив дыхание.

— Тех двоих нанял Гриффин Скоуп, — продолжил тесть. — Они должны были допросить, а затем убить Элизабет. Мы с Кеном просекли его план и кинулись на озеро, чтобы помешать им.

Он поднял руку, как бы приказывая мне молчать, хотя я и так даже рта раскрыть не пытался.

— Здесь не важно, что, как и почему. Просто прими как данное — Гриффин Скоуп желал смерти Элизабет. Остальное тебе знать не стоит. И он бы не остановился только потому, что мы шлепнули двух его людишек. Там, где он нанял этих бандитов, оставалось полным-полно таких же. Скоуп как те мифические чудища, у которых отрубаешь одну голову, а вместо нее вырастают две. — Хойт посмотрел на меня. — С такой силой не справишься, Бек.

Он сделал большой глоток. Я молчал.

— Я бы хотел, чтобы ты мысленно вернулся в ту ночь и представил себя на нашем месте. — Хойт придвинулся ближе, словно это могло помочь убедить меня. — Два убитых тобой человека лежат на проселочной дороге. Один из самых влиятельных людей в мире послал их похитить твою дочь. У него нет ни сожаления, ни совести, он готов убивать невинных людей, только бы достичь своих целей. Что бы сделал ты? Предположим, мы решили бы обратиться в полицию. И что бы мы там сказали? Скоуп не из тех, кто оставит против себя улики, а даже если бы и оставил, у него больше купленных полицейских и

судей, чем волос на моей голове. Нам пришел бы конец. Вот и представь, Бек: ты там. Перед тобой на земле два трупа. Что бы ты сделал?

Я счел вопрос риторическим.

— Я объяснил все Элизабет точно так же, как сейчас объясняю тебе. Я сказал, что Скоуп сотрет нас в порошок, чтобы добраться до нее. Если она просто сбежит — например, где-нибудь спрячется, — он будет пытать нас с Кеном. Или мою жену. Или твою сестру. Пытать, пока мы не выдадим Элизабет. Он сделал бы все, что угодно, лишь бы найти и уничтожить мою дочь. — Хойт наклонился еще ближе. — Теперь понимаешь? Видишь, что у нас был один-единственный выход?

Я кивнул, потому что действительно видел.

— Вы должны были убедить всех, что Элизабет действительно погибла.

Он улыбнулся, и по моему телу опять пробежали мурашки.

— У меня были скоплены кое-какие денежки. У Кена тоже. И связи имелись. Элизабет как сквозь землю провалилась. Мы вывезли ее из страны. Она постриглась, научилась менять внешность, что оказалось даже излишней предосторожностью. Никто не искал ее. Восемь лет Элизабет колесила по странам «третьего мира», работая на

Красный Крест, ЮНИСЕФ или другие организации, в которые имела возможность устроиться.

Я чувствовал, что тесть многое недоговаривает, но продолжения не требовал. Просто сидел и переваривал услышанное. Рассказ Хойта потряс меня до глубины души. Элизабет. Она жива. Она была жива все эти восемь лет — дышала, ходила, даже работала… Это было очень трудно принять вот так, сразу. Я зависал, как перегруженный компьютер.

— Ты, наверное, хочешь знать, что за тело было в морге.

Я с трудом кивнул.

— Это как раз оказалось провернуть легче всего. Неопознанные тела хранятся в патологическом отделении, пока их не скапливается слишком много. Тогда их собирают и увозят на специальное кладбище, на Рузвельт-Айленд. Я просто дождался очередного трупа белой женщины, хотя бы чуть-чуть совпадающей по параметрам с Элизабет. Правда, это заняло больше времени, чем я думал. Девушка, наверное, сбежала из дома и ее прирезал дружок. Или сутенер, теперь мы уже не узнаем точно. И конечно, мы не могли оставить убийство Элизабет нераскрытым, нужен был подставной преступник для достоверности. Мы

выбрали Киллроя. Все знали, что он клеймит лица убитых буквой «К». Мы сделали то же самое с нашим трупом. Оставалась лишь проблема идентификации. Сначала мы думали сжечь тело так, чтобы оно обгорело до неузнаваемости. Однако тогда эксперты начали бы исследовать зубы, кости и тому подобное. Поэтому мы поступили по-другому. Цвет волос совпадал. Тон кожи и возраст были почти такими же, как у Элизабет. Мы выбросили тело в маленьком городке, где был только один коронер. Сделали анонимный звонок в полицию. Постарались приехать в офис медэксперта одновременно с машиной, которая доставила труп. И все, что мне оставалось сделать, — это залиться слезами и опознать его. Большинство убитых идентифицируется именно родственниками. Так я и сделал, а Кен подтвердил мои слова. Кто бы стал нас проверять? Кому могло бы прийти в голову, что безутешные отец и дядя врут?

— Вы страшно рисковали, — сказал я.

— А у нас был другой выход?

— Должен был быть.

Хойт придвинулся совсем близко, так, что я почувствовал его дыхание. Мешки у него под глазами обвисли.

— И снова, Бек, я прошу тебя представить, что ты на проселочной дороге с двумя трупами — сидишь там, опережая противника всего на один шаг. Скажи мне, что бы ты сделал?

У меня не было ответа.

— Оставались и другие проблемы, — сказал Хойт, снова отодвинувшись. — Мы боялись, что наша любительская постановка не обманет людей Скоупа. К моему большому счастью, сразу после похищения и убийства Элизабет те два головореза с озера должны были покинуть страну. Мы нашли у них билеты на самолет до Буэнос-Айреса. Кроме того, оба были бродягами, ненадежными типами. Люди Скоупа поверили в устроенное нами представление, но продолжали следить — не потому, что считали Элизабет живой, а потому, что боялись: как бы она не оставила кому-нибудь из нас компрометирующих материалов.

— Каких еще материалов?

Хойт проигнорировал вопрос.

— Последние восемь лет твой дом, твой телефон, может быть, твой кабинет на работе были начинены «жучками». Мои тоже.

Так вот чем объяснялись зашифрованные сообщения! Мои глаза обежали комнату.

— Я все проверил вчера, — сказал Хойт. — Здесь чисто.

Он замолчал. Когда прошло несколько минут, я рискнул задать вопрос:

— Почему Элизабет решила вернуться именно сейчас?

— Потому что дуреха, — ответил тесть, и впервые я уловил в его голосе раздражение. Хойту потребовалось некоторое время, чтобы успокоиться. Когда красные пятна исчезли с его лица, он объяснил: — Из-за тех похитителей, которых мы закопали.

— При чем тут они?

— Элизабет следила за новостями по Интернету. Она прочла про обнаруженные на озере трупы и решила, так же, как и я, что Скоуп может догадаться, как в действительности было дело.

— И понять, что она жива?

— Да.

— Но если Элизабет находилась за океаном, ему было бы невероятно трудно ее найти.

— Я ей так и сказал. Она ответила, что это их не остановит. Они схватят меня. Или ее мать. Или тебя. Хотя… — Хойт уронил голову. — Тут дело даже не в трупах.

— А в чем?

— Иногда мне казалось, что она даже ждала чего-нибудь этакого.

Паркер покрутил стакан, звякнули льдинки.

— Элизабет хотела вернуться к тебе, Дэвид. Вот и использовала эту новость, как предлог.

Я снова ждал продолжения. Хойт выпил еще глоток и опять посмотрел в сторону окна.

— Теперь твоя очередь, — сказал он.

— В смысле?

— Я тоже хочу кое-что понять. Например, как она связалась с тобой? Как ты сумел уйти от полиции? Где ты думаешь ее искать?

Я колебался недолго. У меня просто не было выбора.

— Элизабет прислала мне анонимные сообщения по электронной почте. Зашифровала их так, чтобы понял только я.

— Что за шифр?

— Наши детские воспоминания.

Хойт кивнул.

— Она знала, что за тобой следят.

— Судя по всему, да. — Я поерзал на кушетке и спросил: — Что вы знаете о людях Гриффина Скоупа?

Хойт удивился:

— Людях Скоупа?

— Не работает ли на него парень восточного типа?

Краска бросилась Хойту в лицо, оно покраснело, будто открытая рана. Тесть глядел на меня с благоговейным ужасом, только что не перекрестился.

— Эрик Ву, — глухо проговорил он наконец.

— Вчера я встретил мистера Ву собственной персоной.

— Невозможно, — прошептал Хойт.

— Почему?

— Ты не остался бы в живых.

— Мне повезло.

Я поведал Паркеру мою историю. Он, казалось, сейчас расплачется.

— Если Ву нашел Элизабет, если он схватил ее в парке раньше, чем тебя… — Хойт зажмурился, отгоняя ужасную картину.

— Не схватил.

— Почему ты так уверен?

— Потому что он допытывался, что я делал в парке. Если бы он уже поймал Элизабет, то не стал бы об этом спрашивать.

Паркер медленно кивнул. Допил свой стакан и нацедил следующий.

— Но теперь они знают, что Элизабет жива, —

сказал он. — Значит, скоро придут и за нами.

— Что ж, будем защищаться, — с фальшивой бодростью сказал я.

— Ты меня будто и не слушал. У чудища вырастают новые головы.

— А в конце герой все равно побеждает.

Хойт лишь фыркнул в ответ. И был, надо сказать, прав. Я не спускал с него глаз. Пробили старые часы.

— Вы должны рассказать мне остальное, — сказал я.

— Остальное уже не важно.

— Вся эта история связана со смертью Брэндона Скоупа, верно?

Он снова кивнул. Правда, без особой уверенности.

— Я знаю, что Элизабет обеспечила алиби Хелио Гонсалесу, — продолжал я.

— Это не важно, Бек, поверь мне.

— Сказала, что приходила к нему и он ее поимел.

Хойт молча сделал очередной глоток.

— Элизабет зарезервировала ячейку на имя Сары Гудхарт, — продолжал я. — Именно там и нашлись ее фотографии.

— Знаю. В ту ночь мы спешили. Я не знал, что

бандиты уже забрали у нее ключ. Мы обшарили их карманы, но не догадались заглянуть в ботинки. Да в тот момент это казалось и не важным, я считал, что их никогда не найдут.

— В ячейке, кроме фотографий, было и кое-что еще.

Хойт аккуратно отставил стакан.

— Старый пистолет моего отца. Тридцать восьмой калибр. Помните его?

Тесть поглядел в сторону и сказал неожиданно мягким голосом:

— «Смит-и-вессон». Я помогал Стивену его выбирать.

Я почувствовал, как меня снова затрясло.

— Вы знали, что Брэндон Скоуп был убит именно из этого оружия?

Хойт крепко зажмурился, как ребенок, отгоняющий дурное видение.

— Расскажите мне, что случилось.

— Ты знаешь.

Я не мог справиться с дрожью.

— Все равно расскажите.

— Элизабет убила Брэндона Скоупа.

Каждое слово звучало как взрыв.

Я замотал головой. Я знал, что это неправда.

— Она работала с ним бок о бок в этой их бла-

готворительной организации и узнала бы правду рано или поздно. Брэндон играл и в доброго дядюшку, и в уличного гангстера одновременно. Наркотики, оружие и многое другое.

— Элизабет мне не рассказывала.

— Она никому не рассказывала, Бек. Но Брэндон понял, что она знает. Он избил Элизабет, чтобы запугать. Я не узнал тогда об этом, она запудрила мне голову этой историей о дорожной аварии так же, как и всем остальным.

— Элизабет никого не убивала, — настаивал я.

— Это была самооборона. Когда Брэндон понял, что Элизабет продолжает следить за ним, он вломился в ваш дом с ножом в руках. Бросился на нее… и она выстрелила. Необходимая самооборона.

Я, не останавливаясь, мотал головой.

— Элизабет позвонила мне, рыдая. Я кинулся к вам. Когда доехал, — он осекся, переводя дыхание, — Брэндон уже умер. Элизабет держала в руке пистолет. Она хотела, чтобы я позвонил в полицию. Я ее отговорил. Гриффину Скоупу не было бы дела до того, что моя дочь просто защищалась. Он бы убил ее или придумал что-нибудь похуже. Я попросил ее дать мне несколько часов. Элизабет колебалась, но в конце концов согласилась.

— Вы перетащили тело, — сказал я.

Он кивнул.

— Я знал о Гонсалесе. Парень быстро скатывался по наклонной плоскости. Я таких отпетых много видел, его бы все равно скоро посадили. Лучшее прикрытие надо было поискать.

Что-то начинало проясняться.

— Только вот Элизабет не согласилась, — догадался я.

— Я не думал, что так выйдет, — кивнул Хойт. — Она услышала в новостях об аресте Гонсалеса и решила устроить ему алиби. Чтобы спасти его, — тесть саркастически усмехнулся, — от пожизненного заключения. — Он покачал головой. — Глупо. Если бы только Элизабет позволила повесить убийство на этого придурка, все бы кончилось еще тогда.

— Люди Скоупа прознали, что она организовала ему алиби? — спросил я.

— Да, из каких-то своих источников. Они провели собственное расследование и узнали, что моя дочь следила за Брэндоном Скоупом. Догадаться об остальном не составило труда.

— Значит, той ночью на озере, — сказал я, — это было что-то вроде мести?

— Частично да, — согласился, подумав, Хойт. —

А кроме того, Скоуп хотел, чтобы правда о Брэндоне никогда не вылезла наружу. Для всех он был погибшим героем. Его отец не желал, чтобы кто-то разрушил эту легенду.

«И моя сестра тоже», — подумал я.

— Я так и не понял, зачем Элизабет спрятала вещи в банковской ячейке.

— Доказательства, — коротко объяснил Хойт.

— Чего?

— Что она убила Брэндона Скоупа. И что сделала это в пределах необходимой самообороны. Элизабет не хотела, чтобы за ее выстрел осудили кого-нибудь другого. Наивно, да?

Нет, не наивно. Я сидел и пытался осмыслить открывшуюся мне правду. Не получалось. Потому что это была не вся правда. Я знал это лучше, чем кто-либо еще. Я смотрел на своего тестя — на посеревшую кожу, редеющую шевелюру, обвисший живот, на сохранившее выправку полицейского, но уже стареющее тело. Хойт думал, будто знает, что случилось с его дочерью. Он и не догадывался, как сильно ошибается.

Я услышал раскат грома. Дождь забарабанил в стекло тысячей маленьких кулачков.

— Вы могли бы, по крайней мере, рассказать мне.

Он со значением покачал головой.

— И что бы ты сделал, Бек? Бросился бы за ней? Чтобы убежать вдвоем? За вами бы проследили. И нас бы просто прикончили всех вместе. Они и сейчас за тобой следят. Мы никому не говорили. Даже матери Элизабет. И если ты хочешь доказательств того, что мы поступили правильно, просто оглянись вокруг. Восемь лет прошло. Все, что сделала Элизабет, — послала тебе пару зашифрованных сообщений. И посмотри, что поднялось.

Хлопнула дверца автомобиля. Хойт по-кошачьи прыгнул к окну и выглянул из-за занавески.

— Та машина, в которой ты приехал. Внутри — двое чернокожих.

— Это за мной.

— Ты уверен, что они не работают на Скоупа?

— Уверен.

Тут же зазвонил мой новый мобильник.

— Все в порядке? — спросил Тириз.

— Да.

— Выходите.

— Зачем?

— Вы доверяете вашему копу?

— Не совсем.

— Тогда выходите.

Я сказал Хойту, что должен выйти. Он казался слишком пьяным, чтобы среагировать. Я подобрал свой пистолет и двинулся к двери. Тириз и Брутус уже ждали снаружи. Накрапывал дождь, но никому из нас не было до этого дела.

— У меня для вас звонок. Отойдите.

— Куда?

— Личный, — объяснил Тириз. — Не хочу ничего слышать.

— Я тебе доверяю.

— Делайте, что я вам говорю, док.

Я отошел так, чтобы меня не было слышно. В окне шевельнулась занавеска: Хойт был начеку. Я поглядел на Тириза, тот знаками приказал мне поднести трубку к уху. Я повиновался. Тишина, а потом голос Тириза:

— Линия свободна, давайте.

А за ним — голос Шоны:

— Я ее видела. Она просила тебе передать, что вечером будет ждать у «Дельфина».

Я понял. Шона отключилась. Я вернулся к Тиризу и Брутусу.

— Мне надо ехать. Одному.

Тириз глянул на Брутуса.

— В машину, — приказал он.

42

Брутус гнал, как бешеный. Он летел по улицам с односторонним движением, наплевав на все знаки. Делал неожиданные развороты, проскакивал на красный свет. По-моему, мы поставили рекорд нарушения правил дорожного движения.

От Метропарка в Айселине можно было за двадцать минут доехать до Порт-Джервиса, а там арендовать автомобиль. Когда мы приехали, Брутус остался в машине, а Тириз проводил меня до кассы.

— Вы тут советовали мне уехать и больше не возвращаться, — сказал он.

— Советовал.

— Вам, похоже, надо сделать то же самое.

Я протянул руку на прощание. Даже не взглянув на нее, Тириз порывисто обнял меня.

— Спасибо тебе за все, — тихо сказал я.

Он разжал объятия, поправил сползшую с плеч куртку и покосившиеся очки, пробормотал:

— Не за что. — И, не дожидаясь ответных слов, нырнул в машину.

Поезд пришел и отправился по расписанию. Я

рухнул на сиденье, пытаясь ни о чем не думать. Не получилось. Оглянулся вокруг. Вагон был почти пуст. Неподалеку сидели две девушки. Судя по набитым рюкзакам, студентки. Девицы сплетничали, до меня доносились бесчисленные «ничего себе!» и «представляешь?». Я отвел глаза и заметил на одном из сидений забытую кем-то газету.

Я пересел и перелистнул страницы. На первой красовался портрет попавшейся на магазинной краже старлетки. Я листал дальше, надеясь найти комиксы или спортивные новости, что-нибудь бестолковое, чтобы забить голову. И внезапно наткнулся на фотографию, кого бы вы думали? Меня, собственной персоной! Разыскиваемый преступник. Смешно, как угрожающе я выглядел на темной газетной фотографии. Исламский террорист, да и только.

А потом я увидел это. И мой мир, уже изрядно пошатнувшийся, снова перевернулся с ног на голову.

Я даже не стал читать статью, просто пробежал глазами по странице и наткнулся на имена. Впервые. Имена людей, тела которых были найдены на озере. Одно оказалось знакомым.

Мелвин Бартола.

Не может быть.

Я кинул газету и бросился по вагонам, открывая скользящие двери одну за другой, пока не нашел наконец кондуктора.

— Где будет следующая остановка? — выдохнул я.

— Риджмонт, Нью-Джерси.

— Там есть библиотека?

— Понятия не имею.

Я все равно сошел.

* * *

Эрик Ву привычно размял пальцы и мягко толкнул дверь.

Ему не составило особого труда вычислить двух чернокожих, которые спасли Бека. У Ларри Гэндла были друзья в полиции, Ву описал им защитников доктора и получил фотографии подходящих под это описание парней. Оставалось только перебрать снимки. Через пару часов он наткнулся на фото одного из вчерашних типов. Судя по подписи, типа звали Брутус Корнуэлл. Ву сделал несколько телефонных звонков и выяснил, что работает Брутус на наркодилера Тириза Бартона.

Легко.

* * *

Щелкнул замок, дверь отворилась, ручка стукнула о стену. Удивленная Латиша подняла глаза. Закричать она не успела: Ву оказался быстрее. Он прыгнул к девушке, зажал ей рот и что-то сказал на ухо. Второй человек, видимо, нанятый Гэндлом, вошел следом.

— Ш-ш-ш, — нежно прошептал Эрик.

На полу играл Ти Джей. Он поднял голову на шум и сказал:

— Мама?

Эрик Ву поглядел на ребенка и улыбнулся. Освободив Латишу, он опустился на пол. Латиша рванулась было к нему, но второй мужчина удержал ее. Ву опустил свою невероятную руку на голову Ти Джея и погладил мальчика по волосам. Потом повернулся к Латише:

— Как я могу найти Тириза?

* * *

Выскочив из поезда, я взял такси и доехал до гаража, где арендовал машину. Там же служащий в зеленой форме рассказал мне, как добраться до библиотеки. Я попал туда через три минуты.

Риджмонтская библиотека оказалась внушительным кирпичным зданием: окна с цветными стеклами, балконы, башенки. Внутри буковые полки и даже бар. На втором этаже я нашел библиотекаря и спросил, можно ли воспользоваться Интернетом.

— У вас есть какие-нибудь документы? — спросила она.

Я протянул ей паспорт.

— Мы обслуживаем только местных жителей.

— Пожалуйста, — попросил я. — Это очень важно.

Я ожидал сурового отказа, однако библиотекарь неожиданно смягчилась.

— Сколько времени вам понадобится?

— Буквально несколько минут.

— Садитесь вон к тому компьютеру. — Она показала на машину за моей спиной. — Это экспресс-терминал. Им может воспользоваться каждый, но только на десять минут.

Я поблагодарил ее и сел. Поисковик «Yahoo!» выдал мне сайт «Нью-Джерси джорнал», самой известной газеты округов Берген и Пассаик. Необходимая дата — двенадцатое января, двенадцать лет назад. Я нашел графу «Поиск» и набил данные.

Оказалось, что на сайте хранится информация только за последние шесть лет.

Черт!

Я снова кинулся к библиотекарю.

— Мне нужно найти статью из «Нью-Джерси джорнал», напечатанную двенадцать лет назад.

— Через Интернет не получилось?

Я замотал головой.

— Тогда микрофиши, — сказала она, вставая. — Какой месяц?

— Январь.

Библиотекарь, солидная женщина с тяжелой походкой, нашла рулон в нужном шкафу и помогла заправить пленку в машину.

— Удачи! — пожелала она.

Я сел и крутанул ручку аккуратно, как на новом мотоцикле. Микрофиша затрещала, продергиваясь через механизм. Каждые несколько секунд я останавливал аппарат, чтобы внимательно поглядеть на текст. Не прошло и двух минут, как появилась нужная мне дата. Статья оказалась на третьей странице.

При виде заголовка я чуть не задохнулся.

Иногда мне кажется, что *тогда* я явственно слышал скрежет шин по асфальту, хотя на самом деле мирно спал в своей постели за много миль

от места происшествия. Рана ныла до сих пор, хотя не так, как та, которую нанесла потеря Элизабет. Это была моя первая встреча со смертью, первая большая потеря, такое не забывается. Даже сейчас, двенадцать лет спустя, я досконально помнил ту ночь, хотя события обрушились на нас, будто ураган: предрассветный звонок в дверь; полицейские с бесстрастными лицами и Хойт среди них; слова сочувствия; сначала шок, потом постепенное осознание случившейся беды; побелевшее лицо Линды; мои внезапные слезы; непонимание мамы; она уговаривает меня перестать плакать; ее до той поры незаметная болезнь берет верх, она говорит, чтобы я перестал вести себя, как младенец, утверждает, что все в порядке, потом неожиданно наклоняется ко мне и удивляется, какие крупные у меня слезинки, слишком крупные для такого маленького ребенка; мать трогает одну, растирает ее между большим и указательным пальцами; «Прекрати рыдать, Дэвид!» — требует она сердито, а так как я не могу остановиться, она начинает кричать, и все кричит на меня, чтобы я перестал плакать, пока Линда и Хойт не дают ей успокоительное — далеко не в первый и, увы, не в последний раз в ее жизни. Воспоминания просто взорвались во

мне. Прочитав же статью, я испытал очередное потрясение.

> «Машина свалилась в овраг.
>
> Причина не установлена, один человек погиб.
>
> Сегодня около трех часов ночи «форд-таурус», за рулем которого находился Стивен Бек, житель Грин-Ривер, штат Нью-Джерси, упал с моста недалеко от границ округа Нью-Йорк. Вероятно, это случилось из-за того, что после недавнего снегопада дорожное покрытие было скользким, хотя полиция еще не выдала официального заключения о причинах аварии. Единственный свидетель трагедии, Мелвин Бартола, водитель грузовика из Вайоминга…»

Я не стал читать дальше. Авария или самоубийство — таковы были две версии случившегося. Теперь я знал, что и то, и другое — неправда.

* * *

— Ты чего? — спросил Брутус.

— Не знаю, — ответил Тириз. И, подумав, доба-

вил: — Возвращаться не хочется.

Брутус промолчал. Тириз искоса взглянул на старого друга. Тусоваться вместе они начали с третьего класса. Брутус и тогда не отличался разговорчивостью. Возможно, потому, что здорово получал на орехи — по два раза на дню, и в школе, и дома, — пока не сообразил, что единственный путь сохранить свою шкуру — стать самым крутым парнем в округе. Он начал таскать в школу пистолет, когда ему было одиннадцать, а в четырнадцать первый раз убил человека.

— Тебе такая жизнь не надоела?

Брутус пожал плечами и резонно ответил:

— Это все, что мы умеем.

Зазвонил мобильный Тириза. Он нажал кнопку:

— Да.

— Привет, Тириз.

Странный незнакомый голос.

— Кто это?

— Мы познакомились вчера. В белом фургоне.

Тириз похолодел. «Брюс Ли. О, черт…»

— Что тебе нужно?

— Тут кое-кто хочет с тобой поздороваться.

Мгновенная тишина, а потом голос Ти Джея:

— Папа!

Тириз сорвал темные очки. Все тело свело судорогой.

— Ти Джей! Что с тобой?

Ему снова ответил Эрик Ву:

— Я ищу доктора Бека, Тириз. Мы с Ти Джеем надеемся, что ты мне поможешь.

— Я не знаю, где он сейчас!

— Какая досада.

— Бог свидетель, не знаю!

— Понятно, — сказал Ву. — Не вешай трубку, Тириз, хорошо? Я хочу, чтобы ты кое-что послушал.

43

Дул ветер, и качались деревья, и пурпур заката сменился оловянным блеском ночного неба. Я поежился, вспомнив, как восемь лет назад точно такой же ночью последний раз приехал в это памятное место.

Интересно, не приглядывают ли ребята Скоупа и за озером? В любом случае, это не важно. Элизабет опять перехитрила всех. Я уже говорил, что на озере когда-то находился детский лагерь. Так вот, «Дельфином» назывался один из домиков, в котором жили самые старшие ребята. Он стоял в отдалении, в чаще леса, и в детстве мы даже побаивались туда заходить.

Арендованная мной машина взобралась на холм, где раньше располагался служебный вход в лагерь. Теперь он был почти не виден, высокая трава скрывала въезд, будто отверстие пещеры, однако и цепочка и знак, гласивший: «Посторонним вход воспрещен», по-прежнему были на месте. Я вылез из машины, отпер заржавевший замок и обмотал цепочку вокруг дерева.

Снова сел на водительское место и поехал по

направлению к лагерной кухне. Вернее, к ее остаткам. И хотя торчали еще в траве разрушенные, перевернутые печи и плиты, валялись там и сям горшки и кастрюли, большая часть оборудования и посуды ушла в землю. Я снова вышел и вдохнул сладковатый аромат молодой листвы. Я старался не думать об отце, но, дойдя до прогалины между деревьями, туда, где виднелся кусочек озера и светилась на воде лунная дорожка, опять услышал голоса духов. Теперь казалось, что они взывают к отмщению.

Я начал взбираться вверх по тропе, тоже почти незаметной. Странно, что Элизабет выбрала именно это место. Я уже говорил, что она никогда не любила играть на развалинах лагеря. Нас с Линдой, напротив, манили брошенные спальные мешки или свежевыпотрошенные консервные банки; мы гадали, что за бродяга оставил их здесь и не прячется ли он где-нибудь поблизости. Элизабет была умной девочкой, ей не нравились наши игры. Странность и неизведанность лишь отпугивали ее.

До «Дельфина» я добрался минут за десять. Домик на удивление хорошо сохранился: стены и потолок стояли нетронутыми, рассыпались только деревянные ступени крыльца. Уцелела

даже вывеска с надписью «Дельфин». Правда, висела она вертикально, на одном гвозде. Все поросло мхом, диким виноградом и другими, неизвестными мне растениями; они окружили домик снаружи, заползли внутрь, проросли и в окна и в двери, так что он стал выглядеть частью пейзажа.

— Вот ты и вернулся, — раздался голос за моей спиной.

Я подскочил от неожиданности.

Мужской голос.

Среагировал я мгновенно. Метнулся в сторону, упал на землю, перекатился, выхватил пистолет и прицелился. Незнакомец молча поднял руки вверх. Я не спускал с него глаз, держа палец на спусковом крючке. Он оказался совсем не похож на тех, кого я боялся увидеть. Длинная, спутанная шевелюра, густая борода, напоминающая разоренное вороньей стаей гнездо малиновки, истрепанный камуфляжный костюм. На миг мне показалось, что я вернулся в город и столкнулся с одним из уличных бродяг. Но я тут же понял, что ошибаюсь. Человек стоял прямо и спокойно глядел мне в глаза.

— Кто вы, черт побери? — прорычал я.

— Давненько ты не появлялся здесь, Дэвид.

— Я вас не знаю!

— Ты — нет. А вот я тебя знаю.

Он мотнул головой в сторону домика.

— Тебя и твою сестру. Я следил, как вы здесь играли.

— Ничего не понимаю!

Незнакомец улыбнулся. В густой бороде ослепительно блеснули белоснежные зубы.

— Я тот, кого вы прозвали Лешим.

Вдалеке загоготала стая гусей, собираясь спланировать на поверхность озера.

— Что вам нужно? — продолжал допрашивать я.

— Да, собственно, ничего, — все так же улыбаясь, ответил Леший. — Можно руки опустить?

Я кивнул. Он уронил руки, я отвел пистолет, но не расслабился. До меня, наконец, дошли его последние слова, и я спросил:

— И давно вы здесь прячетесь?

— Уже около, — человек пошевелил пальцами, пытаясь сосчитать, — около тридцати лет.

Он улыбнулся еще шире, увидев мое оторопевшее лицо.

— Я следил за тобой с тех пор, как ты был во-о-от такого роста.

Леший пошевелил пальцами где-то на уровне

колена.

— Видел, как ты рос и… — Он осекся. — Прошло много лет, с тех пор, как ты приехал сюда последний раз, Дэвид.

— Кто вы?

— Меня зовут Джереми Ренуэй.

Имя незнакомое.

— Я прячусь от закона.

— А почему тогда вышли сейчас?

Джереми пожал плечами:

— Например, потому, что хотел с тобой поздороваться.

— А откуда вы знаете, что я на вас не донесу?

— Видишь ли, ты — мой должник.

— Почему это?

— Я спас тебе жизнь.

Земля поплыла под ногами.

— Что?!

— Кто, по-твоему, вытянул тебя из воды?

Меня будто пыльным мешком огрели.

— А кто, по-твоему, втащил тебя в домик и даже вызвал «скорую»? — продолжал Леший.

У меня отвисла челюсть.

— И кто, — его улыбка стала еще шире, — ты думаешь, выкопал трупы тех бандитов, чтобы их все же нашли?

— Зачем? — с трудом выговорил я.

— Сам толком не знаю, — задумчиво сказал Джереми. — Понимаешь, много лет назад я сам совершил преступление. И теперь мне показалось, что я могу его искупить или что-то в этом роде.

— Вы имеете в виду, что видели тогда…

— Все, — закончил за меня Ренуэй. — Я видел, как два типа сграбастали твою жену и стукнули тебя бейсбольной битой. Слышал, как они обещали ей вытащить тебя, если она скажет, где находится что-то важное. Видел, как твоя жена дала им ключ, они захохотали и запихнули ее в машину, а ты так и остался в воде.

Я сглотнул.

— А вы видели, как их застрелили?

Ренуэй продолжал улыбаться.

— Мы уже достаточно поговорили, сынок. Она ждет тебя.

— Не понял.

— Она ждет тебя, — повторил он, отворачиваясь. — У дерева.

Без всякого предупреждения Леший по-оленьи прянул в кусты и исчез в чаще. Я проследил за ним глазами.

У дерева.

Я рванулся туда. Ветки стегали меня по лицу, я

не замечал. Ноги просили больше не мучить их, я не обращал внимания. Легкие протестовали, я велел им заткнуться. Повернув направо у продолговатого камня и миновав поворот, я увидел наше дерево. Подошел поближе и почувствовал, как глаза наполняются слезами.

Вырезанные на коре инициалы — Э.П. + Д. Б. — и тринадцать линий под ними почернели от времени. Я застыл на мгновение, а потом недоверчиво потрогал следы ножа. Не инициалы. И не тринадцать черточек. Мои пальцы коснулись восьми свежих линий, еще светлых и липких от древесного сока.

— Сама знаю, что это ерунда.

Сердце готово было взорваться. Я обернулся и увидел Элизабет.

Я не мог двинуться. Не мог сказать ни слова. Я просто смотрел на свою жену. На ее прекрасное лицо. И глаза. И чувствовал, будто лечу все вниз, вниз, в темный, бездонный колодец. Элизабет похудела, заметнее выступили скулы, а мне казалось, что я в жизни не видал ничего прекраснее.

В мучительных снах — в тщетных попытках сбежать от реальности — я часто сжимал Элизабет в объятиях, гладил ее лицо, не в силах побороть ощущение, что меня будто оттаскивают

от нее. Испытывая невероятное счастье, я тем не менее понимал, что это всего лишь сон и вскоре я буду выброшен обратно, в жестокую реальность. Страх, что происходящее может оказаться очередным сном, охватил меня, лишив дыхания.

Элизабет, казалось, поняла, что я чувствую. Она едва заметно кивнула, будто говоря: «Это и в самом деле я», и неуверенно шагнула вперед. Тяжело дыша, я собрал все силы, покачал головой и, дотронувшись до вырезанных на дереве линий, сказал:

— А я думаю, это романтично.

Элизабет зажала рот рукой, подавив рыдание, и бросилась ко мне. Я раскинул руки навстречу. Она влетела в мои объятия, и я сжал ее так крепко, как только мог. Зажмурив глаза, я вдыхал запах сирени и корицы, запах ее волос. Элизабет, всхлипывая, спрятала голову на моей груди. Мы обнимались все крепче и крепче. Она все так же… подходила мне. Все контуры, изгибы, выпуклости и впадины наших тел идеально совпадали. Я погладил ее затылок. Волосы стали короче, но на ощупь не изменились. Я чувствовал ее дрожь, как свою и знал, что с Элизабет творится то же самое.

В первом поцелуе сплелись новизна и воспоми-

нание, отчаяние и надежда, словно два человека, вырвавшись из глубин озера, наконец-то глотнули воздуха. Прошедшие годы, казалось, исчезли, зима уступила дорогу весне. Меня переполняли чувства, в которых я даже не старался разобраться — пусть кипят.

Элизабет подняла голову и заглянула мне в глаза. Я замер.

— Прости меня, — сказал она, и мое сердце взорвалось неровными толчками.

Я держал ее в объятиях. Держал и не знал, рискну ли когда-нибудь выпустить.

— Только не бросай меня больше, — попросил я.

— Никогда.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Мы никак не могли отпустить друг друга. Я прижимался к ее чудесной коже, гладил стройную спину, целовал лебединую шею. Просто обнимал ее, глядя в небеса. «Неужто? — думал я. — Неужто это не очередная жестокая шутка и моя жена на самом деле здесь, со мной, живая и невредимая?»

Я так хотел, чтобы это было правдой. И чтобы это никогда не кончилось.

И тут, разрывая наши объятия, прямо как в моих тоскливых снах, требовательно зазвонил телефон. Я заколебался, не оставить ли звонок без ответа, но, вспомнив все, что случилось, понял — не смогу. Нельзя отмахнуться от тех, кто любил нас и помогал нам в эти страшные дни. Мы оба это знали. Обняв Элизабет одной рукой — черта с два я теперь ее отпущу! — второй поднес к уху трубку.

Звонил Тириз. После первых же его слов земля поплыла у меня под ногами.

44

Мы припарковались на заброшенной стоянке возле здания школы «Рикер-Хилл» и, держась за руки, прошли через школьный двор. Даже в темноте я заметил, как мало он изменился с тех пор, как мы с Элизабет играли тут детьми. Педиатр во мне немедленно поднял голову и отметил новые меры безопасности: цепи у качелей стали толще, а на сиденьях появились перильца, под спортивным комплексом для лазанья лежали мягкие маты, на случай, если какой-нибудь ребенок сорвется. Но поле для кикбола,[25] футбольное поле и площадки с нарисованными «классиками» остались теми же, что и во времена нашего детства.

Мы миновали окошко класса мисс Собел, где учились когда-то, и не почувствовали ничего, кроме легкой ностальгии — так это было давно. Так же держась за руки, нырнули под сень школьного сада. Двадцать лет не ступали мы на эту дорожку и все же без колебаний нашли ее

---

[25] Примечания: 25

Кикбол — игра, похожая на бейсбол, но мяч бьют ногами и его можно бросить в игрока, чтобы вывести его из игры.

среди деревьев. Через десять минут мы оказались на заднем дворе дома Паркеров на Гудхарт-роуд. Я повернулся к Элизабет. Увлажнившимися глазами она смотрела на дом своего детства.

— Твоя мама ничего не знает? — спросил я.

Элизабет молча покачала головой. Потом повернулась ко мне. Я кивнул и отпустил ее руку.

— Думаешь, надо? — спросила она.

— Уверен.

Не дав ей времени на споры, я быстро пошел к дому. Дойдя до стеклянной двери, приложил ладонь козырьком к глазам и вгляделся внутрь. Хойта не видно. Я подергал заднюю дверь. Открыто. Повернул ручку и вошел. Никого. Я уже решил обыскать дом, когда заметил слабый свет. Прошел через кухню с прачечной и тихонько отворил дверь гаража.

Хойт Паркер сидел за рулем своего «бьюика» со стаканом в руке. Двигатель не работал. Когда дверь открылась, он наставил на меня пистолет, но, узнав, отложил оружие в сторону. Я спустился на две ступеньки вниз и по цементному полу прошел к машине. Дернул незапертую дверцу и скользнул на пассажирское сиденье рядом с Хойтом.

— Что тебе еще нужно, Бек? — спросил Паркер

заплетающимся языком.

Я попытался поудобнее устроиться на сиденье.

— Заставьте Гриффина Скоупа освободить ребенка.

— Не имею ни малейшего представления, о чем ты говоришь, — не слишком уверенно отозвался Паркер.

— Он платит вам. Называйте как хотите — подкуп, взятка, зарплата, в конце концов. Выберите любое слово, Хойт. Теперь я знаю все.

— Ни хрена ты не знаешь.

— Той ночью на озере, когда вы убедили Элизабет не обращаться в полицию…

— Мы это уже обсудили.

— Оказывается, не до конца. Чего вы на самом деле боялись, Хойт, — что злоумышленники убьют вашу дочь или что вас арестуют вместе с ними?

Паркер лениво скользнул по моему лицу глазами.

— Если бы я не уговорил Элизабет бежать, она бы погибла.

— Не сомневаюсь, — согласился я. — Однако у вас были и свои резоны молчать, Хойт. Вы хотели убить сразу двух зайцев: и дочь спасти, и самому за решетку не попасть.

— А из-за чего я мог оказаться за решеткой?

— Вы ведь не будете отрицать, что в платежной ведомости Скоупа красовалось и ваше имя?

Тесть пожал плечами:

— Думаешь, я один брал у него деньги?

— Нет.

— Тогда чего мне было бояться?

— Того, что вы сделали раньше.

Хойт допил все, что оставалось в стакане, посмотрел на бутылку и налил себе еще.

— А что я такого сделал, черт побери?

— Вы догадывались, что именно разузнала Элизабет?

— Правду о темных делишках Брэндона Скоупа. Проституция. В том числе подростковая. Наркотики. Мальчик играл в плохого парня.

— А еще? — продолжал давить я.

— Ты о чем?

— Если бы она копнула поглубже, то наткнулась бы на худшее преступление. — Я передохнул. — Не так ли?

Лицо Паркера перекосило от моих слов. Он отвернулся и уставился в ветровое стекло.

— Убийство, — закончил я.

Я попытался поймать взгляд Хойта, но все, что смог разглядеть, это ряд инструментов, аккурат-

но развешанных на крючках по стене гаража. Отвертки с черно-желтыми ручками висели четко, как по линейке: плоские — слева, крестовые — справа. Между ними три гаечных ключа и молоток.

— Элизабет была не первой, кто решил рассекретить тайную сторону жизни младшего Скоупа.

Я остановился и подождал, когда Паркер посмотрит на меня. Дождался, хотя и не сразу. И по его глазам понял: моя догадка верна. Он не пытался моргнуть или снова отвести взор. Я увидел, что прав. И он понял, что я это увидел.

— Это вы убили моего отца, Хойт?

Он отхлебнул из стакана и, прежде чем проглотить, посмаковал напиток во рту. Несколько капель виски вытекли ему на подбородок. Он их даже не вытер.

— Хуже, — закрыв глаза, ответил тесть. — Я предал его.

Неожиданно спокойным голосом, хотя в груди душной волной поднялся гнев, я спросил:

— Каким образом?

— Брось, Дэвид. Ты ведь уже и это вычислил, разве нет?

Меня передернуло от новой вспышки ярости.

— Отец тоже работал на Скоупов… — начал я.

— Более того, — перебил Хойт, — Гриффин нанял твоего отца, чтобы тот обучал Брэндона. Стивен постоянно находился рядом с парнем.

— Как и Элизабет.

— Как и она.

— И, работая с Брэндоном, отец обнаружил, каким чудовищем на самом деле является младший Скоуп. Правильно?

Хойт молча посасывал из стакана.

— Он не знал, что делать, — продолжил я. — И рассказать боялся, и молчать не мог. Эта тайна измучила его. Вот почему он был так молчалив те несколько месяцев до смерти.

Я замолчал и подумал об отце — перепуганном, одиноком, не знающем, что предпринять. Почему я тогда ничего не сообразил? Почему не выглянул за пределы собственного мирка и не заметил его страданий? Почему не поговорил с ним, не предложил помочь?

Я снова посмотрел на Паркера. У меня в кармане лежал пистолет. Как легко. Просто достать его и нажать курок. Бац! И нет Хойта. Вот только по опыту последних дней я знал, что это не решит проблемы. Наоборот, создаст новые.

— Что дальше? — спросил тесть.

— Отцу в голову пришла светлая мысль: он

должен посоветоваться с другом. Нет, не просто с другом, а с полицейским, с человеком, который знает все о том, как раскрывать преступления.

Казалось, кровь у меня закипает в жилах.

— С вами.

Лицо Хойта дрогнуло.

— Так все было?

— Почти, — ответил он.

— Вы донесли о разговоре Скоупу?

Паркер кивнул:

— Я думал, Гриффин лишь переведет его на другое место или что-то в этом роде. Подальше от Брэндона. Я и не предполагал… — Он сморщился, видимо, почувствовав, как нелепо звучат его оправдания. — Как ты догадался?

— Увидел имя. Мелвин Бартола. Он выступал свидетелем по делу о так называемой аварии, в которой погиб отец, хотя, конечно, на самом деле работал на Скоупа.

Перед моими глазами мелькнуло улыбающееся лицо отца. Я сжал кулаки.

— А еще вы соврали, что спасли мне жизнь, — продолжал я. — Вы действительно вернулись на озеро после того, как застрелили Бартолу и Вулфа. Только не спасти меня, а удостовериться, что я утонул.

— Я удостоверился, — подтвердил тесть, — но не обрадовался.

— Игра слов, — возразил я.

— Я не желал твоей гибели.

— Ну и не очень-то расстроились, с другой стороны, — упорствовал я. — Вернулись к машине и сказали Элизабет, что я утонул.

— Я хотел уговорить ее скрыться, — объяснил Хойт. — Известие о твоей смерти очень помогло.

— Вы, наверное, страшно удивились, узнав, что я все-таки выжил.

— Если честно, испытал шок. Как тебе удалось вылезти?

— Неважно.

Хойт откинулся назад; похоже, он был в полном изнеможении.

— Наверное, — согласился он.

Выражение его лица вновь изменилось, и я удивился, когда тесть спросил:

— Что еще ты хочешь выяснить?

— Вы не отрицаете того, что я сказал?

— Нет.

— И вы знали Мелвина Бартолу?

— Знал.

— Бартола проговорился вам о готовящемся похищении. Не понимаю только почему. Возможно,

у него сохранились остатки совести и он не хотел, чтобы Элизабет погибла.

— У Бартолы — совесть?! — Хойт фыркнул. — Помилуй, Дэвид! Бартола был подонком, наемным убийцей. Он пришел ко мне, потому что хотел сыграть в двойную игру. Стряхнуть денежки и с меня, и со Скоупа. Я пообещал ему двойную плату и содействие в побеге за границу, если он поможет мне сфальсифицировать смерть дочери.

Я кивнул и продолжил:

— Итак, Бартола и Вулф сообщили людям Скоупа, что после операции собираются залечь на дно. Я-то все недоумевал, почему их исчезновение не вызвало никакой суматохи. Теперь ясно. Все думали, что они куда-то смылись.

— Точно.

— Так что же случилось на самом деле? Вы их перехитрили?

— А ты думаешь, я поверю на слово типам вроде Бартолы и Вулфа? Они непременно нарисовались бы снова, независимо от того, сколько б я им заплатил, чтобы потребовать еще. Потом им надоело бы жить за границей, они бы вернулись сюда и трепались о похищении в каждом баре. Я эту породу знаю, не один год с такими возился. Нет, рисковать было нельзя.

— И вы их убили.

— Ага, — без тени сожаления подтвердил Хойт.

Теперь я знал все. Кроме того, как нам выкрутиться сейчас.

— Люди Скоупа схватили маленького мальчика. И обещают освободить его, если сумеют заполучить меня. Позвоните им и скажите, что организуете сделку.

— Мне не поверят.

— Вы долгое время работали с ними, — возразил я. — Придумайте что-нибудь.

Хойт задумался, молча уставившись на развешанные по стене инструменты. Я мог только гадать, что он там видит. И тут он медленно поднял пистолет, навел мне в лицо и не спеша произнес:

— Придумал.

Я даже не моргнул.

— Откройте дверь гаража, Хойт.

Тесть не двигался.

Я дотянулся до пульта и нажал на кнопку. Дверь заверещала, поднимаясь. Хойт, не мигая, смотрел в проем. Там стояла Элизабет, молча глядя в глаза отцу.

Тот вздрогнул.

— Хойт? — окликнул я.

Он дернулся ко мне. Свободной рукой сгреб за волосы и ткнул пистолетом в глаз.

— Прикажи ей отойти!

Я молчал и не двигался.

— Быстро, или я стреляю!

— На глазах у дочери?

Он наклонился совсем близко.

— Делай, сволочь, что я говорю!

Я удивленно взглянул на тестя. Странно, последняя фраза походила скорее на мольбу, чем на приказ. Хойт включил зажигание. Я махнул жене, чтобы она освободила выезд. Элизабет поколебалась, но в конце концов шагнула в сторону. Хойт надавил на газ, и мы со свистом проскочили мимо нее. Я обернулся и успел увидеть в заднее стекло, как исчезает тонкая фигурка. Скоро она совсем пропала из виду.

Опять.

Я уселся поудобнее, гадая, увижу ли еще когда-нибудь свою чудесным образом воскресшую жену. Конечно, перед ней я изображал уверенность, хотя и понимал, что шансы мои невелики. Впрочем, именно пример Элизабет научил меня бороться. Я объяснил ей, что теперь моя очередь защитить тех, кто в этом нуждается. Она не обрадовалась, но поняла.

Уже несколько дней я знал, что Элизабет жива. Мог ли я отдать за это жизнь? С радостью. Наконец-то я четко понимал, что происходит, и удивительно — именно сейчас, когда человек, предавший моего отца, вез меня навстречу смерти, я ощутил странное умиротворение. Исчезло чувство вины, угнетавшее меня долгие годы. Теперь я был уверен, что поведу себя достойно, даже если придется пожертвовать собой, и гадал, мог бы я избрать иной выход, или всей этой истории было предназначено кончиться именно так.

Я повернулся к Паркеру и сказал:

— Элизабет не убивала Брэндона Скоупа…

— Знаю, — перебил он и добавил нечто, потрясшее меня до глубины души: — Его убил я.

Я похолодел.

— Брэндон избил Элизабет, — быстро заговорил Хойт, — и хотел уничтожить ее. Я выстрелил в него, когда он ворвался к вам в дом. Потом, как уже говорил, повесил все на Гонсалеса. Элизабет знала, как было дело, и не смогла упечь за решетку невиновного. Вот она и придумала парню алиби. Об этом проведали люди Скоупа и что-то заподозрили. Предположили, что убийца — именно Элизабет… — Он осекся, вглядываясь в дорогу, а потом с трудом договорил: — А я позволил им

так думать.

Я протянул ему телефон:

— Звоните.

Он набрал номер и заговорил с человеком по имени Ларри Гэндл. Я встречал этого Гэндла несколько раз. Наши отцы учились вместе в школе.

— Бек у меня, — доложил Хойт. — Я отдам его вам у конюшен при условии, что вы освободите ребенка.

Трубка затарахтела голосом Гэндла, что именно — я не смог разобрать.

— Я подъеду туда, как только узнаю, что мальчик на свободе, — ответил Хойт. — И передай Гриффину — у меня есть то, что ему нужно. Мы можем решить давнюю проблему, не задевая ни меня, ни моей семьи.

Гэндл сказал еще что-то и отсоединился. Паркер вернул телефон.

— А я — часть вашей семьи, Хойт?

Он снова наставил на меня пистолет.

— Медленно вытащи свой «глок», Дэвид. На два пальца.

Пришлось послушаться. Он приоткрыл окно.

— Выброси.

Я заколебался. Хойт ткнул стволом мне в глаз.

Я кинул оружие в щель и даже не услышал, как оно упало.

Дальше мы ехали молча, ожидая очередного звонка. Наконец запищал телефон. Я нажал кнопку и услышал голос Тириза:

— С ним все в порядке.

Я отключился с чувством облегчения.

— Куда вы меня везете?

— Сам знаешь.

— Гриффин Скоуп прикончит нас обоих.

— Нет, — ответил тесть, не отводя от меня пистолета. — Не обоих.

45

Мы свернули с шоссе на проселок. Фонари остались позади, и скоро дорогу освещали лишь фары нашей машины. Хойт потянулся к заднему сиденью и взял какой-то коричневый конверт.

— Здесь все, Бек. Абсолютно все.

— Что — все?

— То, что твой отец накопал против Брэндона Скоупа. И Элизабет тоже.

На секунду я просто обалдел. Все это время он хранил у себя такую бомбу? А машина? Почему, когда я пришел, он сидел в машине?

— Где копии? — спросил я.

Хойт ухмыльнулся на удивление весело.

— Нету никаких копий. Все здесь.

— Ничего не понимаю.

— Поймешь, Дэвид. Прости, но на сегодня ты — козел отпущения. Это единственный выход.

— Скоуп это не проглотит, — сказал я.

— Еще как проглотит. Как ты сам говорил, я работал на него много лет и точно знаю, что он хочет услышать. Сегодня всему конец.

— И мне тоже?

Он промолчал.

— И как же вы объясните мою смерть Элизабет?

— Наверное, она возненавидит меня, — ответил тесть. — Зато останется жива.

Впереди показались задние ворота усадьбы Скоупов. «Конец игры», — подумал я. Охранник в форме махнул, показывая, чтобы мы проезжали. Машина проползла в ворота, и вдруг Хойт безо всякого предупреждения ударил по тормозам и повернулся ко мне:

— А нет ли на тебе «жучков», Бек?

— Что? Нет…

— Дай-ка посмотреть.

Хойт хлопнул ладонью по моей груди, я отшатнулся. Он угрожающе взмахнул пистолетом, потом ощупал меня с головы до ног и удовлетворенно сказал:

— Повезло тебе.

Машина снова тронулась. Даже в темноте я заметил, какая пышная растительность окружает конюшни Скоупов. В лунном свете чернели силуэты деревьев, они, казалось, машут ветвями, хотя ветра не было. Вдалеке засияли огни, Хойт направил машину в ту сторону. Выцветший знак поведал нам, что мы въехали на территорию

конюшен «Вольный скакун». Хойт припарковался на первом же подходящем пятачке слева от дороги. Я выглянул из окна.

Не очень-то разбираюсь во всем, что касается лошадей, но здешние сооружения меня просто ошеломили. Неподалеку возвышалось что-то вроде ангара, такого огромного, что он вполне мог накрыть собой дюжину теннисных кортов. Сами же конюшни были построены в форме буквы «V», и конца краю им не было видно. Посреди двора бил фонтан. Вокруг находились площадки для тренировок и скачек с препятствиями.

И, несомненно, люди, ожидающие нас.

Не отводя нацеленного на меня пистолета, Хойт приказал:

— Выходи.

Я повиновался. Дверца машины хлопнула, взорвав тишину, эхо разнесло звук по окрестностям. Хойт тоже вышел и, приблизившись сзади, ткнул пистолетом в поясницу. Свежий воздух и сельские запахи на мгновение притупили чувство опасности. Но когда я рассмотрел четверых встречающих, двух из которых узнал без всякого удовольствия, ощущение настороженности вернулось.

Еще двое — никогда их раньше не видел — были

вооружены полуавтоматическими винтовками. Они тут же взяли нас на мушку. Я почти не вздрогнул. Думаю, привык за последние дни, что в меня все время кто-то целится. Один из незнакомцев торчал справа, возле входа в конюшни, другой — слева, привалившись к машине.

Те двое, которых я узнал, стояли плечом к плечу в круге света. Ларри Гэндл и Гриффин Скоуп. Хойт подтолкнул меня пистолетом. Мы двинулись к ним, и я заметил, что дверь большого здания открыта.

Оттуда вышел Эрик Ву.

Я почувствовал, как сердце забилось о ребра, пульс застучал в ушах, ноги стали ватными. Несмотря на появившийся иммунитет к выстрелам, тело мое хорошо запомнило пальцы азиата. Я неосознанно замедлил шаг. Даже не взглянув в мою сторону, Ву подошел к Скоупу и что-то ему протянул.

Хойт остановил меня за несколько десятков метров до встречающих.

— Хорошие новости! — крикнул он.

Все немедленно посмотрели на Скоупа. В том числе и я. Я неплохо знал этого человека — в конце концов, я был сыном его старого друга и братом его же преданной служащей. Как и многие дру-

гие, я благоговел перед крупным, добродушным человеком с дружелюбными искорками в глазах. Каждому хотелось, чтобы Гриффин его заметил — похлопал по спине, угостил за свой счет, в общем, повел себя, как старый знакомый, удачно балансирующий на шаткой грани, что разделяет работу и дружбу. Это редко кому удается. Боссы часто теряют авторитет, заигрывая с подчиненными, а рядовые работники забывают друзей, выбиваясь в начальство. Только не Гриффин. Он был похож на динамо-машину, приводившую в движение все вокруг себя.

Правда, сейчас Скоуп выглядел озадаченным.

— Хорошие новости? — переспросил он.

Хойт криво улыбнулся.

— Очень хорошие, я бы сказал.

— Прекрасно, — отозвался Скоуп и посмотрел на Ву.

Ву кивнул, не двигаясь с места.

— Тогда расскажи мне эти новости, Хойт. Я весь внимание.

Хойт откашлялся.

— Во-первых, вы должны поверить, что я никогда не пытался причинить вам вред. Более того, я принял меры, чтобы сведения, порочащие вашего сына, никогда не выплыли наружу. С другой

стороны, я хотел защитить свою дочь. Вы можете это понять?

Тень пробежала по лицу Гриффина.

— Могу ли я понять желание защитить своего ребенка? — спросил он с ноткой угрозы в голосе. — Да, мне кажется, я могу это понять.

Откуда-то послышалось лошадиное ржание. Больше ничто не нарушало тишину. Хойт нервно облизнул пересохшие губы и поднял вверх коричневый конверт.

— Что это?

— Все, — ответил Хойт. — Все, что моя дочь и Стивен Бек разузнали про вашего сына.

— А копии?

— Только одна.

— Где?

— В надежном месте. У адвоката. Если я не позвоню ему в течение часа и не назову условленный пароль, он даст информации ход. Это не угроза, мистер Скоуп. Я бы никогда не стал разглашать то, что я знаю. У меня есть что терять.

— Да, — согласился Скоуп. — Как и у всех нас.

— Теперь вы можете быть спокойны. Сейчас я передам вам все, что имею, а позже вышлю копию. Вам не придется преследовать меня и мою семью.

Гриффин Скоуп посмотрел на Ларри Гэндла и Эрика Ву. Типы, прикрывающие их по бокам, казалось, напряглись.

— А как же мой сын, Хойт? Кто-то пристрелил его, как собаку. Ты хочешь, чтобы я оставил этого человека в покое?

— Дело в том, — сказал Хойт, — что Элизабет его не убивала.

Гриффин прищурился, изображая живой интерес, хотя по его глазам я заметил, что он ошеломлен.

— Предположим, — проговорил он. — Тогда кто же это сделал?

Хойт шумно сглотнул, повернулся и посмотрел на меня.

— Дэвид Бек.

Я не удивился. И не рассердился.

— Он убил вашего сына, — торопливо продолжил Паркер. — Узнал, что случилось с женой, и решил отомстить.

Скоуп сдавленно застонал и прижал руку к груди. Потом наконец-то посмотрел на меня. Гэндл и Ву последовали его примеру. Глядя мне в глаза, Скоуп спросил:

— Что вы можете сказать в свое оправдание, доктор Бек?

— А вы поверите, если я скажу, что он врет? — подумав, ответил я.

Скоуп, казалось, даже не слушал меня. Он повернулся к Ву и сказал:

— Принеси конверт, пожалуйста.

Ву двинулся к нам походкой пантеры. Он улыбнулся, и я почувствовал, как инстинктивно сжалось мое тело. Эрик остановился перед Хойтом и протянул руку. Хойт отдал ему документы. Одной рукой Ву взял конверт, а второй — я никогда не видел более стремительного движения — легко, будто отнимая игрушку у ребенка, выдернул у Хойта пистолет и отшвырнул его в сторону.

— Что за… — начал Паркер и упал на колени от жестокого удара в солнечное сплетение. Его вырвало.

Ву спокойно наблюдал, как Хойт корчится, стоя на четвереньках. Подождав немного, он двинул его кулаком под ребра, я даже услышал хруст. Хойт перекатился на спину и остался лежать, раскинув руки и ноги и беспомощно моргая.

Гриффин Скоуп, улыбаясь, приблизился к моему тестю и поднял вверх что-то маленькое и черненькое. Я скосил глаза, пытаясь что-нибудь разглядеть.

Хойт смотрел на него снизу вверх, сплевывая

кровь.

— Я не понимаю… — прохрипел он.

Я наконец рассмотрел, что было в руке у Гриффина. Диктофон. Скоуп нажал кнопку. Раздались голоса — мой и Хойта:

«– Элизабет не убивала Брэндона Скоупа…

– Знаю. Его убил я.»

Гриффин выключил диктофон. Воцарилась тишина. Скоуп молча смотрел на Паркера. И в это мгновение я многое понял. Я догадался, что Хойт Паркер, зная, что его дом напичкан «жучками», сообразил, что люди Скоупа не обошли своим вниманием и машину. Вот почему он вышел из дому, когда заметил нас с Элизабет на заднем дворе. Вот почему дожидался меня в гараже. Вот почему оборвал меня, когда я попытался объяснить, что Элизабет не убивала Брэндона. И вот почему признался в убийстве именно там, где наш разговор, несомненно, прослушивался. Я осознал, что, обыскав меня, он, конечно же, нащупал проводок, который Карлсон спрятал мне на грудь, под одежду. Хойт сделал ставку на то, что после этого ищейки Скоупа не станут ощупывать меня второй раз, а кроме того, хотел удостовериться,

что фэбээровцы тоже слышат наш разговор. Паркер, совершивший множество отвратительных поступков, в том числе и предавший моего отца, использовал последний шанс искупить вину и, ловко обведя Скоупа вокруг пальца, спас меня и Элизабет, пожертвовав собственной жизнью. Я сообразил, что для успешного завершения плана Хойт должен сделать еще одну вещь, и поспешно отступил. И когда над нами уже застрекотали, снижаясь, вертолеты ФБР, а голос Карлсона, усиленный мегафоном, приказывал всем оставаться на месте, я увидел, как Хойт Паркер тянется к кобуре на лодыжке, достает оттуда пистолет и три раза стреляет в Гриффина Скоупа. А потом поворачивает пистолет к себе…

— Нет!!! — завопил я, но последний выстрел заглушил мой крик.

46

Мы хоронили Хойта через четыре дня. Тысячи полицейских в форме пришли на кладбище, чтобы почтить память сослуживца. Подробности событий в поместье Скоупа так и не стали широко известны, и я сомневаюсь, что когда-нибудь станут. Даже мать Элизабет не пыталась добиться правды, хотя в ее случае все объяснялось безумной радостью, с какой она встретила возвращение дочери с того света. Ей просто было не до расспросов и выяснений. Да и мне тоже.

Итак, Паркер считался погибшим героем. И может, так оно и было. Не мне судить.

Хойт оставил подробное признание, примерно повторяющее то, что он рассказал в машине. Карлсон мне его показал.

— Теперь достаточно, чтобы покончить со всей этой историей? — спросил я.

— Нужно еще собрать данные против Ву и Гэндла, — ответил Карлсон. — Правда, после смерти Гриффина Скоупа это не трудно — все его подчиненные сдают друг друга наперебой.

«Мистическое чудище, — вспомнил я. — Мы не

стали отрубать твои головы. Мы поразили тебя в самое сердце».

— Вы правильно сделали, что, узнав о похищении мальчика, пришли ко мне, — похвалил Карлсон.

— А что еще оставалось?

— И то верно. — Карлсон пожал мне руку. — Всего хорошего, доктор Бек.

— И вам того же.

Вам, наверное, хочется знать, уехал ли Тириз во Флориду и что случилось с Ти Джеем и Латишей. Возможно, вас интересует, помирились ли Шона и Линда и что стало с маленьким Марком. К сожалению, я вам не отвечу. Просто потому, что сам не знаю.

Моя история заканчивается здесь и сейчас, через четыре дня после смерти Хойта Паркера и Гриффина Скоупа. Уже поздно. Очень поздно. Я лежу в постели, держа в объятиях Элизабет, и наблюдаю, как поднимается и опускается в такт дыханию ее грудь. Она дремлет. Я не спускаю с нее глаз. И почти не сплю. Сон и явь поменялись местами: теперь я теряю ее каждую ночь, во сне она снова мертва, а я одинок. Поэтому я почти не отпускаю Элизабет. Вцепился в нее, и все тут. А она в меня. Ничего, и это как-нибудь переживем.

Как будто почувствовав мой взгляд, Элизабет повернулась и открыла глаза. Я улыбнулся ей. Она улыбнулась в ответ, и у меня екнуло сердце. Я вспомнил вечер на озере. Как я дрейфовал на плоту. И как решил открыть ей правду.

— Мне надо кое-что тебе сказать, — шепнул я.

— По-моему, не надо.

— Мы так и не научились ничего скрывать друг от друга, Элизабет. Если бы мы сразу признались… — Я не закончил.

Она кивнула. И я вдруг понял, что Элизабет знает. Всегда знала.

— Твой отец, — сказал я. — Он все время думал, что это ты убила Брэндона Скоупа.

— Я ему так сказала.

— Но в конце концов… — Я осекся и начал сначала: — Когда там, в машине, я признался, что ты никого не убивала, думаешь, Хойт догадался, как было дело?

— Не знаю, — ответила Элизабет. — Хочется думать, что да.

— И пожертвовал собой ради нас.

— Или пытался помешать тебе сделать то же самое. Или все еще считал, что Брэндона убила я. Теперь мы никогда не узнаем точно. Да это уже и не важно.

Мы смотрели друг на друга.

— Ты знала, — с трудом выговорил я. — С самого начала ты…

Элизабет приложила палец к моим губам.

— Все хорошо.

— Ты спрятала улики в ячейку, — продолжал я. — Для меня.

— Я хотела спасти тебя, — призналась она.

— Это была самооборона, — объяснял я, снова чувствуя в руке пистолет и стараясь отогнать воспоминания о том, как противно дернулась рукоятка, когда я спустил курок.

— Я знаю, — сказала Элизабет, обвивая руками мою шею и притягивая меня к себе. — Знаю.

Видите ли, это ведь я был дома, когда восемь лет назад к нам вломился Брэндон Скоуп. Я уже лежал в постели, и тут появился он, с ножом в руке. Мы сцепились. Я дотянулся до отцовского пистолета. Брэндон прыгнул на меня. Я выстрелил и убил его. А потом в панике бежал. Бродил по улицам, пытался привести в порядок мысли, найти какой-нибудь выход. Когда немного пришел в себя и вернулся домой, тела уже не было. И пистолета тоже. Я на самом деле хотел рассказать все жене. Собирался сделать это там, на озере. А вышло, что рассказал только сейчас.

Как я уже говорил, если бы я признался с самого начала…

Элизабет прижала меня к себе.

— Я здесь, — шепнула она.

Здесь. Со мной. Нужно время, чтобы к этому привыкнуть. Но я привыкну. Мы обняли друг друга и начали медленно погружаться в сон. Завтра мы проснемся вместе. И послезавтра тоже. Каждое утро, просыпаясь, я буду видеть ее лицо. Слышать ее голос. И больше мне, наверное, ничего не нужно.